

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ ВПО “Северо-Восточный федеральный университет
имени М.К. Аммосова”

Научно-исследовательский институт Олонхо

П.А. ОЙУНСКИЙ

ЯКУТСКАЯ СКАЗКА (ОЛОНХО), ЕЕ СЮЖЕТ И СОДЕРЖАНИЕ

2013

The Ministry of Education and Science of the Russian Federation
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
Olonkho Research Institute

P.A. OIUNSKY

**YAKUT FAIRY TALE (OLONKHO),
ITS PLOT AND CONTENTS
(EXPERIENCE OF YAKUT FAIRY TALE'S
ANALYSIS)**

ЯКУТСК

2013

УДК 398.224(=512.157)
ББК 82.3 (2Рос=Яку)
0-48

Редакционная коллегия:
В.Н. Иванов (отв. ред.), докт. ист. наук,
А.А. Находкина, к. филол. наук, Н.А. Николаева

Editorial stuff:
V.N. Ivanov (executive editor), Doctor of Historical Sciences,
A.A. Nakhodkina, Candidate of Philological Sciences,
N.A. Nikolaeva

0-48 **Ойунский, Платон Алексеевич.**
Якутская сказка ее сюжет и содержание [ред.колл.: д.и.н. В.Н. Иванов
(отв. ред.), к.ф.н. А.А. Находкина, Н.А. Николаева]. — Якутск: Сайдам
: 2013. — 96 с.

P.A. Oiunsky.
Yakut fairy tale (Olonkho), its plot and contents (Experience of Yakut
fairy tale's analysis) [edit. stuff: Doctor of Historical Sciences, V.N. Ivanov
(executive editor), Candidate of Philological Sciences, A.A. Nakhodkina,
N.A. Nikolaeva]. — Yakutsk: Saidam : 2013. — 96.

УДК 398.224(=512.157)
ББК 82.3 (2Рос=Яку)

П.А. ОЙУНСКИЙ О ЯКУТСКОМ ЭПОСЕ

В 1927 году Платон Алексеевич Ойунский (Слепцов) – выдающийся государственный и общественный деятель Якутии, писатель, один из глубоких знатоков якутского фольклора, олонхосут (сказитель) – в «Сборнике трудов исследовательского общества «Саха кэскилэ» опубликовал большую статью «Якутские сказки (олонхо), ее сюжет и содержание». Статья вызвала огромный интерес среди общественности, в ней впервые после работ И.А. Худякова, В.Л. Серошевского и некоторых других было предпринято специальное исследование олонхо, его содержания и сюжетов. Ее особенность состоит в том, что она была написана природным знатоком олонхо, глубоко и тонко понимающим все, что связано с эпическим наследием родного народа. И потому статья представляет огромный интерес для изучения одного из самых уникальных жанров устного народного творчества – олонхо, вобравшего в себя все мирозерцание древних предков якутов, испытавших в своем историческом развитии самые сильные потрясения и вызовы судьбы, прежде чем попасть в Якутию – современную территорию своего обитания.

Понятно, что в этой связи П.А. Ойунский обратил свое внимание на проблему происхождения олонхо, не отрывая его от общей проблемы этногенеза самих якутов. Суть его мнения по данному вопросу состоит в утверждении, что олонхо появилось тогда, когда предки якутов столкнулись с войнами времен «татарского и монгольского нашествия на Китай», т.е. с войнами времен Чингис-хана на земле монголов и бурят. В настоящее время наука дает иное решение исторического времени происхождения якутского героического эпоса, но заслуга П.А. Ойунского состоит в том, что он одним из первых поставил эту проблему как научную и, что очень интересно, рассматривал олонхо как важнейший исторический источник для изучения проблемы происхождения якутского этноса.

Статья свидетельствует о том, что П.А. Ойунский знал очень много олонхо и его описание содержания и сюжетов олонхо представляет собой обобщенный взгляд на якутский эпос, потому выводы и наблюдения автора отличаются высоким профессионализмом и сохраняют свое научно-исследовательское значение по настоящее время. Он исследовал «изнутри» широкий круг вопросов, характеризующих олонхо как особый жанр устного народного творчества: космогонические представления, этно-генеалогические представления, вопросы семьи и брака, празднества, гостеприимство, культовые обычаи, мораль и нравственность, народная медицина, погребальные обычаи, религиозные верования, материальная куль-

тура, традиционные постройки, домашняя утварь и орудия труда и охоты, ремесленные занятия, метрологические и хронологические представления и т.д. П.А. Ойунский находит в олонхо и ту информацию, которая свидетельствует о характере социального строя древних якутов, о родовых и личных отношениях, о рабстве и т.д. Непреходящее значение имеет характеристика терминов и понятий, содержащихся в олонхо.

Исключительно глубокое знание и понимание природы якутского эпоса, его «неизмеримого» культурно-исторического значения – вот, что мы находим в публикуемой статье П.А. Ойунского. Его наблюдения о том, что в олонхо отражено «мировоззрение древнего якута», что «оно же освещает нам и весь древний период жизни якута» навсегда вошло в анналы якутского эпосоведения.

Редколлегия «Сборника трудов исследовательского общества «Саха кэскилэ» отметила, что П.А. Ойунский в статье «не старался выполнить все те требования, которые предъявляются к научным материалам», правильно указала, что «статья дает так много нового и ценного в научном отношении, что несомненно послужит немалым вкладом в дело изучения якутского народа». Вместе с тем, некоторые его наблюдения частного характера, сформулированные на уровне науки 20-х годов XX века, устарели и не вписываются в современные научные представления, но от этого статья ни коим образом не страдает.

Конечно же, П.А. Ойунский оставил и другие мысли о якутском эпосе – олонхо, о чем можно было бы говорить специально в другом случае. Здесь же мы обратили внимание на одну его статью, положившую начало научному изучению якутского эпоса и свидетельствующую о широте его эстетического кругозора. Он глубоко верил в неисчерпаемый духовный потенциал олонхо, что отражено в его гениальном творении – олонхо «Нюргун Боотур Стремительный». Он выступал и в роли неистового защитника от примитивных нападок окололитературных спекулянтов на олонхо. Размышляя о бессмертии якутского героического эпоса, П.А. Ойунский оптимистически утверждал: «Мы способны будем дать гигантов в будущем, если овладеем литературным наследством таких мировых имен, как Гомер, Фирдоуси, Руставели, создавших великие поэмы, близкие нашему народному богатырскому эпосу». Платон Алексеевич как никто другой понимал общечеловеческую природу олонхо, его вечные художественные ценности.

Директор НИИ Олонхо, д.и.н., профессор **В.Н. Иванов**

ДРЕВНИЙ ЯКУТ — “УРААНХАЙ САХА”

«Саха» — название племени, «ураанхай» употребляется во всех преданиях героического эпоса лишь как прозвище, данное воинственному и смелому племени. Это подтверждается и тем, что якуты не считают себя потомками племени «ураанхай», т.е. «ураанхай биис ууһа», или «ураанхай ууһа». Только удивленные чьей либо смелостью или удалью, якуты восклицают: «Оо, ураанхайдар, оҕолор!», т.е. «Ну и безумцы, смельчаки!».

Якуты, ушедшие из той территории, которую занимали в эпоху «олонхо», попав в нынешнюю Якутию, где не было родственных им по крови и языку народностей, стали считать себя «саха омук», т.е. «якутский народ».

Территорию, которую якуты сейчас занимают, нужно считать не второй родиной, а третьей. Основанием такого утверждения является: 1) что якуты считают свое происхождение от «үрүн Аар Тойон биийин ууһуттан», т. е. из «племени Белого Престарелого Господина». Во всех «олонхо» мы встречаем только что установившийся патриархат, когда еще следы матриархата имеются и уживаются с патриархатом. Отсюда вывод, что «ураанхай саха» — древние якуты матриархат и его зарю должны были пройти вместе со всеми кровнородственными племенами; 2) древние якуты считают себя заселенными на территорию средней страны, т.е. среднего мира, при создании трех стран, т.е. трех миров. Здесь мы застаем патриархат с остатками матриархата. Героический эпос, эпоха олонхо, начинается с патриархата на среднем мире и кончается уходом якутов отсюда.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДРЕВНЕГО ЯКУТА О МИРЕ

Древний якут вселенную представляет как бы состоящей из земли — «сир», солнца — «күн», луны — «ый» и звезд — «сулустар». Поэтому мир он делит на две части: Земля — «сир» и Небо — «халлаан». Такое деление мира на две части, на Землю и Небо, при появлении народного словесного творчества принимает новую форму: Земля становится средним миром, Небо — верхним, а третьим является нижний мир. Основанием нового представления о мире яви-

лось предание о войне, окончившейся созданием трех миров, т.е. разделением вселенной между тремя союзными объединениями племен, на верхнюю, среднюю и нижнюю страны. Поэтому представление якута времен матриархата о мире по аналогии (создание трех стран) стало уже представлением якута эпохи патриархата о трех мирах.

Древний якут — «ураанхай саха» считает верхний мир состоящим из девяти небесных пространств, или из девяти небесных стран. Из них три нижние страны, залегающие от среднего мира на юго-восток, отличаются теплым климатом, ярким и никогда не заходящим солнцем и богатой вечно-зеленой растительностью. Пять небесных стран, залегающих от среднего мира на юго-запад и северо-запад, отличаются холодным и сырым климатом, туманным небом и скудной растительностью. Верхняя, девятая небесная страна, как конец и полюс мира, отличается особенно суровым климатом, без всякой растительности, ледяным дыханием, туманным небом. Солнце и луна светят тускло, почему не дают резких световых контрастов, кажутся полубликами. Это — страна мрака и тени.

Нижний мир отличается от среднего холодным и сырым климатом. Солнце и луна здесь также не дают полного света, потому небо похоже на недоваренную уху. Здесь вечный мрак и туман. Только тот край, который соприкасается со средним миром, отличается сходством со средним миром. Нижний мир находится внизу, на севере. Южный край, соприкасающийся со средним миром, описывается, как страна лягушек, ящериц и жуков.

Средний мир находится между верхним и нижним мирами, здесь климат умеренный. Есть достаточная, сочная растительность. Солнце ясное, оно заходит и восходит. Зиму узнают по снегу (точнее по инею). Восточная страна среднего мира, залегающая к восточным странам верхнего мира, отличается теплым климатом, вечнозеленой растительностью, ярким и не заходящим солнцем. Здесь растительность не испытала на себе губительных действий заморозков. Здесь-то был поселен первый якут — «ураанхай саха».

ПРЕДАНИЕ О СОЗДАНИИ ТРЕХ МИРОВ ИЛИ ОБ ОБРАЗОВАНИИ ТРЕХ СТРАН

Как можно заключить из якутских сказок, вначале эпохи «олонхо» было три великих объединения племен, т.е. «үс улуу биис ууһа». Первое объединение племен называлось «үс киис тириитэ өлүргэлээх бэргэһэлээх, үрүн Аар Тойон биийин ууһа», т.е. «Объединение племен Престарелого Белого Господина, носящего шапку с верхом из трех соболиных шкур». Второе объединение племен называлось: «Уордайан уһуутуур, Улуутуйар Улуу тойон биийин ууһа», т.е. «Объединение племен во гневе задыхающегося, Возвеличаемого Великого Господина». Третье объединение племен называлось: «Арбаһаһын бүрүммүтүнэн үөскээбит, Алдьархайдаах Арсан Дуолай биийин ууһа», т.е. «Объединение племен зачатого во чреве матери завернутым в свою рванку шубу Бедового, Сильного Арсана». Иногда «Арсан Дуолай» называют «Буор

Мангалай» или «Луо-Хаан Тойон», т.е. «Бедовый, Сильный Арсан» «с земляной пастью», «Господин Луо-Кровавый».

Эти три великих объединения племен столкнулись однажды на почве обладания лучшими странами мира (до этого они жили смешанно, не занимая определенной территории). Война по данным «олонхо» была страшная и упорная. Впервые она разгорелась на верхнем мире. От потрясений этой войны, от ее разрушительных действий дрожали и металась все три мира, вследствие чего на верхнем мире девятая небесная страна, пылая синим огнем, стонущая от ледяных метелей и бури, перевернулась и образовала страну южного полюса, страну страха и бедствий, мрака и зла. Так образовался мир вечной распри, «вертлявый, как вихрь, как одноглазый разбойник, косым взглядом всматривающийся в средний мир».

Нижний мир, задрожав, как берестяная посуда с водой, пылая в огне, подобным горячей сере, со стоном перевернулся верхом вниз и образовал страну северного полюса, страну неизбывных страстей и чар, страну бедствий и зла. Так образовалась преисподняя, страна зияющих пропастей, т.е. «дъөлөрү үтүгэн».

Все три мира, окутанные мраком, освещенные заревом пожаров, стонали, истекая кровью, как живые существа. Близился конец мира.

Все три воюющие стороны, будучи неистребимыми в своей борьбе, тем самым ставили вселенную под угрозу окончательного разрушения, и потому, когда они раскаленные окунулись в море, а затем вынырнули со дна, то порешили кончить борьбу миром. Заключили «кин-киниир киэн халлаан Улуу уот дьүүлүн», т.е. «отзывающегося беспредельного широкого неба Великий огненный суд» и распределили между собою всю вселенную, создав три мира.

Все бесчисленные племена «Престарелого Белого Господина» заселились на трех нижних странах верхнего мира; все племена «Возвелечаемого Великого старца», в числе 39 племен, заселились на шести верхних юго-западных и северо-западных странах верхнего мира; все племена «Бедового, Сильного Старца», в числе 36 племен, заселились на нижнем мире, где зияющая преисподняя стала служить им непреступною твердыней. С этого момента - момента раздела мира на три страны — начинается героическая эпоха «олонхо» — эпоха древнего якута-«ураанхай саха». Только с этого момента начинается и его предание о добрых и злых началах.

ЗАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕГО МИРА

При заключении мирного договора, для наблюдения за его выполнением воюющими сторонами, были избраны должностные лица для всех трех миров. Первыми из них упоминаются Чингиз-хан (Чынгыс хаан). Одун-хан (Одун хаан) и Господин Джилга (Дьылба тойон), при чем их функции сливаются, все эти лица почти одно и то же. Это может быть объяснено тем, что они были один за другим ханами и последним был Джилга. В «олонхо» более всех встречается Джилга, как распорядительная и исполнительная власть на трех мирах. Древ-

ний якут считал их происходящими из племен «Белого Престарелого Старца». Писцом на трех мирах был избран «Уот Дьурантаайы», то есть «Огонь Джурантая»; он должен быть отнесен к племенам «Возвеличаемого Великого Господина», так как имена начинающиеся от «уот» — «огонь» являются именами, именно, злых начал. Это надо отметить, так как первым грамотным лицом является сын злого начала, из верхнего мира, - (возможно и из нижнего мира), что указывает на более высокую культуру древних «ураанхай саха» перед другими племенами.

Все три нации пришли к единогласному решению заселить средний мир тридцатью пятью племенами «отут биэс биис ууһа», в числе которых был древний якут (очевидно, одно племя), являющийся младшим сыном «Белого Престарелого Господина». Он назывался «Түөнэ Монол тойон», жена его «Кус Хангыл хотун».

Все же остальные должны быть отнесены к другим нациям из верхнего и нижнего миров. Эти племена, как более культурные, более оседлые, чем древние якуты, именно и явились в средний мир в лице «иччи», т.е. духов, покровителей разных отраслей хозяйства и промыслов. Покровитель огня, «уот иччитэ», является старшим сыном «Возвеличаемого Великого Господина», из верхнего мира. Первый кузнец происходит из нижнего мира, из племен «Бедового, Сильного Старца», Луо Кровавого.

В верхнем мире хозяйство основано исключительно на конном скоте; в нижнем мире — только на рогатом скоте, а в среднем — на конном и рогатом. Поэтому злым началам верхнего мира жители среднего мира приносят в жертву только конный скот. В первую очередь, жеребца масти — «как березовый кол» с белой шерстью над копытами, «как держащий на зубах поперек сырые легкие», с красно-легочного цвета губой, с косо-белой полоской на морде, спине и боках в трех местах с белыми полосками, краснопегий, т.е. «хатын тоһоҕо курдук баһырбастаах туйахтаах», «сиикэй тынаны туора уоппут курдук кыһыл мэлдьэн тумустаах», «балай мангаас сирэйдээх», «үс сириэнэн туос ала дьүһүннээх атыыр сылгы».

Злым началам нижнего мира средний мир приносит в жертву только рогатый скот. В первую очередь, породу масти «иссиня-пестрый» или «изжелта-пестрый», т.е. «күөх күрдүгэс», или «кугас тараах атыыр орус». Конный скот среднего мира находится под покровительством верхнего мира, в лице «Уот Дьөһөгөй», а рогатый скот — под покровительством нижнего мира в лице «Айыһыт хаан хотун».

Ошибочно представление современных «олонхоһуттар» (сказочников), когда они обоих покровителей относят по происхождению к племенам «Белого Престарелого Господина», так ошибается и Андросова-Ионова, когда всех духов (иччи) она относит к «Белому Престарелому Господину». Это представление не совпадает с данными шаманизма. Покровительницу рогатого окота без сомнения следует отнести к племенам «Бедового, Сильного Старца», так как рогатый скот происходит из нижнего мира, т.е. является хозяйством племен, поселившихся в нижнем мире. «Олонхо» воспевают хозяйство среднего мира более мощ-

ным и цветущим, чем хозяйства верхнего и нижнего миров, которые составлены только из одного элемента каждый.

ПЕРИОД ПОЯВЛЕНИЯ «ОЛОНХО»

Время появления «олонхо» в виде отдельных повествований о войнах должно быть отнесено к временам татарского и монгольского нашествий на Китай. К числу этих войн должна быть отнесена и война, приведшая к образованию трех национальных единиц (в сказке трех миров). Избрание Чингиз-хана господином над тремя мирами вполне совпадает с победными нашествиями его на Китай, Среднюю Азию и Россию.

Древние якуты, ушедшие из Средней Азии, застали эти войны на территории древне-китайской империи. Чем был вызван уход якутов из Средней Азии неизвестно, но «олонхо» повествует об этом, как заселение среднего мира в результате войны, т.е. как вынужденную колонизацию. Очевидно, племена Средней Азии, живущие у границ Китайской империи, принимали участие в походах татар и монголов на китайскую территорию. «Олонхо», между прочим, не выделяет особо ни татар, ни других племен и всех их причисляет к племенам «Белого Престарелого Господина».

С уходом татар, древние якуты не в силах были удержаться в пределах занятой ими территории (по сказкам в среднем мире), и им пришлось оттуда уйти с большим уроном, о чем будет говориться дальше.

«Олонхо» застает век железа на новой территории древних якутов, где в полном ходу железные орудия борьбы, а также, между прочим, и серебро.

Редко встречаемые в «олонхо» орудия борьбы из кости животных должны быть отнесены к более древнему периоду, например, «Ойобос унуоѳа батыяллах Оѳо Тулаайах», т.е. «богатырь Дитя-Сирота с батыей из реберной кости». Молодые воины, богатыри из племени «ураанхай саха» едут взять доспехи и вооружение к кузнецам, находящимся на северной границе среднего мира, куда они перешли во время заключения мирного договора между тремя великими объединениями племен, отколовшись от племени «Бедового, Сильного Старца», поселившегося на нижнем мире.

ОТРАЖЕНИЕ СЕМЬИ И БРАКА

Эпоха «олонхо» является эпохой патриархата, наряду с которым уживаются еще остатки матриархата. Семья основана на одноженстве и одномужестве, со следами, однако, группового брака и двуженства. Женщина эпохи «олонхо» является большим авторитетом в семье и пользуется высоким уважением. Во всех делах семьи и хозяйства мнение женщины (жены хозяина) является решающим. Хозяйство в эпоху «олонхо» во всех случаях является индивидуальным и основанным на доле женщины, выделенной ей ее родными. Мужчина — глава семьи имеет орудия борьбы, коня и юрту с необходимыми пристройками.

Только младшие сыновья (или единственные) основывают свое отдельное хозяйство на двух источниках: на доле жены и имуществе родных.

Брак заключается вне семьи и рода. Молодой человек, достигший брачного возраста, едет искать себе жену в дальние места, причем, брак заключается тогда, когда жених является победителем на состязаниях и в боях со своими соперниками. Брак с выбранной девушкой является для него венцом его героических подвигов. Добытая таким путем жена, приносящая к тому же, с собой конный и рогатый скот, — становится властной хозяйкой, которой подчиняется муж и с авторитетом которой считаются все в хозяйстве. В сказках нигде ни в одном случае не упоминается про выкуп невесты — «халыым». Отсюда вывод, что «халыым» — явление позднейшего времени. На начальную стадию патриархата и индивидуальной семьи указывают и редко встречающиеся следы двуженства: например, богатырь «Мүлдү Бөбө», отец двух знаменитых богатырей — «Баһымны Баатыр» и «Элик Боотур» имел двух жен «Улахан Айы кыһа» и «Кыра Айы кыһа».

В раннюю пору патриархата замечаются также свежие следы группового брака. Например, два родных брата «Иэйэхсит сиэнэ Илэ Хара» и «Айыһыт сиэнэ Ала Хара» женятся на двух родных сестрах, сестрах спасенного ими богатыря «Алтан Чахчахай». В дальнейшем индивидуальный брак своеобразно реформирует эти остатки группового брака. Так, например, величайший богатырь «Ньургун-Боотур» женится на женщине-богатыре «Кыыс Ньургун», на сестре спасенного им богатыря «Айы Дьурабастай», который в свою очередь женится на сестре первого. В этом браке, хотя и вполне индивидуальном, ярко отражаются следы группового брака. Наравне с умыканием женщин, очень редки случаи умыкания мужчин женщинами. Но все же есть и подобные случаи. Например, две сестры-удаганки — «Уолумар» и «Айгыр» своими волшебствами умыкают двух мужчин, состоящих в браке, берут их к себе в мужья. В последнем случае видны следы матриархата.

ЦЕЛОМУДРИЕ И ДЕВСТВЕННОСТЬ В ЭПОХУ “ОЛОНХО”

Во всех трех мирах женщина в состоянии беременности считается нечистой. Женщина, похищенная у мужа с брачного ложа, в случае своей беременности, неприкосновенна. Достаточно ей сказать своему похитителю: «Не касайся моего тела, оно не чисто, ибо я беременна», чтоб тот ее оставил в покое. Он ждет ее разрешения от бремени, до этого он не может разделить с нею ложе, иначе он покроет себя бесчестьем и несмываемым позором. Здесь понятие о нечистоте тела беременной женщины имеет, очевидно, основание в глубокой древности, когда женщина в подобном состоянии считалась священной и неприкосновенной.

По данным «олонхо», женщине не разрешается до брака иметь половые сношения с мужчиной, если он и является ее женихом. Дочь, нарушившую этот обычай, родители могут предать проклятию и изгнать из дома, как покрывшую последнего бесчестьем и позором. Мужчины пренебрегают женщиной, лишенной девственности. Она может

выйти только за того, с кем разделила ложе. Претензии мужчины, разделившего первым с женщиной ложе, признаются более законными, чем претензии жившего с нею путем похищения (хотя бы несколько лет). Убийство похитителя, как месть за похищение жены, считается вполне законным и поэтому ненаказуемым поступком.

ОТРАЖЕНИЕ СЛЕДОВ МАТРИАРХАТА

Кроме указанных следы матриархата встречаются в культе, который в героическую эпоху (олонхо) всецело находится в руках женщины на всех трех мирах. В этой эпохе нет ни одного знаменитого шамана мужчины. У всех трех великих объединений, разделивших вселенную, мы встречаем женщин-удаганок. Так у племен «Белого Престарелого Господина Старца» они составляют как бы особую касту «айбы намыһын удабаттар», во главе которой стоит знаменитая удаганка «Айбы Умсуур удабан». У племен «Возвеличаемого Великого Господина Старца» мы встречаем женщину-удаганку «Уот-Кутаалай», при чем до нее была «Ытык Иэрэбэй удабан», ставшая потом богиней. И, наконец, у племен «Бедового, Сильного Господина Старца» имеется удаганка «Ытык Хахайдаан», сменившая удаганку «Далан сайгыыр, Уот Күкүрүйдээн», также ставшую богиней.

Божества — духи четырех великих дорог, связывающих все три мира, являются тоже женщинами: 1) «Иэйэхсит», 2) «Тутум тэллэх Түптэ Буурай», 3) «Атара кутурук Алып Сэгэйээн» и 4) «Хара күлүк, хаан өһөх Уот Холуоннай». То же и с божествами войны, которые опять-таки представлены женщиной: «Илбис кыһа (Кыргыз кыһа) Эбир кутурук Куо-Холбонной, Ытык Кыймылын, Тиил Тилиннэх, Лабаа Тохтубан, Торбо Түүрэй».

Следы матриархата наблюдаются и в том, что когда «олонхо» говорит про племена нижнего мира, то в первую очередь отмечает, что у них была мать — госпожа «Адабалаах Ала Буурай эмэхсин», только уже после нее говорится про властителя нижнего мира — ее мужа. То же самое и в отношении верхнего мира (абааны аймаға); сначала в «олонхо» говорится о госпоже-матери — «Уораан-Аараан Хотун Куохтайа», и уже только после нее про властителя шести небесных стран верхнего мира — ее мужа.

В среднем мире покровительницей древних якутов, божеством материнства является госпожа «Иэйэхсит». В этом, несомненно, надо усматривать пережитки матриархата, тем более, что фактически «Иэйэхсит» не является покровительницей материнства, так как на деле таковой является «Айыһыт Хаан Хотун». С понятием «Иэйэхсит» связано, очевидно, понятие матери-предка.

В эпоху «олонхо» твердо установившийся патриархат встречается только в двух областях — коневодстве и кузнечном мастерстве. Это вполне совпадало с запросами жизни той эпохи: конный скот, как единственное средство движения, необходимое для военных походов, для нападения и отступления, мог находиться в руках только мужчины, точно так же, как и кузнечное дело, дававшее орудия войны и доспехи.

Поэтому божествами их являются мужчины «Кытай Бахсылааны» и «Уот Дьөһөгөй». Но надо иметь в виду и то обстоятельство, что до «Уот Дьөһөгөй» были два «дьөһөгөй», а именно: «Күрүө Дьөһөгөй хотун» и «Күн Дьөһөгөй тойон», что вполне подтверждает, что патриархат впервые захватил в этой области всю власть и госпожу «Күрүө Дьөһөгөй» заменил ее муж, господин «Уот Дьөһөгөй» или «Күн Дьөһөгөй». Фундаментом, на котором впервые утвердил свою власть мужчина, является охота. Женщина, связанная с домашним очагом, с детьми, с хозяйством, охоте участия не принимала, поэтому покровителем охоты и зверей является мужчина «Баай Байанай». Нигде, между прочим, не встречаются указания на то, чтобы до него в этой области господствовала женщина.

ОТРАЖЕНИЕ РАБСТВА В «ОЛОНХО»

Когда именитые богачи, бывшие богатыри, имена которых гремели славой на трех мирах, выдают своих дочерей замуж, то вместе с конным и рогатым скотом выделяют часть рабов и рабынь («эһннэ кулут уол, кулут кыыс»). Унизительное положение раба отчетливо вырисовывается из описания отъезда женщины с мужем на его родину. Перед тем, как сесть на своего коня, она поднимается по спине раба до уровня седла, после чего ее салят на седло. Раб называется в данном случае «үктэл кулут»; он дается ей в вечное пользование, в качестве подмостка под ее ногами. «Эһннэ кулут» — означает вечное рабство, доля женщины из рабов ее родных.

Родители, находящиеся в тяжелом и безвыходном положении, например, когда у них дочь обречена на замужество с сыном злых начал, то есть богатырем из племен «Возвеличаемого Великого Господина» или «Бедового, Сильного Старца», а также в случае, когда их сыновья находятся в плену, или же им угрожает смертельная опасность, обращаются ко всем знаменитым богатырям всех им родственных племен. В случае неотзывчивости богатыря, на которого возлагались их надежды, прибегают к грубой хитрости, заключающейся в том, что посылают ему гонца с оскорбительным требованием немедленно явиться к ним, так как кроме него нет для их дочери подходящего и достойного раба, могущего служить ей подмостком под ноги, а также для развязывания ее нижней одежды, когда она будет делить со своим мужем брачное ложе. Богатырь не может не отзываться на подобное оскорбление и едет мстить, чтобы смыть свой позор кровью оскорбителей и развеять их прах по ветру.

Бывают случаи, когда рабами становятся побежденные богатыря. Но, вообще, знаменитые богатыри трех миров предпочитают рабству смерть. Порабощенные богатыри никогда не мирятся с новым своим положением и стараются содействовать гибели своего победителя или же оказывают ему окупающие услуги. Первое делают богатыри из «айыы аймаба», т.е. из племен «Белого Престарелого Господина» или из «ураанхай саха», второе делают богатыри из «абааны аймаба», то есть из племен «Возвеличаемого Великого Старца» или «Бедового, Сильного

Господина». Богатырь, попавший в рабство из «абааһы-аймаға», всегда стремится выкупить свою свободу путем заслуг, выручает своего победителя из тяжелого и опасного положения, или первым принимает борьбу, чтобы ослабить врага своего победителя. Оказав такие услуги, он считает себя свободным и равноправным членом общества. При этом, если оказанных услуг много, то богатырь, возвративший себе свободу, во многих случаях отнимает у своего господина его сестру или же получает от него в жены женщину из «айыы аймаға». Участвуя в жизни «айыы аймаға», они как бы тем самым усыновляются. В случае, если они берут или отнимают себе в жены сестер своих бывших господ, то общественное мнение легко с этим мирится и для мести в этом случае нет уже места. Их женитьба — вознаграждение за их заслуги. Богатыри из «абааһы аймаға», участвовавшие в жизни «айыы аймаға», становятся более сильными, опасными и даже непобедимыми. Это обстоятельство, очевидно, тоже имеет большое значение.

МЕСТЬ

Главными причинами мести являются: 1) похищение сестры или жены; 2) позор вследствие поражения братьев и пленение их жен; 3) гибель и пленение богатырей, их сестер и жен, из племени «ураанхай саха». Мстящая сторона может рассчитывать на помощь не только своих родных братьев или вообще родного племени, но и всех родственных племен, т.е. всех «айыы хаан аймаға», «күн өркөн улуустара». Таким образом, личная месть тесно связывается через отдельное лицо с его родом, племенем, народом и легко может перейти в родовую месть.

Акт мести по данным «олонхо» бывает жестоким и беспощадным. Лицо мстящее знает первую заповедь мести: «ситэ баттаан сийин үөһүн быһа баттыам», т.е. «догону и разорву твою артерию у позвоночного столба».

Никто и ничто не может препятствовать мести, никакой довод не может удержать мстителя от выполнения самого акта мести, даже очевидное превосходство врага. Мстящая сторона помнит и вторую заповедь мести: «Биир сымыыт ханна түһэн сытыйбатай? Биир уол оҕо ханна төрөөн өлбөтөй? Кэннибинэн кэхтиэм кэриэтин өлүөм!», т.е. «Одно яйцо, упавши, где не сгнивало? Одно дитя, родившись, где не умирает? Лучше умру, не отступлю!»

Поэтому и то лицо, которому мстят, вперед знает, что его ждет, а поэтому и с его стороны нет никакой жалости к мстителю, хотя бы он и намеревался жениться на похищенной им женщине и добром кончить дело.

Мстящая сторона сначала предлагает обычно добром вернуть похищенную сестру или жену или освободить пленных. Причем, если мститель действует в защиту кого-либо из родственного племени, то объявляет также, что он прибыл защитить слабых и правых, что похититель или оскорбитель нарушил статьи мира, заключенного между тремя мирами после великой небесной войны. Тот, кому мстят, не желая проявить себя трусом, перечисляет все свои подвиги и предлага-

ет мстителю по добру по здорову возвратиться на родину, если ему дороги еще родные, а так же свет солнца и луны среднего мира. Затем начинается бой.

Перед битвой богатырь из род «айыы аймаҕа» клянется, что в случае победы не оставит ни одного живого существа в стране своего врага, а пепел сожженного им домашнего очага развеет по ветру («сүөдэнниирдэри сүтэриэбим, күллэри көтүтүөбүм»), но и другая сторона не остается в долгу и тоже клянется испить в случае победы из живого врага его горячую кровь, что ни одна капля крови даром на землю не упадет (тыыннаахтыгы итии хаангын инэ оонньоубум, таммах да хааны таммалатыам суоҕа).

Богатырь из «айыы аймаҕа», совершив акт мести, приносит духам великих путей и божествам войны в жертву язык, горло, сердце, легкие, печень, почки и половые органы убитого врага, не разрывая их связей, держа их на острие копья. Торжествующий победитель просит духов облегчить ему трудности на путях, одарить силой и счастьем его орудия борьбы в будущем.

Богатырь из «абааһы аймаҕа», победив врага, грызет его, упивается кровью, только череп и нижнюю часть тела приносит в подарок своей матери или сестре. Женщины из «абааһы аймаҕа» предпочитают нижнюю часть тела: она их возбуждает и услаждает; кости же идут на их украшения. Победившая сторона насаживает на кол череп своего врага на краю дороги, на память поколениям о своих подвигах. Богатырь из «айыы аймаҕа» — тело своего врага вместе с его разрушенным домашним очагом предаёт сожжению и пепел их развеивает по ветру; иногда остатки костей бросает в воду и размывает их в порошок.

Жертвоприношение сердца врага означает, что враг побежден окончательно, стерт с лица земли. Жертвоприношение языка означает — против правды не устоит лживый язык, виновный не оправдается болтливостью, наветом, исходящим со лживого языка. Жертвоприношение половых органов означает кару за блуд; истребление в корне всякой возможности продления рода и крови врага. Сожжение тела — означает, что этим искореняется распространение всяких заболеваний и страстей, которыми был одержим убитый. Убитый умер с черными замыслами, проклятием, худыми пожеланиями, которые как страсти остались в его крови и теле. Все это требует уничтожения.

ВИДЫ СОСТЯЗАНИЙ

Состязания богатырей, героев происходит во время больших «ыһыах» у именитых богачей-тойонов, бывших богатырей, имена которых гремят на трех мирах.

Состязания на таких «ыһыах» носят не только увеселительный характер, но они являются подготовкой к борьбе. Предметом состязания является женщина. Победитель женится на дочери устроителя «ыһыах»; про его подвиги слагаются песни; его имя «гремит на трех мирах, как гром, на всех путях мира» его слава «ржет, как жеребец, зовущий своих соперников на бой».

Победителя встречают перед юртой устроители «ыһыха» с приветственным кумысом в чороне двенадцать, как самки-стерхи, белых, стройных и красивых девушек, а также двенадцать юношей, стройных, как журавли, сильных и здоровых; ему устилают путь «дэбдиргэ», ведут его за руки, открывают перед ним двери и отводят его на почетный «олбох».

Виды состязаний немногочисленны.

1) «кылыйсы» — прыжки на одной ноге, не менее чем через 12 меток. Метки называются «туос», т.е. берестой. Очевидно, метки клались из бересты, как более заметные и мягкие.

В исключительных случаях эти прыжки происходят по столбам, поставленным в озеро.

2) «тустуу» — единоборство, борьба. Богатыри, вступающие в единоборство, снимают все свои доспехи, кольчуги, оружие и одежду. Им натирают маслом тело, на них надевают специальные «сыалдьыйа» вроде трусиков, шитых из ровдуг, толщиной в девять ровдуг на подкладке и стягивают ремнями. Причем, эти ремни делаются из конских волос путем плетения. Толщина таких ремней равняется толщине трех или шести и девяти обычных. Победенным считается также тот, кто коснется пальцем о землю, хотя бы споткнувшись.

3) «Сыал ытыы» — попадание стрелой в цель из лука или из лука — самострела. Обычно мишенью служит бычья бабка—«обус бэрбээкэйэ». В «олонхо» во всех случаях эта бабка висит на восточном небе, на волшебной веревке — «ап чарай быба», и движется с юга на север и обратно. Высота равняется предельной досягаемости человеческого зрения. Нужно попасть, разбить бабку на четыре части. Попавший — попадает в свою судьбу: он женится.

4) Последним видом состязания являются конские бега по трем мирам. Кони богатырей понимают все значение этих состязаний, что судьба, счастье и слава их хозяев разрешаются их бегом. Они прибегают к разным хитростям: передний не дает пути последнему, ударяя его копытами. Идущий последним, если первый не уступает ему пути, грызет первому бока или испускает пламя из ноздрей на его хвост и бока. Иногда обращаются к духам с просьбой о подкреплении их силы.

МЕСТО И СПОСОБЫ БОРЬБЫ БОГАТЫРЕЙ ИЗ СРЕДНЕГО И НИЖНЕГО МИРОВ

Побежденный на состязаниях, если он все же чувствует себя равным с противником, вступает обычно с последним в новую, но уже смертельную борьбу. Если же он чувствует себя слабым, но надеется на помощь родственников, то прибегает к похищению. В первом случае состязания переходят в высшую фазу своего развития и спор разрешается с оружием в руках, во втором же случае вспыхивает война, как месть за похищение невесты или жены.

В первом случае борьба может кончиться бегством слабого, если есть к тому возможность, во втором же случае дело разрешается смертью одного из сражающихся.

Борющиеся богатыри являются представителями один — среднего, другой — нижнего миров. Борьба происходит или в среднем, или в нижнем мире. В первом случае им указывают место борьбы, обычно на каменном плоскогории или на вершине каменной горы: земля их не выдерживает; ее прекрасное, цветущее лицо разрушается.

При равенстве сил обоих противников, когда они добром не расходятся и в результате учиняют неисчислимы бедствия всем трем мирам, их насильно отправляют на заднюю вершину Почтенной Горы, где «госпожа — луна родившись, лежа нежилась» или на Серебряную Гору, «где господин — солнце, родившись кувырчалось». Эти горы находятся вне пределов трех миров, на востоке, против среднего, между нижним и верхним мирами. Борьба титанов дает себя знать и оттуда. Солнце и луна трех миров поворачиваются назад, бледнеют, наступает мрак, озаряемый лишь заревом от искр, сыплящихся от ударов богатырей. Конный и рогатый скот не доносят свой плод и разрешаются недоносками; то же случается и с женщинами из «айыы аймажа».

Но борьба и на этом месте не является разрешающей. Сражающихся разнимают волшебным арканом и бросают на нижний мир, на северо-западный его край в страну смерти и бедствий («нлүү Чөркөчүөх төрдүгэр»). В этой стране имеется кровавое, огне-бурное море («Хааннаах Уот Кудулу байжал»), в середине которого вырос волшебный, остроконечный крутящийся курган смерти «өлүү мөбүүк булгунньаба», созданный удаганкой-волшебницей «Уот Чүкүрүйдээн эмээхсин».

Под волшебным курганом, божество кровавого, огне-бурного моря удаганка-волшебница («Далан сайгыр улуу мункуруйдаан, Уот Күкүрүйдээн эмээхсин») ждет их с раскрытой пастью. Ее жадный и жаждущий крови зев тянет их к щелкающим медно-ржавым зубам; ее двухконечный, как у змеи язык, пылая огнем, высовывается из моря и тянется к ним. Это страшное место, где разрешается их судьба, потому что один из них будет навеки поглощен этой раскрытой пастью моря. Сын нижнего мира обращается за помощью к удаганке «Уот Хахайдаан», а сын среднего мира к удаганке «Айыы Умсуур».

Борьбу начинает сын нижнего мира, а кончает ее сын среднего мира. При падении богатыря из среднего мира, «Айыы Умсуур» подставляет ему свой волшебный бубен и спасает. Спасенный продолжает борьбу и бросает своего врага в море. Удаганка «Уот Хахайдаан», желая показать, что и она может так же спасти своего богатыря, тоже подставляет ему свой бубен. Но, увы! Она не предвидела коварства своей соперницы, ее бубен прорывается и сын нижнего мира поглощается божеством его же страны. Одно мгновение — щелк челюстей и все кончено.

МЕСТО И СПОСОБЫ БОРЬБЫ БОГАТЫРЕЙ СРЕДНЕГО И ВЕРХНЕГО МИРОВ

Богатыри из среднего и верхнего миров (последний всегда является из «Абааны бийин уһуттан»), обычно вступают в борьбу на территории среднего мира, причем местом борьбы для них является камен-

ное плоскогорье, находящееся под южным небом. Это самое знаменитое поле-побоище, омытое кровью, покрытое костями, где вокруг стоят колья с одетыми на них черепами.

Над этим полем-побоищем крутятся в метелях и бурях девять страшных вихрей. Над этим полем-побоищем носятся духи и страсти войны, подставляющие свои «хамыйах», чтобы уловить хоть капельку крови. Это поле называется «Охоллоох Онолутта хотун» или «Охол-төрө олохсуйбут Олодуйа хотун» т.е. «Госпожа Онолутта со случайными несчастьями» или «Госпожа Олодуя, где сжились случайные несчастья от острия и спора». Причем «Онолутта» может означать - «изнывающая» или «ноющая».

В случае равенства борющихся, когда их борьба причиняет среднему миру неисчислимые бедствия, все духи и божества среднего мира обращаются с просьбой к «Белому Престарелому Господину» об удалении борющихся на другое место. Сражающихся ловят волшебным арканом и, в случае отказа их мирным путем разрешить свой спор, отправляют на те же горы солнца и луны. Причем богатыри из верхнего и нижнего миров, из «абааһы аймаҕа» всегда прибегают к обману, обрисовывая положение так, что они де защищаются от обид и несправедливости слишком зазнавшихся сынов среднего мира. На новом месте борьбы богатырь из «абааһы аймаҕа», когда он чувствует превосходство своего врага, прибегает к мирному средству разрешения спора: предлагает предмет спора, то есть женщину, разделить пополам, верхнюю часть, как лучшую, предлагает своему сопернику, а себе оставляет нижнюю часть тела — предмет своего вожделения. Ввиду того, что обоим неудобно иметь жен в половинках, предлагает также разделить пополам одну из женщин его мира и приставить ее части к частям раздвоенной женщины среднего мира. Этим путем по его мнению достигается, во-первых, мир между борющимися, во-вторых, косвенное и неполное, но все-таки кровное родство детей двух миров.

Богатырь из среднего мира, чувствуя свое превосходство, не соглашается с предложением своего противника и требует немедленно возратить часть бычьей бабки, дающей похитителю повод и право претендовать на женщину. Богатырь из «абааһы аймаҕа», обрував и оскорбив еще сильнее своего врага, обращается в бегство, стараясь скрыться в верхнем мире. Он надеется, что трудности пути, ведущие сюда, и являющиеся непреодолимыми, задержат противника. Но богатырь из среднего мира преследует его, уже разгоряченный вдвойне.

Борьба обоих противников в верхнем мире приносит всем трем мирам невыносимые страдания. Чахнет и погибает весь растительный мир, а все живые существа не могут доносить свой плод до срока. Миры дрожат, во мраке озаряемые заревом искр, сыплющихся от ударов сражающихся. Борьбу эту не выносит даже властитель шести небесных стран, сам «Возвеличаемый Великий Господин». Его каменная тросточка, «вертящаяся под глоткой», выскакивает из своей орбиты, другая тросточка, «вертящаяся на горле», тоже выскакивает из своего места и сам властитель близок к гибели; он задыхается от удушья и остановки кровообращения. Ввиду этого он делает распоряжение уда-

лить борющихся из его страны или разрешить их спор состязанием. Для этого богатыри должны усидеть на волшебной веревке, протянутой над морем. Об этом сообщается господину Чингис-хану или господину Джилга.

Тогда по распоряжению Господина Джилга призывают трех титанов мира из западного неба, «богатырей для больших бедствий и смерти» («үс ньүһэр өлүү бухатырдар»), поставленных на страже вокруг законного на вечные времена титана трех миров. Титаны предлагают сражающимся разрешить дело миром и дать клятву, что они больше не будут бороться. В случае несогласия сражающихся окончить дело миром, появляется на небе «халлаан халбас харата» или в виде пылающей веревки, или палки, или в виде седла на спине черного коня, или, наконец, в виде спины коня. В большинстве случаев «халбас хара» появляется в виде пылающей волшебной веревки и становится над «Энсэли кулахай байбал», т.е. над морем «Взыгравшей страсти».

Из моря высовывается длинный язык госпожи «Ытык үөрэбэй», ее челюсти разрывают море, как пропасть, ее зев, пылающий от жажды, то мяукает, то рычит.

Волшебная веревка сжигает, наносит губительные удары, движется вниз и вверх, из стороны в сторону, так стремительно, что кругом стоит шумный стон, все свистит, все расплывается в ленту. Невыдержавшего испытание, она сбрасывает в море и ударом разбивает на две или даже на четыре части, после чего его безвозвратно поглощает пылающий зев божества моря.

Богатырь, вышедший победителем из этой борьбы в нижнем и верхнем мирах, признается великим на всех трех мирах, и если он достигает своего последнего предела, то признается равным титаном мира, величайшим богатырем на трех мирах.

ТИТАН И ЕГО СУДЬБА

Первый титан является сыном самого властителя трех небесных стран «Белого, Престарелого Господина Старца». Судьба этого титана очень печальна. Во время заключения мира между тремя великими объединениями племен, при разделе мира на три страны, было решено младшего сына «Белого Старца» Господина-раба («Тойон кулут») приковать на вечные времена к волшебному столбу на западном небе и поставить при нем на стражу трех титанов из трех миров, чтоб предотвратить попытки к его освобождению, возможные со стороны какого-либо безумца. Вся вина младенца-титана заключалась в том, что он родился до срока (на восьмом месяце) и что «Танха биһик төрдө» было предсказано, что новорожденный будет обладать чрезвычайной силой, и что ему предстоит разрушить основы всех трех миров, причем было указано также, что когда придет время его власти, то, несмотря ни на что, волшебные оковы спадут сами.

Вторым титаном, упоминаемым в древней олонхо, является «Мүлдүй Бөбө», имевший двух жен. Родившись в верхнем мире и обладая чрезвычайной силой, он не мог быть удержанным там и, попав в средний

мир, уничтожил весь конный и рогатый скот, одного именитого богача. Пойманный затем волшебным арканом, предстал перед судом Белого Старца, «который заставил удаганок» отнять у него в наказание обе ноги, проклятый затем своими родными, он был сослан на жительство в средний мир.

Великих богатырей, причиняющих всем трем мирам бедствия, при помощи волшебного аркана подвергают на вечные муки в преисподнюю — в огне-омутное море. Бывает также, что их заковывают на вечные времена по месту их происхождения.

ПРИНЦИП И МОРАЛЬ БОРЬБЫ

Судьба титанов не могла не оставить своего следа в жизни последующих поколений и не стать для них моралью. Высокомерие, доходящее до пренебрежения высшими силами, а также слишком пренебрежительное отношение к отдельным лицам, считалось в эпоху «олонхо» предосудительным, подлежащим осуждению и наказанию. Знаменитые богатыри, попав в плен, свое поражение считали наказанием, посланным высшими силами для вразумления их за слишком высокомерное отношение их к народу. Лиц, пришедших им на помощь, они спрашивают прежде всего: «Не пришел ли ты из-за славы, тщеславия спасти нас? Если ты делаешь это из-за тщеславия и гордости, берегись! Подвергнешься нашей участи: мы наказаны за свое тщеславие и высокомерие».

Позднее это стало моралью: «Порознь силен, но держит его тоненькая веревочка. Не гордись своей силой!».

Принцип борьбы очень прост и обязателен для всех. Убить врага — хорошо, это подвиг и слава, но убить его следует с честью, во время борьбы, в состоянии бодрости. Убить спящего врага считается позором и трусостью. Во время же борьбы или боя допустимы все хитрости и даже жульнические приемы. Таким образом, обязательным для всех правилом стало предупреждение своего врага перед нападением: «Берегись! Я поднял свое оружие, не говори, что я тебя убил без предупреждения» («Сэрэн! Сэп барда, сэрэшэккэ өлөрбүтэ диэйэнгий»).

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В ИСХОДЕ БОРЬБЫ

Женщины из «айыы аймаға» или из «ураанхай саха», за исключением удаганок, в начале борьбы являются ее причиной. Они пассивны и идут за победителем в качестве жены или похищенной. Женщины из «айыы аймаға» в конце борьбы становятся активными и решают ее исход. В этом случае участие женщин выражается в советах о посылке гонца с приглашением знаменитых богатырей на помощь, в даче указаний своим спасителям, как вернее бить врага; они же указывают уязвимые места на теле своих похитителей. Уязвимые места у богатырей из «абааһы аймаға» главным образом бывают под пазухой с левой стороны, не заживающие раны, т.е. «сиикэй эт бэргэ баас». Женщины в большинстве случаев прибегают к хитрости — прикидываются в отно-

шении богатырей из «абааһы биһин уһуттан» очень любящими, ждущими и тоскующими по ним. («Когда же ты победишь своего врага, чтоб без опасений отдаться сладостям и неге семейной жизни? Когда же настанет день нашего с тобою счастья и благословится жизнь наша потомством?») Притворившись безумно-тоскующими от одиночества, они зовут похитителя разделить с ними ложе и с этой целью разоружают их, заставляя снять боевые доспехи. Поддавшись этим хитростям, богатыри-похитители бывают принуждены безоружным принять бой с внезапно появившимся соперником и погибают под его ударами.

Полной противоположностью темпераменту и активности являются женщины из «абааһы биһин уһуттан». Они всегда активны и участвуют в борьбе от начала до конца. Они совершенно самостоятельны и решительны. Они — люди действия, с сильным, ярко выраженным темпераментом и со свободными отношениями с мужчинами. Несмотря однако на то, что эти женщины слишком легко вступают в половые сношения с мужчинами, граничащими подчас с распущенностью, они отличаются положительным характером: благородством и полной доверчивостью. Если они полюбили мужчину из «айыы аймаҕа», то решительно становятся на его сторону и первый удар принимают на себя; во имя своей любви они содействуют даже гибели братьев и родных. Они падают последней жертвой коварного «айыы аймаҕа». Олонхо этих женщин рисует в самых отвратительных поступках, но ярко выделяет их активность и характер; осуждает не столько за их поведение, сколько за измену своему племени и родным.

Встречаются еще и другие примеры, более ярко рисующие их положительные чувства — материнство. Одна старуха, «Сэгээримэ», воспитывала похищенного мальчика из «айыы аймаҕа». Когда она победила богатырей «айыы аймаҕа», пытавшихся отнять мальчика, то решила покончить с ними, но, увидев их лица и услышав их дыхание, воскликнула: «Они похожи на моего мальчика, дышат так же, как он... нет... не убью», — и отпустила их.

ВЛИЯНИЕ ЖЕНИТЬБЫ НА БОГАТЫРЯ

С женитьбой богатыря наступает конец его подвигам. По «олонхо», женившийся становится тяжелым на подъем и мягким по характеру. У женившегося нет уже силы в теле, нет необузданных страстей, толкающих его на борьбу и подвиги. Весь свой жизненный сок девственной молодости он истратил, израсходовал на любовь, на потомство. Разделивший ложе с женщиной — не богатырь; его счастье в домашнем очаге, в семье — в жене и детях; он живет былым, прошлым.

Из-за такого отношения к браку и семейной жизни не мог не появиться принцип для богатырей: «Пока ты хочешь славы и подвигов, жаждешь крови и борьбы, не женись и не спи с женщиной». Поэтому все великие богатыри женятся только тогда, когда побывают на всех трех мирах, когда они извели славу в борьбе со всеми известными богатырями трех миров. Если из известных богатырей хоть один остался вне их подвигов, они должны ждать встречи с ним. Того, в свою оче-

редь, тянет слава и жажда победы над ними. Поэтому, даже женившись, они не вступают в сношение с женщиной, пока не сразятся и с этим последним богатырем. Потому они спят, повернувшись к жене спиной, чтоб не поддастся соблазнам любви и неги. Этим самым молодость, ее девственный сок, полная страстей, они берегут для последней борьбы, для последнего подвига. Таково влияние женитьбы на богатство и таково отношение богатыря к женитьбе.

ПУТИ ТРЕХ МИРОВ И ПРОЦЕСС ОЧИЩЕНИЯ

Во всех «олонхо» мы встречаемся только с четырьмя великими дорогами, с одними и теми же названиями; все они идут из среднего мира, причем две из них ведут в верхний мир и две — в нижний.

Путники, едущие по этим путям из среднего мира в верхний или нижний, знают, что их ждут в дороге разные чары и хитрости врагов. Дочери «абааны аймажа», приняв прекрасный вид дочерей среднего мира или дочерей «айыы аймажа», встречают их с приветственным кумысом, усыпляющим и ослабляющим, и манят своей любовью. В результате, обманутый путник, попавший под власть любовных чар, подвергается в пропасть.

В верхний мир, в страну «Возвеличаемого Великого Господина» («Улуутуйар Улуу Тойон дойдутугар»), ведет дорога под западным небом, с южной стороны «Ледяного моря», с кукушкой на вехе — «Госпожа дорога, кровавая Кяхтия». («Арбаа халлаан аннынан, муус кудулу байбал собуруу өтгүнэн, кэбэ кыыл дэбдиргэлээх Кээхтийэ хаан хотун аартык».)

В верхний мир, в страну «Белого престарелого Господина Старца», т.е. «Үрүг Аар Тойон кырдыбас дойдутугар», дорога идет под восточным небом, «за теплыми морями бело-молочная дорога госпожи «Иэйэхсит», украшенная конскими волосами». («Илин халлаан аннынан, итии байбаллар анараа өттүлэринэн Иэйэхсит ийэ хотун илэ бэйэтинэн кириэр сиэллээх сизэби маҕан аартык».)

В нижний мир, в страну «Бедового, сильного старца Арсан Дуолай», ведет дорога с чайкой на вехе, «иссущающая госпожа Куктуй». («Алдьархайдаах Арсая Дуолай дойдутугар киллэрэр хопто кыыл дэбдиргэлээх Кураанах Куктуй хотун аартык».)

В нижний же мир, в страну неизбывных чар и бедствий, под южным небом, за великими хребтами ведет «старая, заиндивевшая, с ледяным дыханием госпожа дорога». («Өлөр өлүү абын өрө көбүтэ турар. Өлүү Чөркөчүөх төрдүгэр киллэрэр, собуруу халлаан аннынан, улуу хайалар улажа өттүлэринэн, кырдыбас, кырыалаах Муус Күнгүйэ аартык хотун».)

Богатыри, побывавшие в нижнем мире, впитавшие в свое тело его смердящий дух, обремененные тяжелою ношей славы, обогранные, наконец, кровью поверженных врагов, не могут подняться в верхний мир, в страну «Возвеличаемого Великого Господина». Они слишком тяжелы, и давление их ног невыносимо для госпожи «Кяхтия».

Дальше половины дороги они не могут идти. Девять страшных

ледяных вихрей гонят их назад; дорога стонет под их ногами и, обессиленные, они уносятся вихрями и ввергаются смертельно израненные в средний мир. Дух этой дороги, если помнит их дары и жертвы, принесенные ими после побед, обращается к племенам «Белого престарелого Старца» с просьбой об очищении их и о спасении. Обычно в этих случаях посылаются пять удаганок дочерей Солнца, Луны, Плеяды, Венеры и Медведицы (Күн Тойон кыыһа Күөгэлдьин удабан, Ый хотун кыыһа Ыйбалдын удабан, Арабас сулус кыыһа Айгынар удабан, Чолбон Тойон кыыһа Нуолур удабан, үргэл Тойон кыыһа Сэймэлдын удабан), называемых «айыы намыһын удабаттар». Только они имеют возможность при помощи волшебных заклинаний воскресить мертвого, сращивать отрубленные части тела, а также снимать и удалять нечистый дух — очищать человека.

Великие богатыри и в таких случаях также подвергаются купанию в воде бедствий («өлүү уутугар»), находящейся под западным небом, в верхнем мире. Иногда это делают кузнецы, купая мертвого у себя в такой воде.

Выброшенного на вершину железно-пегих гор, раскаленного докрасна богатыря, орел неба опрыскивает своей волшебной слюной («халлаан кэй кыыла», «бар кыыла»), после чего богатырь становится как сталь, крепким и неуязвимым («укулаат тимир курдук»). Теперь возрожденный богатырь может надеяться, что выдержит стихию верхнего мира.

ПОСЛЕДНЯЯ БОРЬБА И ПРЕДЕЛ БОГАТЫРСТВА

Пределом богатырских подвигов являются: 1) трехкратная борьба в нижнем мире, включая борьбу с духом «Муус Кудулу байбал», 2) трехкратная борьба в среднем мире, включая борьбу с тунгусским богатырем 3) борьба в верхнем мире.

При этом великим считается тот, кто боролся на «Волшебном кургане», в стране «Өлүү Чөркөчүөх» и на «Халбас хара», в стране «Возвелечаемого Великого Господина».

Но это еще не служит пределом богатырских подвигов. Последним пределом является путешествие в страну «Дьөлөрү үтүгэн», т.е. «Зияющей преисподней». Чтобы дойти до нее, надо пройти через страну «Ап салбаныкы», т.е. «Облизывающей от жадности чары».

Между странами «Ап салбаныкы» и «Дьөлөрү үтүгэн» находится знаменитое и страшное «Огне-омутное море», в котором вязнет даже паук («ообуй обус бадараанныыр уот дьэбэрэ байбал» или «уот луоҕа байбал»). Лететь над морем немислимо, так как тут носятся пламенные вихри, крутящие, как пылинку всякого. Захваченного вихрями ловит волшебным арканом чудовище-богатырь и ввергает на вечные муки в огне-омутное море.

На огне-омутном море от берега до берега лежит пылающая и движущаяся ось нижнего мира, в виде чрезвычайно тонкой веревочки («аллараа дойду уот обурук сындыыһа»). Великие богатыри трех миров проходили только по этой «уот обурук сындыыс». Богатыри из «абааһы аймаҕа» переходят по ней, превратившись предварительно в железную

кошку с восемью ногами. Но и в этом случае большинство из них, потеряв все свои когти, пальцы и лапы, не выдерживают сжигающей атмосферы раскаленной и движущейся «сындыыс» и ввергаются в огне-омутное море. Выдерживают это испытание только величайшие из них. Богатыри из «айыы аймаџа» превращаются в бесконечно длинную, железную жердь и тянутся по волшебной цепи до другого берега; удаганки же превращаются в огненную цепь и бегут по волшебному «сындыыс».

На том берегу огне-омутного моря, на дне преисподней, живет в железном кургане чудовище-богатырь о трех головах, с шестью руками и шестью ногами, черный волшебник, знаменитый Могойдон («ус хос бастаах, алта илиилээх, алта атахтаах, алып хара, аат Моџойдоон бухатыыр»). Причем, «Моџойдоон» может означать «змеиный» или «дракон».

Победа над ним — последняя победа. Борьба в стране «Ап салбаныкы», на дне зияющей преисподней, «Дьөлөрү үтүгэн түгэбэр» — предел богатырства. Величайшие богатыри, достигшие этого предела, являются равными титанам, самим небожителям. Повторение всех подвигов считается хвастовством, дерзостью и осуждается общественным мнением на всех трех мирах. Такого богатыря ждет наказание «сэмэ-сунха» или «сэт-сэлээн». По этому поводу имеется общеизвестное нравоучение: «үтүө бухатыыр биир сырыылаах», или «үтүө бухатыыр биир охсуулаах», т.е. «Хороший богатырь едет один раз», или «Хороший богатырь кончает одним ударом».

ГАДАНИЕ («ТАНХА») И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

Цель «танха» заключается в том, что при помощи его узнают о рождении богатыря. Ктанха прибегают, чтобы узнать — не пришло ли время рождению такого-то богатыря, долженствующего победить таких-то богатырей.

«Танха» может происходить и путем личного опроса, не родился ли новый богатырь в каком-нибудь племени.

По данным «олонхо», родина «танха» — нижний мир, где по числу трех миров и трех великих «биис ууһа», имеются железные зыбки. Судьба трех великих «биис ууһа» может быть предсказана или определена по трем зыбкам. Для этого кидается общий жребий, и если он упадет на среднюю зыбку, то выигрывает средний мир или «үрүн Аар тойон биийин ууһа», т.е. племена Белого Старца («айыы аймаџа»), Волшебница ведьма, старуха «Бөџөлүкээн», будет качать среднюю зыбку и петь о победе «айыы аймаџа». Начало «танха» узнается по стуку зыбки, а результат по содержанию колыбельной песни.

Судьба борющихся тоже узнается в «танха» — чей «кут» уцелеет и вырастет в зыбке, тот и побеждает. «Танха» может быть устроена каждому богатырю. Богатырь, едущий на борьбу, обычно свою первую и любимую стрелу, закливав, вбивает в коновязь. Если от стрелы потечет кровь, родные узнают о его поражении или об угрожающей ему опасности. Если стрела сгниет и отломится от коновязи — узнают, что богатырь погиб или пленен. Если стрела зарастет конскими волосами — значит он победил.

От древней «танха» происходит современное у якутов подслушивание под окном, у проруби и т. д.

В «олонхо» встречаются случаи похищения ребенка с целью приобщить его к другой культуре и направить его судьбу по другому пути — против его мира и родственных ему племен, а также с целью узнать его судьбу у «танха».

К «танха» прибегают в военное время и для военных целей, и как к средству мирного разрешения споров.

ХАРАКТЕР И ТИПЫ БОГАТЫРЕЙ ТРЕХ МИРОВ

Богатыри всех трех «биис ууһа» отличаются силой и ловкостью. Древний якут «ураанхай саха», характеризуя в «олонхо» богатырей всех миров, находит в них следующие общие черты и качества:

1. Большая сила и большой рост.
2. Много ест и ест быстро.
3. Настойчивость и упорство.
4. Предпочтение смерти перед позором или трусостью.

Индивидуальные и отличительные черты:

1. Богатыри из среднего мира или из «айыы аймаҕа» отличаются особой зоркостью зрения и меткостью при стрельбе из лука. Богатыри из «абааһы аймаҕа» страдают слепотой, их глаза покрыты гноем и пятнами, они стреляют очень плохо.

2. Богатыри среднего мира или из «айыы аймаҕа», хитры, коварны и отличаются особенной недоверчивостью к врагам. Богатыри из «абааһы аймаҕа», будучи чрезвычайно коварными, отличаются большой доверчивостью к слову врага.

3. Богатыри из среднего мира или из «айыы аймаҕа» отличаются скрытностью, избегают хвастовства своими силою и ловкостью; богатыри же из «абааһы аймаҕа» отличаются чрезвычайным высокомерием и хвастовством. Потому они не выносят и маленького случайного позора. Они слишком горды и самолюбивы, потому при малейших неудачах и промахах подвергаются всеобщему осмеянию.

4. Богатыри из среднего мира чисты, чистоплотны, их лица или белы, или смуглы; они отличаются брезгливостью. Богатыри же из «абааһы аймаҕа» отличаются особенной неряшливостью, их лица грязны и черны. От них несет несмываемым потом и вонью. Они отличаются всеядностью, ничем не брезгуют.

5. Богатыри из среднего мира или из «айыы аймаҕа» никогда не женятся на дочерях «абааһы аймаҕа», богатыри же из «абааһы аймаҕа» всегда стремятся жениться на дочерях «айыы аймаҕа».

6. Богатыри из среднего мира или из «айыы аймаҕа» не обладают способностью или волшебною силой заживлять раны или сращивать отрубленные части тела. Им нужна помощь удаганок или применение «воды бессмертия». Богатыри же из «абааһы аймаҕа» все обладают этой волшебной силой. Им достаточно своей слюной помазать раны, чтоб они заживали мгновенно. Они способны выдержать три смерти собственными силами и чрезвычайно увертливы от смерти.

7. Тунгусский богатырь отличается тем, что очень ловок, хитер, недоверчив, но слабее первых. Он не принадлежит ни к одному из трех «биис ууһа»; появляется с северо-востока и направляется на юго-запад.

Если тунгусский богатырь желает похитить женщину из «айыы аймаҕа», то при встрече с богатырями среднего мира прикидывается голодным или умирающим от голода и холода, так как он де девять дней рыскал по горам и лесам за добычей, но «Баай Байанай» не осчастливил его добычей. Он роняет свою палку для понукания оленей и не может достать ее, т.к. не может для этого встать с саней. Его со смехом поднимают. Глядь — его уже нет, а вместе с ним нет жены или сестры того, кто пришел ему на помощь.

Тунгусский богатырь чрезвычайно чуток. Он спит сидя и одним только глазом, другой же бодрствует, сторожит. При малейшем шорохе травы, он с криком пробуждается.

Богатыри среднего мира ездят на конях, богатыри из нижнего «абааһы аймаҕа» ездят на запряженных быках. Богатыри из верхнего мира «абааһы аймаҕа» ездят на огненном драконе («уот садаҕа кыыл» или «уот садаҕа моҕой кыыл»). Обычно тунгусские богатыри ездят на оленях, но главные из них - на лыжах, рассыпающих во время хода или бега во все стороны искры.

ОРУДИЯ БОРЬБЫ И ДОСПЕХИ

1. Описание «батыйа».

«С трехдневного пути молодого человека губы и зубы три-четыре раза на себя отражающая, с настаивающей страстью и свежей кровью упивающаяся, на острие с тридцатью втягивающей алчностью, с обухом смерти запекшейся черной кровью, длинная и вперед стремящаяся «батыйа». («Уолан киһи уостаах тиһэ үс күннүк сиртэн үстэ-түөртэ турбачыйан көстөр, субай хаан утахтаах, суодуйар илбистээх, отут оҕоруктаах обот соллон биилээх, өһөх хаан дьайдаах өлүү өнчөхтөөх уһун сула батас»).

2. Описание копья («үнгүү»).

«Брови и ресницы девственной женщины отражающим блеском, страстью наведенным острием, с острым концом вверх прыгающее, в запекшейся крови танцующее, черной кровью упивающееся, с чернобедственной страстью, с деревком в красной крови окрашенным, грозно настаивающее копье» («кыыс дьахтар кыламаннаах хааһа кыырыктаах биитигэр кырталдьыйан көстөр, өргөстөөх төбөтүнэн өрүтэ мөхсө турар, өһөх хаан үнкүүлээх, өһөгөйдөөх илбистээх, хара хаан эмсэхтээх, кыа хаан кырааскалаах уктаах, кыдыгырар кыырыктаах үнгүү»).

3. Описание лука — самострела («муос саа»).

«Склеенный из клея, сделанного из аорты и вены быстрой и неупловимой, как воздух, рыбы — смерти, кровью зверя — льва для чары окрашенный, сделанный из березы страны из грозной дали, имеющей бересту из страны туманной дали, с частями из крени страны настаивающей дали, обмотанный спинным сухожилием зверя — львицы для вызыграющей страсти, с бьющей страстью тетивой из толстой части кожи

матерого лося, игривый и веселый, роговой лук — самострел» («өлүү дьириминэй балык сийн үөһэ силимнээх, хахай кыылым хаанынан соһоломмут, хамаан-имээн дойду хатынга хатыннаах, туман-имээн дойду туоһа туостаах, кимээн-имээн дойду киилэ кииллээх, тыһы хахай кыылым тыллар ээнин ингирэ ингирчэлэммит, улуу тайах кыыл уорбатын чулуута охсор илбис киристэммит көрүлүүр көр муос саа»).

4. Из других орудий борьбы известны нож («быһах»), носимый в ножнах («кыын»). Для лука имеются разные стрелы («онобос»), вложенный в колчан («кэһэх»), также булава («чомпо сүллүгэс»), и мяч («мээчик»). Богатыри из среднего мира в редких случаях бывают вооружены косяными орудиями. Таковым упоминается только богатырь Дитя-Сирота, вооруженный вместо батыи, костью ребра животного («Ой-обос унуоҕа батыйалаах Оҕо Тулаайах бухатыыр»).

5. Описание кольчуги («куйах»).

Богатыри из верхнего и нижнего «абааһы аймаҕа» носят гладкие трехсложные железные кольчуги, «үс хос тимир килиэ куйах». Богатыри из среднего мира, из верхнего «айыы аймаҕа» носят серебряные кольчуги (верхние) или железные кольчуги, похожие на серебряную пыль (опилки не от пилы, а от «игии»), эластичные, как будто бы плетеные из тонких проволок, тоже в трехсложном виде («үс хос үрүҥ көмүс куйах» или «үрүҥ көмүс аалытын курдук үс хос дыгдальдыгас тимир куйах»).

6. Описание шлемов («кураах бэргэһэ»).

Богатыри из верхнего и нижнего «абааһы аймаҕа» носят на голове трехсложные, железные (как сгнившее гнездо орла, широкие и низкие) остроконечные шлемы («сытыйбыт хотой уйатын курдук, үс хос тимир наннаһын кураах бэргэһэ»). Упоминаются также шлемы из шкуры зверя («ниэрипиэс или ниэлипиэс»).

Богатыри из среднего мира носят трехсложные, железные с острым концом шлемы на бобровом или соболином мехе. Причем в «олонхо» упоминаются также шлемы, украшенные сверху рогами («үс хос тимир кураах бэргэһэ». «Буобура тириитэ, муостаах тимир кураах бэргэһэ»).

Богатыри из верхнего «айыы аймаҕа» носят трехсложные серебряные шлемы («Үс хос үрүҥ көмүс кураах бэргэһэ»). Большинство богатырей из «айыы аймаҕа» имеют обычную шапку на бобровом меху, с верхушкой из соболя или из лапок чернобурых лисиц, с рогами на верху.

7. Нововведения к доспехам позднейшего периода. К таковым относятся упоминания о золотых доспехах, как-то: кольчуги, шлемы. Также сюртуки, как стянутые на бок, как дернутые, железные галстуки («сөрүү тарпыт курдук сөртүүктээх, хасты тапшыт курдук тимир хаалтыстаах») и т.д. Они несомненно взяты из современной русской культуры.

ОПИСАНИЕ БОГАТЫРСКОГО КОНЯ

Конный скот по «олонхо» происходит от «Уот Дьөһөгөй». Причем до него упоминаются другие «Дьөһөгөй» — «Күрүө дьөһөгөй хотун» (Госпожа «Дьөһөгөй» с изгородью), а также «Күн дьөһөгөй тойон», т.е. Гос-

подин солнце «Дьёһөгөй». Очевидно, мы здесь имеем дело с более древним понятием, забытым уже в эпоху «олонхо».

Кони посылаются из верхнего мира, с небесной страны, страны Солнца, господином «Дьёһөгөй» — богатырям среднего мира или из «айыы аймаҕа».

Богатырские кони одарены чуткостью к переживаниям своих хозяев. Кони имеют волшебные свойства:

1. В критические моменты одаряются способностью говорить на языке «ураанхай саха» и дают хозяевам советы и указания. В этом отношении они иногда более сведущи, чем их хозяева.

2. Богатыри прибегают к сокрытию своих жен или сестер волшебным способом — в ухе своих коней, причем кони иногда предлагают своим хозяевам порыться в их ухе и вытащить оттуда орленка. Этот орленок, если его отхлестать как следует, то набухает и; растет как гора. Если войти в его пасть-то войдешь в страну, покрытую зеленью, где имеются два столба, на одном из которых - цветочек, а на другом - «үрүн илгэ», или «араҕас илгэ» (кушанье из молока). Богатырь съедает это кушанье, чувствует бодрость, рост силы и прилив боевой страсти. Конь, съевши цветок, тоже становится бодрым и быстрым.

Конь богатырю — товарищ, соратник и советник. До женитьбы самое любящее существо, это — волшебные крылья, мигом покрывающие громадные пространства.

Хороший конь не ждет второго удара хлыста, как хороший человек исполняет данное им слово.

Богатырский конь описывается так:

«В три косых обхвата, как дротик с челкой, в бурях вверх играющим; в семь косых обхватов, как ветерок волнуемый, как вихрь крутящийся, с метелистой и бурной, с черно-широкою гривой; в девять косых обхватов, как по волне бегущая огневая лодка, с длинновихревым хвостом; в девять обхватов длиной, с голубым недоуздом, как солнечная тень с поводом, с боками, необхватываемыми ремнями; со стремительною силой, неудержимой поводом; с порывающей недоуздом силой в звонко хрустящих сухожилиях; с четырьмя играющими, как копыта из-под снега опрокинутые, каменными копытами; как небесная качалка с седлом; с опоясывающими, как радуга яркими, ремнями; поющими легенду звонами, с прочно-вескими стремями; покрытый, как красное облачко, попоной и в чепраке, как черное облачко, знаменитый конь» («үс булас өрөкүйэ көтөр үөрбэ чаҕаан көбүллээх; сэттэ булас зриллэ-бурулла оонньообут эһэгэй-дугуй, ньэлэмэн хара, тиһиилээх сиэллээх; тобус булас уйулҕаннаах холорук, уот ончоһун кутуруктаах; тобус булас торбо тэһииннээх, күн күлүгэ көнтөстөөх, холун тиһибэт хоннуолаах; көнтөс быстыабынан күлүмэх күүстээх; тэһиин быстыабынан чиччигинэс ингиридээх; халлаан хадьангата ыңгырдаах, кустук курдук курбуу-дырбии холуннаах; ырыалаах-тойуктаах иһпэ-дьиһпэ ингэһэлээх; соһо быллыт чаппыраахтаах, кыһыл быллыт кычымнаах; түөрт хаардаах бугулу түөрүтэ анһан кээспит курдук, түөрт түөрэм таас туйахтаах, ааттаах ат»).

Седло имеет на передней стороне крючок из меди или из железа с

изображением конской головы. На крючке висит нагайка — скребок с тремя кисточками-бичами. («Үс салаалаах айбы далбар кымньы»).

Древние якуты в летнее время обычно брали с собой опахало из жеребьячьего хвоста или сделанное из хвоста взрослой лошади для защиты от мух и комаров, «Дэлбиир» (опахало) висело тоже на крючке у седла. Потник под седлом делался из пожелтевшей, сухой, но мягкой травы «нъялбай от». Сидение седла делалось из шерсти, набитой в ровдужную наволочку. Покрывалось седло какой либо дорогой шкурой, а женские - ровдугой, расшитой серебряными пластинками. Передняя часть седла покрывалась серебряной украшенной орнаментом пластинкой.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ О СРЕДНЕМ МИРЕ «БИИС УУҢА»

Дело ученых установить точно происхождение якутов, указать их прародину и выяснить те причины, которые заставили якутов уйти на далекий север - территорию современной Якутии.

Мое дело ограничивается исключительно представлением материалов поэтому вопросу, заключающихся в народном изустном творчестве.

В большинстве случаев в «олонхо» упоминается, что на среднем мире, на его западной части находится «Араат байбал» или «Арылы байбал». «Араат» и «Арылы» - одно и то же море; одно должно означать, без сомнения, Аральское море. Следовательно, средний мир должен был находиться «а востоке или в северо-восточном направлении от Аральского моря. Это первое. В меньших случаях в «олонхо» встречаются указания, что на западной грани среднего мира находится «муус кудулу байбал» или просто «(муустаах муора», т.е. «глубокое, как пропасть, ледяное море» или «ледовитое море». Это второе. Эти указания только на первый взгляд кажутся противоречивыми. Древний якут, «ураанхай саха», появляется впервые на среднем мире в начальную стадию патриархата.

Зорю же матриархата он должен был пережить на первой своей родине. Очевидно, древние якуты начальный период патриархата и всю эпоху матриархата пережили на северо-востоке Аральского моря. Поэтому в первые годы героической эпохи народное творчество вполне могло взять в «олонхо» название Аральского моря и перенести его в эпос героического времени на среднем мире.

Вторым вопросом, требующим выяснения, является “Муус кудулу байбал” — это западное, ледовитое море среднего моря.

На среднем мире имеются три дороги, упоминаемые во всех «олонхо». Причем часть этих дорог должна быть отнесена к трем периодам и к трем разным местам, т.е. к первой родине, потом к путям переселения от первой родины в сторону среднего мира (второй родины), и только часть может быть отнесена к дорогам среднего мира. Во всех «олонхо» говорится, что на юго-западной стороне «Муус кудулу байбал» идет дорога, ведущая в страну (верхний мир) «Возвеличаемого Великого господина», - «Кэбэлээх кээхтийэ хаан аартык». Буквально, означает «с кукушкой на вехе, кровавая дорога Кяхтия». Мы можем допустить,

что эта именно Кяхтинская дорога. Тогда без сомнения «Муус кудулу байбал» — не что иное, как замерзающее на зиму озеро Байкал.

Древние якуты, прежде чем попасть в нынешнюю Якутию из Средней Азии, должны были пройти путь от восточной стороны Аральского моря через древнюю китайскую империю (Тибет - Монголию) и остановиться на востоке от Байкала. В этом убеждают и другие данные. Говорят, что в древних летописях китайцев имеются сообщения о ураанхай-якутах. Это к сведению.

В среднем мире «ураанхай саха» впервые столкнулся с тунгусскими богатырями. Они появляются с северо-востока и уходят на юг среднего мира. Амурский и Приамурский районы должны были иметь тунгусов, как и сейчас. Эти тунгусы именно должны были появляться с северо-востока.

Во всех «олонхо» упоминается знаменитый кузнец «Кытай Бахсылааны», что означает буквально «китаец Бах-Сун-Иен». Родина этого кузнеца упоминается находящегося на северо-западе от среднего мира, а иногда прямо на западной грани среднего мира. Это вполне совпадает с предположением, что средний мир находится на восточной стороне озера Байкала.

На восточной грани среднего мира упоминаются теплые моря, что вполне соответствует географии Востока.

По данным «олонхо», нижний мир имеет три страны. Причем две страны находятся на северо-западе в третью же страну надо попадать по дороге, идущей под южным небом.

Такое представление могло появиться тогда, когда древние якуты жили на средней территории этих стран, что могло быть в более позднее время. От первой родины до среднего мира — дальний восток, когда якуты шли из средней Азии, мог казаться находящимся на севере и считаться нижним миром, а когда древние якуты остановились на среднем мире — необъятный восток и его народы были на юге, на западе, главным образом, также на севере.

Среди этих мелких народностей должна была господствовать китайская культура. Древние якуты, монголов на юге, бурят на севере — могли отнести к одному «биис ууһа», а китайцев — к другому «биис ууһа», а себя — к третьему «биис ууһа», имеющему корни в Средней Азии, в народностях тюрско-татарского происхождения.

Такое определение вполне совпадает с преданием об образовании трех стран или трех миров.

При чем указание, что на верхнем мире водится конный скот — должно быть отнесено к монголо-китайцам, а рогатый скот — к бурятам.

Знаменитый кузнец «Кытай Бахсылааны» происходит по «олонхо» из племен «Арсан Дуолай». Его племена в более древних «олонхо» называются «Аан Дараһы биийин ууһа». Причем «Арсан Дуолай» иногда называется «Арсыын Дуола» («аар-суун» «дао-лиин» или «ар-чун-дао иэн»). Очевидно, мы здесь имеем первое представление о китайцах, когда ураанхай-якуты шли из Средней Азии на восток, на средний мир. Причем «арбабас», в котором родился «Бедовый сильный Арсан»,

является китайский национальный костюм, или бурят-монгольская шуба. Жена «Арсан Дуолай» — госпожа «Аан Дьааһын, Ала Буурай» («Ан-джа-ун») изображается родившейся с деревянными колодками на ногах (адаба). Это вполне совпадает с деревянными колодками китайских женщин.

«Сотуун тириитэ сонноох» и «сараһын тириитэ сабыылаах», должны относиться к китайским материям, незнакомым древним якутам. Богатыри из «абааһы аймаба» изображаются иногда носящими одежду с изображением «күлгэри» — «ящерицы», это должно быть изображение дракона.

Понятие среднего мира связано с небесной войной, после которой упоминаются имена Чингис-хана, Одун-хана и Джилга.

Древние якуты после этой войны были заселены на среднем мире и стали сталкиваться с «абааһы аймаба». Средний мир считает — «туруу», — «ставшим», таковым во время войны, а после нее как «ставший средним миром» — заселяется.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Герои эпохи «олонхо» приносят жертвы только в двух видах:

1. По случаю победы, когда торжествующий победитель приносит в жертву духам четырех дорог и войны часть тела убитого, сжигая всю остальную часть и 2. Когда жертва приносится великим кузнецам рогатым скотом как вознаграждение за труды и взятые орудия борьбы. Других видов жертвоприношения не имеется.

Впервые оно упоминается в конце героической эпохи «олонхо», как обещание, но не как факт. Происхождение жертвоприношения «олонхо» объясняет как результат победы ураанхай-якутов над «абааһы аймаба». Великие богатыри из племени ураанхай-якутов истребили всех богатырей «абааһы аймаба» верхнего и нижнего миров и тем самым вызвали их месть и проклятия, выразившиеся в ниспослании на ураанхай-якутов разных заболеваний. «Абааһы аймаба» верхнего мира послали болезни, разрушающие верхнюю часть тела ураанхай-якута, а «абааһы аймаба» нижнего мира — нижнюю часть тела.

Тогда по совету великих удаганок стали откупаться от этих болезней путем жертвоприношения. Так как нужно было откупаться от болезней из верхнего и нижнего миров, то стало необходимым вещественно отмечать эти откупы, т.е. жертвы, в результате чего появились «кэрэх» (священное дерево) и его «куочай». Именно по «куочай» можно узнать кому принесена жертва. Так, если «куочай» острым концом обращен на юг и направлен вверх, то жертва принесена верхним «абааһы аймаба», а если «куочай» острым концом обращен на север с наклоном вниз, жертва принесена на «абааһы аймаба» нижнего мира. «Кэрэх» и «куочай», являвшиеся как бы документами, свидетельствующими об уплате, должны быть особо охраняемы и оберегаемы. Постепенно эти деревья стали священными и стали использоваться как предметы, атрибуты обряда. Жертвоприношение и его атрибуты — «кэрэх» и его «куочай» легли в дальнейшем в основу религиозного культа в виде шаманизма.

КУЛЬТ И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ

Шаманизм основан на жертвоприношениях верхним и нижним «абааһы аймаға», это как уже говорилось выше откуп от болезней.

Культ «ураанхай саха» героической эпохи был культом торжества и радости жизни. Основным элементом культа был «ыһыхах», как праздник коневодства и плодородия, т.е. лета, и как праздник начала семейной жизни (брака). Во всех основных обрядах культа встречается «ыһыхах» в той или другой форме.

Большой и малый «ыһыхах» и другие его формы сопровождаются особым обрядом и устройством. Место сбора людей на «ыһыхах» называется «түһүлгэ», оно сцепляется молодым цветущим березняком, соединенным волосяной (пестрой из белого и черного цвета) веревочкой, разукрашенной пучками конских волос («сиэллээх чэчир»).

Затем сооружаются коновязи, разукрашенные пучками конских волос, нанизанных на таких же пестрых, шерстяных веревочках («сиэллээх сэргэ»). У коновязей стоят привязанные жеребята — «кулун». Все предметы и посуда украшаются тоже кисточками из пучков конских волос («сиэллээх хамыйах», «сиэллээх сири иһит», «сиэллээх чороон», «сиэллээх ымыйа»). Место состязаний, начиная от «түһүлгэ», сцепляется тоже молодым березняком с тем же украшением («сиэллээх сэлэ»).

«Ыһыхах» начинается освящением — «алгыс». Освящается конский молодняк, освящается «кымыс» (кумыс), благословляется лето и дары природы. «Алгыс» кончается благодарностью ураанхай-якутов божеством природы и коневодства с пожеланиями о ниспослании неоскудении счастья устройтелю «ыһыхах» и всем ураанхай-якутам.

«Ыһыхах» сопровождается песнями в кругу и шествием круга навстречу солнцу. Это шествие под песни навстречу солнцу называется танцем «ыһыхах».

Другими элементами культа радости являются: «айыыһыт тардар», т.е. обращение к покровительнице рогатого скота о ниспослании убывающего счастья и об одарении непогибающим, а плодоносным молодняком, а также «айыыһыт атаарар», т.е. отправление госпожи «Айыыһыт» на третий день после родов у роженицы. На этом обряде культа материнства участвуют только женщины и то девушки-подростки — будущие матери.

Удаганство и шаманизм резко отличаются друг от друга: первое понимается якутами как культ радости, а последний как культ черной силы. Поэтому шаманы, представители черного культа, не могут исполнять обряды культа радости, как-то: «айыыһыт тардар» или освящение «ыһыхах», «айыыһыт тардар» может исполнять «айыы ойууна» или белый шаман.

ПОНЯТИЕ БЫТИЯ И НЕБЫТИЯ

Понятие бытия определяется словом «кут». Причем «кут» содержит в себе три элемента: 1. «Ийэ күт». 2. «Буор кут» и 3. «Салгын». Совокупность этих элементов дает полноту понятия бытия — «кут».

Потерю одного из этих элементов начинается болезнь организма и его разрушение. Понятие здорового состояния организма определяется словом «сүр». Про человека, здоровье которого потеряно безвозвратно, говорят: «сүрэ тостубут», т.е. «разбилось его здоровье», «сломалась его жизнеспособность». Понятие небытия у ураанхай-якутов исходит из представления о существовании страны небытия («дьябын» или «дьябыл»). После смерти человека, его душа отправляется в эту страну, где нет жизни. Понятие бытия тесно связано с жизнью живого организма, вне организма нет жизни для «кут». У древнего якута нет представления о загробной жизни или о существовании в потустороннем мире.

Понятие небытия ясно может быть представлено и объяснено словом «кыраман». Душа человека, после его смерти, улетучившись из его тела, продолжает жить на земле жизнью между бытием — небытием; она не может возвратиться в бытие и в то же время не может уйти в страну небытия («дьябын» или «дьябыл»). Она должна на земле страдать за преступления своего хозяина. Следовательно, в загробной жизни нет страдания за свои преступления, так как нет и загробной жизни. Преступник должен искупить все свои грехи при своей жизни и душа его, как неотъемлемый элемент жизни, участвует с ним в его грехах и наказании. Поэтому душа должна страдать на земле неискупленный срок в муках между бытием и небытием. «Кыраман» сопровождается наказанием и обречением преступника проклятию. Поэтому понятие «кыраман» — подходит к понятию обречения року. Позднее понятие «кыраман» расширяется. Преступник против бытия или жизни не только отвечает сам, но за него отвечают его дети, внуки и т. п., в чьих жилах течет его кровь. Очевидно, это расширение связано с эволюцией культа с шаманизмом. Болезни отца, нажитые им благодаря распутной жизни, наследственно передаются его потомству. Это обычное для нас явление шаманизм объяснял как наказание, посланное преступнику против своего бытия высшими силами, что его потомки отвечают за него, за его грехи, т.к. часть его в виде родственной крови живет еще в них. «Бэйэбин ааһан бэдэргиттэн иэстиэхпит», «бэдэргин ааһан тугуккуттан иэстиэхпит», т.е. «не только с тебя, но взыщем с детеныша», «не только с детеныша, но и взыщем с внука».

ДУХИ («ИЧЧИ»)

Все духи — «иччи» трех великих «биис ууһа», племен «үрүн Аар тойон», «Улууугуйар Улуу тойон» и «Арсан Дуолай», появились на среднем мире вместе с ураанхай-якутами и в порядке заселения среднего мира. Поэтому все «иччи» должны быть отнесены к числу 35 «биис ууһа» среднего мира. Всем «иччи» была определена тогда же (при заключении мира между тремя великими «биис ууһа») их роль на среднем мире. Все они были назначены для покровительства всех видов и отраслей хозяйства и промыслов.

Во многих «олонхо» встречаются указания, что богатыри из ураанхай-якутов имели женами представительниц «Иэйэхсит хотун» и «Айыһыт хотун». Более ярким примером их тесной и уже установившей-

ся связи является то, что богатыри среднего мира, едущие на борьбу, всегда обращаются к божеству своего родного уголка к госпоже «Аан Алахчын» за благословением. Она в этом случае не только его благословляет на путь и борьбу, но и дает сосать свою грудь для питания его силой.

Вообще, когда ураанхай-якуты жили на среднем мире, все «иччи» были видимы и вступали с ними в сношения, хотя ураанхай-якуты отделяли их по возможности от себя, прибегая впрочем в случаях нужды к их покровительству. Это объяснялось не божественными свойствами «иччи» и их чужеродностью.

Все «иччи» с конца героической эпохи «олонхо», т.е. с уходом ураанхай-якутов из среднего мира, стали сношаться с ними только через шаманов и удаганок.

Некоторые со временем видоизменились; к таковым относится, например, покровительница и божество хотона «Ньяадды Ньянха», превратившаяся в «Симэхсин эмээхсин». На это превращение указывает, во-первых, что всякое значение и представление об этом божестве сейчас позабыто. Во-вторых, что появилось совершенно новое представление о «Ньяадды», как духе-кумушке, свивающей в юрте или в хотоне, погребу или амбаре, в каком-нибудь темном уголке гнездо и разрушение которого навлекает ее гнев на молодяк рогатого скота. В древнем «олонхо» «Ньяадды Ньянха» представлялась ограждающей от всяких бедствий, болезней, имеющих намерение проникнуть в хотон, к скоту. Подтверждающим это фактом является то, что «Симэхсин эмээхсин» обладает теми же ограждающими хотон и находящийся в нем скот силами и свойствами. Ни один дух не смеет войти в хотон, где находится «симэхсин»; хотон, как область ее ведения, неприкосновенен для других «иччи», «симэхсин» для хозяев не только «иччи» хотона, но она рабыня, работающая в хотоне. Она как «иччи» имеет силу пророчества, но ввиду ее рабского состояния, она потеряла свое значение; ее пророчества и предсказания принимаются, как откровения, исходящие от более почетных и высоких «иччи», как например, «Иэйэхсит».

Здесь возможно только одно возражение, а именно, что труд считается в эпоху «олонхо» священным. Но как не всякий труд священен, также и не всякий трудящийся священен. Священен труд кузнеца, как труд, производящий орудия смерти, священен труд горшечника, как труд, производящий огнеупорную посуду. При этом, неизвестно, являются ли представители указанных профессий неприкосновенными. Есть, например, указание, что дух кузнеца тяжелее и сильнее духа шамана, что душа шамана не может съесть душу кузнеца.

«Симэхсин» как дух — вечное существо, но как человек — рабыня, презираемая даже рабами и рабынями. Ее функции священны для духов — «иччи», но для людей потеряли значение и прежняя «Ньянха Ньяадды» под влиянием рабства превратилась в старушку-рабыню.

«ЫҢЫАХ» И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

Большой или великий «улуу ыҥыах» в «олонхо» начинается с широкого оповещения народа, с приглашением всех удалых героев и богатырей. При этом, приглашаемым описывается красота дочери устроителя «ыҥыах» и сообщается также, что добиться ее руки прибыли такие-то знаменитые герои и богатыри, имена которых гремят на трех мирах.

Богатыри и герои не могут не идти на это приглашение, иначе их могут ославить как трусов. В случае успеха и победы их ждет счастье брака с красавицей, в честь которой поются хвалебные гимны на всех мирах.

«Ыҥыах», являясь праздником коневодства и плодородия, является в то же время и семейным праздником, так как устроители «ыҥыах» празднуют также и рост своей семьи в лице дочери, долженствующей дать жизнь новым поколениям, т.е. пустить корни в далекое будущее. «Ыҥыах» имеет большое значение для воспитания молодого поколения, для закаливания его боевого духа. Молодежь испытывается на «ыҥыах», закаляется на состязаниях. С участием на «ыҥыах» молодых людей связано представление о достижении ими зрелости, после чего они уже взрослые люди.

Большой «ыҥыах» может затянуться на годы, когда в состязаниях примут участие равные по силе и в результате чего могут вспыхнуть нескончаемые войны на всех трех мирах. В таких случаях устроители «ыҥыах» разоряются до тла. Большой «ыҥыах» кончается малым, рамки которого значительно сужены и участниками которого являются представители семейного и родовых кругов.

Малый «ыҥыах» является праздником побед и подвигов жениха, а также начала брачной жизни новой семьи. Этот «ыҥыах» длится до поездки молодых в дом мужа. Новобрачные, прежде чем разделить брачное ложе делят пополам какое-либо кушание. Обычно таковым является сердце молодой скотины в целом виде. Кушание кладется в посуду — «ымыйа», наполненную маслом. Все это означает, что вступающие в брак должны любить друг друга и жить в полном согласии и счастии. Кроме того в отдельной маленькой посудке кладется белое масло для натирания тела перед брачной ночью.

Перед отъездом новобрачных из юрты выходят все. Рабы и домоладцы мужского пола становятся на стороне старика, причем шесть лучших (или 12) поддерживают его. Рабыни и все домоладцы женского пола становятся на стороне старухи, причем шесть рабынь (или 12) поддерживают старуху. Все одеты в лучшую и ценную одежду. Старуха с кумысом в чороне произносит «алгыс» — пожелания счастливого пути, счастливой семейной жизни. Она благословляет свою дочь с пожеланиями доброго потомства, чтобы кровь и жизнь ее родных, отца и мать — в ее лице, в ее потомстве жила бы и размножалась и цвела бы из века в век; чтоб у нее было много скота конного и рогатого; чтоб у нее также был бы и богатый «ыҥыах» из рода в род, из поколения в поколение.

Новобрачную, после материнского «алгыс» сажают на оседланного коня, разукрашенного самым лучшим украшением, причем, на седло она поднимается по спине раба, едущего с нею в качестве «эмньик кулут».

ВСТРЕЧА НОВОБРАЧНЫХ У РОДНЫХ МУЖА

Победитель на состязаниях и в борьбе с богатырями трех миров, увенчанный славой, имя которого гремит, как весенний гром, едущий с молодой женой и ее приданым, встречается своими родными с большим торжеством.

В честь этого события опять-таки устраивается «ыһыах» в рамках семьи и рода. Новобрачных встречают до вступления их на родные поля, на опушке молодого лесочка — «арыы чаллах тыа» — где ставится для них «сэргэ» — коновязь. Невестка («кийиит») останавливается у этого «сэргэ», где и опускают ее на землю, на цветок «ача». Здесь она должна разукрасить коновязь пучками конских волос, нанизанных на шерстяную, пеструю веревочку. После этого ее ведут за руку (по возможности через шкуру чернубурой лисицы) вокруг лесочка три раза, идя навстречу солнцу. Только теперь ее с радостью встретит госпожа «Аан Алахчын» и все духи данной местности, так как они воочию убеждаются, что вновь прибывшая женщина несет с собой счастье и жизнь этой местности, что она устави́т местность разукрашенными коновязями, обогатит ее конным и рогатым скотом и вообще осчастливит ее.

У юрты и в юрте родных новобрачного выполняется и еще другой обряд. Здесь рабы и рабыни с приветствием ведут коней новобрачных к новым, разукрашенным «сэргэ», затем их спускают с коней и устилают им путь «дэбдиргэ» до порога. Женщина ведет молодую за руку в юрту, на пороге которой кладут цветок или травку «ача» или «үкэр». Вступив в юрту, молодая не должна показываться огню в камельке, поэтому ее ведут в «хаппахчы» за камельком, причем она должна бросать в камелек три связки лучинок. Все это означает, что «кийиит» приехала в дом мужа цвести, как цветок, жить и дать потомство, хранить и продолжать огонь, зажженный и горящий из поколения в поколение в семье родных мужа.

РОЛЬ «СИМЭХСИН ЭМЭЭХСИН» В ВЫДЕЛЕ ПРИДАНОГО

Выделение доли конного и рогатого скота производится двумя способами: 1. Родители сами и по-своему усмотрению выделяют для новобрачной часть конного и рогатого скота и часть рабов, но не более одной трети всего наличия и 2. Родители предлагают своей дочери самой выбрать свою долю, так как если она поедет от них недовольная выделенным ей приданным, то это является плохим предзнаменованием для ее только что начинающейся жизни.

Во многих случаях «олонхо» приводится один и тот же случай выбора своей доли женщиной. Она выбирает жеребят и телят и заставляет взять ихние «томторук» (ошейники). Когда отъезжающие трогают-

ся в путь, телята и жеребята охотно идут за своим «томторук», за ними тянутся их матери — кобылицы и коровы; двухтравые и трехтравые, со своими уже детенышами также бегут за уходящими матерями, за ними со слезами на глазах следуют самые старые кобылицы и коровы, жеребцы и пороцы. Таким образом, вслед заезжающими уходит весь скот.

В это-то время с криком выскакивает из хотона «Симэхсин», разбрасывая во все стороны лопатой горячую с угольями золу. Поднимается пыль, как дым, сверкают искры и создается полная иллюзия пожара. «Симэхсин» в неистовстве плачет и кричит: «Ой, беда! беда! Дорогое дитя, оглянись — обернись! Ведь, твои родные с горя, что ты угнала весь их скот, сошли с ума, сожгли свою юрту и повесились на своих коновязях! Дорогое дитя! Оглянись! Обернись! Пожалей своих родных!» Новобрачная, не выдержав, оборачивается назад — хитрость удалась: две трети всего уходящего стада сами возвращаются обратно домой.

Все это должно означать, что доля новобрачной не должна превышать одной трети всего скота и рабов. Если женщина берет больше, то на это нет ей благословения ее родных.

Это также означает и то, что женщина, выйдя замуж, все свое внимание обращает уже на интерес своей новой семьи, своего собственного хозяйства, если бы даже в жертву им приходилось принести благополучие, покинутых ею родителей.

РОДЫ

При первых родах всегда обращаются за помощью к покровительнице рогатого скота «Айыыһыт хотун», а не к покровительнице материнства «Иэйэхсит хотун». Это противоречие должно быть объяснено тем, что «Иэйэхсит» при матриархате была «мать — предок» рода, с наступлением же патриархата стала божеством, покровителем рода, семьи и материнства. «Айыыһыт» являлась, очевидно, покровительницей материнства и рогатого скота при матриархате, с переходом к патриархату она стала божеством только рогатого скота, а мать-предок «Иэйэхсит» заняла места «Айыыһыт», — божество повивального искусства полностью не могла утратить свое значение. Поэтому к ней и обращаются за помощью и благословением при родах. Древность «Айыыһыт» доказывается и ее именем, означающим — «творительница», «айыыһыт», а «иэйэхсит» происходит от «ийэ» — мать-предок, мать-божество рода, а может быть и олицетворение строя, возглавляемого женщинами под руководством матери, самой старейшей женщины в роде, семье, т.е. «ийэ» — мать, «иэйэхсит» — матриархат.

«Айыыһыт» появляется в виде кобылицы и своим ржанием наполняет всю окружающую природу бело-молочной благодатью. Затем подходит к почетному окну и, просунув внутрь юрты голову, своим ржанием наполняет всю юрту той же благодатью.

Необходимо обратить внимание на то, что богиня рогатого скота появляется в виде кобылицы.

Перед родами готовят 4, иногда 8 посуды («ымыйа») с рас-

топленным маслом; часть их ставится в четырех углах юрты, а часть на углу восточного орона, где спит хозяйка дома.

Между прочим с восточной стороны приходят и «Айыыһыт» и «Иэйэхсит». Перед моментом, когда роженица должна с нар перейти на место для родов, она просит принести и положить по сторонам ее драгоценные одежды и украшения и только после этого она или муж ее обращается к госпоже «Айыыһыт» и «Иэйэхсит» прийти к ней, помочь родам и благословить ее ребенком.

Госпожа «Айыыһыт», наполнив юрту бело-молочной благодатью, появляется в виде женщины, в возрасте не более 50 лет и произносит «алгыс» об рождении ребенка мальчика или близнецов — мальчика и девочки. Затем начинает помогать роженице, как повивальная бабка путем натирания и массажа.

Во всех «олонхо» женщина рожает не лежа, а в полусидячем положении, для чего земляной пол юрты устилают сеном, а в землю вбивают кол, разветвляющийся наверху на две части, за которые роженица и держится обеими руками.

Как только роженица разрешается, госпожа «Айыыһыт» в восторге заявляет, что она одарила роженицу счастливым ребенком и что потомство ее будет расти из поколения в поколение. После этого «Айыыһыт» уходит.

Дитя-богатырь, упав на землю из материнской утробы, с криком бежит на четвереньках из юрты. Если отец не смог удержать ребенка или ребенок настолько силен, что опрокидывает отца, то он или исчезает или похищается.

Удержанного ребенка обматывают поводом, завернув в шкуру, и дают ему сосать материнскую грудь: приняв материнскую грудь, он не может уже убежать.

Поэтому, когда люди знают, что у них должен родиться дитя-богатырь небывалой силы, делают особые приготовления. Обычно роют широкую и глубокую яму, дно и стенки которой устилаются каменными плитками. Женщина за три дня до родов спускается туда с запасом пищи на шесть дней; затем яму закрывают, засыпают камнями и землей. Этим предотвращается бегство ребенка-богатыря или его похищение.

Рождение богатыря чувствуется всеми тремя мирами, а судьба новорожденного уже предсказывается и измеряется в стране «үс танха биһик төрдүгэр».

Таково описание в «олонхо» обычных родов у ураанхай-якутов и рождение богатыря.

ОТПРАВЛЕНИЕ ГОСПОЖИ «АЙЫЫҢЫТ» (АЙЫЫҢЫТ АТААРЫ)

После родов роженица поднимается на третий день и переходит на свой орон. Послед она кладет в глиняный горшочек или в берестяной турсучок и закапывает в землю, так как повреждение последа или съедение его зверьми может вызвать гнев духов, а в особенности покро-

вительницы материнства «Айыһыт». Женщина, навлекшая на себя подобный гнев, может быть лишена способности зачатия. Сено и кол роженица прячет обычно в лесу, так как послеродовые остатки — «быртаһ», сжигать, особенно в домашнем камельке строго запрещается. Сжигание на огне предметов «быртаһ» может вызвать гнев духа огня, который поразит за это виновницу или виновного чесоткой.

Беременная женщина считается «быртаһ дьахтар», после родов в течение сорока (40) дней она еще не чиста — «быртаһ», ей запрещается участвовать при неводьбе; она не должна также перешагивать через предметы неводьбы, так как они становятся после этого тоже нечистыми — «быртаһ».

На третий день, днем у роженицы собираются девушки-подростки, в числе не менее 12 человек. Они, сидя полукругом, натирают свои щеки маслом из тех «ымыйа», которые были поставлены перед родами для встречи «Айыһыт». Все они, при этом, глядя друг на друга, должны смеяться. Очевидно, это связано с женским «алгыс», которое не может быть услышано ни одним мужчиной и должно сопровождаться телодвижениями, выражающими, что тело женщины радо и готово к новому зачатию. Эти телодвижения в древности должна была делать сама «Айыһыт», а в дальнейшем ее заменили повивальные бабки. Этот обряд «Айыһыт атаарар» или «отправление госпожи «айыһыт», что является культом материнства (радость материнства и выражение благодарности божеству материнства). Культ материнства — выражение матриархата, самый древнейший культ среди ураанхай-якутов.

ВЛИЯНИЕ КОНЕВОДСТВА НА ИГРЫ И ТАНЦЫ

Влияние коневодства безусловно имеется как в культе, так и в играх и танцах. «Ыһыаһ» ярко отражает на себе это влияние. Но в «ыһыаһ» и в его танце мы также встречаемся и с другими влияниями, о чем будем говорить дальше. Сохранилась до сих пор одна игра «анһа-бөрдө», изображающая борьбу кобылиц с волком из-за своего жеребенка. Волк стремится задавить жеребенка, а кобылица стремится спасти его, загораживая путь волку. Эта игра очень похожа на русскую игру в «горелки».

Танец девочек «чохчоохой» изображает движения доильщицы кобылиц, переходящий от одной кобылицы к другой. «Чохчоохой» состоит из прыжка в полусидячем положении, в бесконечном описании круга навстречу солнцу.

Игра «соххор таба» («косой прыжок») состоит из двух элементов, а, именно, соединение хода иноходца с прыжком оленя; при чем «соххор таба» является концом игры «ыстана» («прыжок»), когда попеременно обеими ногами прыгают по сделанным на земле меткам.

«Дьиэрэнкэй», танец, изображающий игру жеребят на поле. «Дьиэрэнкэй» состоит из бега с полупрыжками на одной ноге и бросанием вперед другой ноги, поднятой и согнутой почти под прямым углом.

Танец «оһуохай» в «олонхо» и преданиях героического эпоса не

упоминается. Поэтому его можно считать перенятым позднее от других народностей, возможно от бурят или тунгусов. Конечно, появление танцев не приходится объяснять исключительно влиянием коневодства. Первой основой танцев нужно считать подражание танцу журавлей и стерхов. Обычно во всех песнях, сопровождающих танцы говорится, что нужно петь и плясать, взявшись за руки, как журавли и стерхи. Сохранилось предание, что журавли и стерхи пляшут в кругу или двумя шеренгами, распластав свои крылья, то есть, как бы взявшись за руки.

ДРЕВНЕЕ ПОГРЕБЕНИЕ И ДОБРОВОЛЬНАЯ СМЕРТЬ

Богатырь «Мүлдү Бөбө», родившийся в верхнем мире и которого родные не могли удержать, попал в средний мир, он, увидев впервые конный и рогатый скот, начал истреблять его в бесчисленном количестве. Обиженные и оскорбленные владельцы скота, послали жалобу к «Үрүн Аар Тойон». Преступника поймали волшебным арканом на месте преступления и привели закованным к «үрүн Аар Тойон». «Белый Престарелый Господин» постановил, чтоб удаганки отняли у него ноги по колено и убавили силу наполовину. Удаганки так и сделали. Затем преступника сослали на вечное жительство в средний мир. От преступника-сына отказались родители и обрекли его на «кыраман», чтоб он умер в 54 года от роду. «Мүлдү Бөбө» имел двух жен (первый и последний в «олонхо»). Как только ему исполнилось 54 года, он сам выкопал себе яму, жены одели на него самую лучшую одежду, орудия борьбы и доспехи, снабдили его мясом и маслом в «ымыйа». Он сам живьем бросился в яму, где и умер. Над его могилой жены сделали насыпь из земли и камней. В этом «олонхо» нет никаких указаний о гробе. Такого случая добровольной смерти в «олонхо» больше не упоминается; при том нужно помнить, что в данном случае мы имеем дело не с обыкновенным человеком, а с обреченным — «кыраман».

Случаи добровольной смерти встречаются в преданиях уже, когда ураанхай-якуты поселились на территории Якутии. Эти случаи имеют место также и после поголовного принятия ими христианства.

К такому явлению, как добровольная смерть, нужно подходить с двух сторон. Старики, прожившие свой век, оставляющие после себя потомство, считали дальнейшее свое существование, как дармоедство, излишними и невыгодными для семьи. Поэтому они уходили из жизни, но не накладывая на себя руки. Их дети обязаны были зарыть их и сделать над ними могильную насыпь. Добровольно умирающим обычно давали глотать сердце скотины; в тот момент, когда сердце застревало в глотке, стариков бросали в яму и зарывали. Людей, которые из-за страха или жалости не могли сделать этого над своими отцами, поднимали на смех: «Трус, не исполнил завет своего отца, дал ему умереть, как зверю, как будто не было у старика доброго потомства».

Другим примером добровольной смерти является следующий случай. Знаменитый силач, у которого два известных героя «Ингиэччэмэ»

и «Илгиэлэмэ» не могли отбить красавицу жену, достигнув преклонного возраста, заставил сына и жену закопать его живым. Мотивом его смерти является желание умереть никем не побежденным, не превзойденным, так как на старости его могли победить и тем обесславить.

«Арангас» упоминается в «олонхо», причем он имеет три назначения. Во-первых, «арангас» ставили для великих богатырей из «абааһы аймаға», прибывших на «ыһыхах». В этом случае «арангас» — почетное место для сидения. Во-вторых, «арангас» ставили для убитого; это делали для того, чтобы пригласить из верхнего мира «айыы намыһын удабаттары», а этим удаганкам нельзя касаться нечистой, грешной земли. И, наконец, в третьем случае «арангас» ставили для хранения тела погибшего от зверей, на войне с целью, когда пройдет срок заклятия богатыря, пригласить тех же удаганок. В этом случае «арангас» — временная могила. С принятием христианства, «арангас» ставили для погребения шаманов и удаганок. «Арангас» не был массовым способом погребения умерших.

ОПИСАНИЕ ЮРТЫ

Во всех «олонхо» раннего и последнего периода — главной постройкой «айыы аймаға» или (ураанхай-якутов) является юрта — «балабан», а второстепенной ураса — «ураһа». У верхних и нижних «абааһы бийһин ууһа» жилище по форме напоминает собой курган и имеет вместо двери отверстие в вершине. Ураанхай-якут и эти постройки тоже называет юртой-«балабан». Во всех юртах первого и второго типа камельки изображаются с шестью или восемью гранями и высеченными из цельной, массивной каменной глыбы.

Во всех периодах «олонхо» огонь добывается исключительно с помощью огнива, кремня и сухой, мятой травки, хранящейся в кожаной сумочке при огниве. Лицевая сторона огнива покрыта сталью — «укулаат тимир», огниво называется — «хатат», кремень — «чокуур» или «эстэрийк», мятая травка — «кыа» и кожаная сумочка — «халык».

Предание говорит, что добывание огня указанным способом было принято впервые от верхнего «абааһы бийһин ууһуттан», от «Возвеличаемого Великого Господина», старший сын которого после образования трех миров стал духом огня в среднем мире («Улуутуйар Улуу тойон улахан уола Аан Уххан оҕонньор, биитэр — Аан Уххан Хатан Тэмиэрийэ оҕонньор»),

В раннем периоде «олонхо», окна хотона описываются, как защищенные плетеными лучинками, окна же юрты — затянутыми мочевым пузырем животных или пленкой, в которой был заключен телок в утробе животного. Иногда же упоминаются окна, затянутые тонкой жировой пленкой из кишечника и желудка животного («сарт-тымтык түннүк», «сүөһү кэнэбэскитэ сабыылаах түннүк», биитэр «чараас-хабах сабыылаах түннүк», «чохоччу (итирик) сабыылаах түннүк»).

Последним достижением культуры в героическом эпосе является

применение слюды для окон и для других предметов. Слюда шла на украшение бересты, покрывающей урасу, на украшение дверей («хап-паччы аана») чуланчика юрты или урасы, а также на украшение мелкой посуды, деревянной и берестяной, в которой хранились иголки, ножицы, нитки из сухожилий и другие материалы женского рукоделия («маллаах иһит»).

Из обстановки в юрте или урасе встречается в первую очередь стол, называемый «сандала». Стол делается из бересты с несколькими подкладками и имеет круглую форму — форму солнца. Стол имеет шесть или восемь ног, необходимых для поддержания бересты, чтоб она не гнулась под тяжестью посуды. Такой стол называется «туос сандала», т.е. берестяной стол. Причем, «сандала» может означать сияние солнца (стол, сияющий, как солнце, или изображение солнца).

По четырем стенам юрты имеются приделанные к основным столбам нары. Эти нары покрыты звериными шкурами или шкурами домашних животных (коней). Почетным гостям кладутся шкуры волка или медведя; они называются «олбох», то есть почетное сидение.

Помимо героического эпоса, у ураанхай-якутов нынешней уже Якутии и богатого люда, нары покрывались «сүн сөрүө», т.е. коврами из шерсти с разными шахматными и прочими узорами, получаемыми путем сочетания цветов шерсти (белой, черной и желтой); у бедноты имелись «кулуһун сөрүө», травяные плетенки. На всех столбах юрты или урасы имеются вешалки — «көхө». Причем бывали столбы, имеющие естественные вешалки (сучья), они назывались «сатанах», сатанах имели также специальное назначение, на них висели берестяные турсучки со сметаной и маслом или же орудия борьбы и охоты.

Вешалки обычно изображали зверей, птиц и, в первую очередь, изображали конскую голову. Последним достижением является применение медной вешалки «алтан көхө» с теми же изображениями.

ДРУГИЕ ПОСТРОЙКИ

Кроме юрты и урасы все остальные постройки предназначались для скота. Главной из них является «хотон» — хлев для рогатого скота, а остальные составляют изгороди и прочее. «Хотон» встречается не во всех «олонхо», поэтому его можно отнести к явлениям позднейшего времени. Это вполне возможно, так как на первой родине, а также и на второй, где климат был более теплым, хотон не мог иметь большого значения.

Изгороди описываются построенными на шестах или на столбах («тоһоҕо бүтэй», биитэр — «үс мастаах үүт бүтэй»). О значении изгороди можно судить из описания «күөкэримээн күрүө», т.е. изгороди, подобно шеям собравшейся к лету птицы; «далларымаан дал», т.е. изгороди, подобные человеку, торопливо поднимающемуся.

Самое главное внимание в «олонхо» уделяется сооружению коновязей — «сэргэ», «видных издали, как толстые, солиднейшие тоены». Юрта без коновязи характеризует хозяина не с лучшей стороны, ибо

люди с достоинством, известные герои и богатыри могут проехать мимо. С одной стороны, отсутствие коновязи — признак бедности и безымянности, с другой стороны — признак негостеприимства, неприветливости.

Главные коновязи — «сэргэ» стоят во дворе или в изгороди, окружающей юрту, в числе трех. Имеют резьбу в соответствии с изображениями на них. Если на первом «сэргэ» имеется «бар кыыл», т.е. изображение небесного орла — то резьба бывает «бадьыл ойуу», если второй «сэргэ» имеет изображение медведя, то резьба соответствует положению «сэргэ» «ойута быһыы ойуулаах», т.е. соответствует «ортоку», если последний «сэргэ» имеет изображение кукушки — «кэбэ», то резьба соответствует и положению — «кэннэки» и изображению — «кэбэ», т.е. «кэрэниис ойуу».

Каждый гость останавливается у соответствующей его положению коновязи, причем считается с положением и именитостью хозяина. Этим и объясняется, что не все знаменитые богатыри останавливаются у первой коновязи. Во время «ыһых» коновязи сооружают двумя рядами в виде шеренг по левой и по правой сторонам юрты.

ОДЕЖДА И СПОСОБЫ ОБРАБОТКИ ШКУРЫ И КОЖИ

Главными материалами для одежды являются шкуры домашних животных и зверей, мясо которых идет на еду, — коня, лося и оленя. Шкуры этих животных обрабатываются особым способом на кожемялке — «талкы». Причем основой «талкы» являются верхние и нижние челюсти коня. Для шкур маленьких зверей, жеребят и телят используется череп коня, куда надевается деревянная челюсть с двумя рядами зубьев, как подвижная часть, которой и мнетя шкура. Обработанные таким путем кожи — конские называются «саары» (если к тому же они обработаны на углях, с помощью жира), лосиные — «түнэ» (ровдуга), олени — «сарыы» (замша). Облегчающим обработку кожи является применение сметаны, пахты или жира, вываренного из костей.

Обработка кожаных веревок является более поздним явлением, так как в героической эпохе имели место лишь веревки из шерсти домашнего скота, в особенности плетеные из конских волос. Обработка кожаных веревок производится более новым способом, чем «талкы». Этот способ состоит в следующем: берут чурку, на середине которой делают отверстие топором или долотом — «чүүччү», в отверстие вдевают необработанные ремни из кожи, ремни перебрасывают через перекладину и концы соединяют. Двое мужчин берут прочную палку, третий вертит чурку — «мохсобол» (сокол), вследствие чего ремни скручиваются. Тогда двое мужчин начинают тянуть и давить на оба конца палки вниз на веревку, чурка начинает вертеться обратно; когда поднимают палку вверх, чурка вертится в другую сторону.

Обувь зимняя делается из шкур, снятых с лап коней, лосей и оленей. Причем лосиные лапы идут на обувь более зажиточных слоев населения. Женская обувь богатых делается из ровдуги — «түнэ», мягкой и легкой, как сукно. Домашняя обувь бедноты и рабов делается из

конских лапок или из коровьей кожи. Конская кожа, хорошо обработанная, тонкая и окрашенная углем или сажей на жиру, называется «саары», идет на летнюю или домашнюю обувь более богатых людей.

Из одежды главным являются дохи и шубы, т.е. «сабынньах» и «сон». Причем дохи шьются из шкуры рыси или волка («бэдэр сабынньах» и «бөрө сабынньах»), а шубы шьются из шкур рыси, бобра, с меховым подкладом из лисьих лапок. Шуба украшается «рыбьим мехом» — «буотака балык тириитэ», совершенно похожим на серебристый мех бобра, такие шубы называются «бууттаах сон», — пудовые, ценные шубы. Слово «бууттаах» — должно быть отнесено к позднему периоду, прежде, очевидно, употреблялось другое слово — «бууктаах», которое редко встречается в «олонхо».

Мужские шапки шьются из шкур соболя или из лапок чернобурых лисиц на бобре. Причем шапка шьется иногда с рожками и с лежащей на бок верхушкой («үс киис тириитэ өллүргэлээх, хара саһыл тыһа намыаскалаах, муостаах хара нуобай бэргэнэ»).

Женские шапки «дыбака» шьются из бобровой шкуры и из лапок чернобурых лисиц. На передней стороне шапки пришивается круглая серебряная пластинка с орнаментом, изображающая солнце, называется «туһахта». Верхушка женской шапки имеет «чопчуур», сшитый из красного сукна, разукрашенный бисером и серебряными пластиночками в форме кружков, четырехугольников, треугольников или в виде муравья.

В старину замужние женщины носили на голове «хаппаах. «Хаппаах» в «олонхо» нигде не упоминается, поэтому должен быть отнесен к одежде позднейшего периода.

Женские рукавицы и обувь имеют украшения из красного сукна, с тем же бисером и серебряными пластиночками, окаймленными еще синим или зеленым сукном, эти украшения называются — «этэрбэс симэбэ» и «үтүлүк симэбэ».

ЖЕНСКИЕ УКРАШЕНИЯ

У древних ураанхай-якутов мужчины не носят украшений, из женских же украшений главными являются «кылдыы» — ожерелье из серебра. Ожерелье это состоит из шейного кольца и длинных кисточек, спускающихся на грудь и спину («кылдыы», «илин кэбиһэр», «кэлин кэбиһэр»). Причем у «илин кэбиһэр» в середине имеется круглая серебряная пластинка с орнаментом (изображение солнца). Кисточки состоят из нескольких рядов, соединенных между собой тонкими кольцами. Ряды состоят из пластинок, соединенных тем же способом, и имеют узоры и вырезные края.

Украшения для волос (вместо ленты) состоят из кисточек с крупными бусами разного цвета и из серебряных коронок («хоруонка»).

Для внутренней одежды имеются следующие украшения:

1. «Түөс симэбэ», украшения груди.
2. «Сарын симэбэ», украшения плеч.

3. «Өттүк симэбэ», украшения бедер.

4. «Кыбака симэбэ», украшение, покрывающее утробную часть тела, от пупка до ступни ног.

5. «Сыалдьыйа симэбэ», украшение женских подштанников.

6. «Бөбөх», широкие, серебряные браслеты с орнаментом.

Колец и серег нет.

Древний ураанхай-якут судил об украшениях невестки по звону колокольчиков «кыбака симэбэ», когда она впервые переступала порог юрты своего мужа, по звону этого украшения также судил и о богатстве родных невестки.

ПОСУДА И СПОСОБЫ ЕЕ ПРОИЗВОДСТВА

Большая часть посуды делалась из бересты, к которой для прочности с наружной стороны пришивались тальниковые «ии» — (обручи), причем у маленькой посуды обручи пришивались только по краям, а у большой — и в середине.

Делалась посуда также и из кожи («сири иһит»), причем кожа для этого обрабатывалась особым способом с помощью сухой крови. Обработанная таким образом кожа становилась водонепроницаемой, крепкой и твердой. Посуда из кожи употреблялась для производства «кымыс» — кумыса.

Посуда для еды и питья делалась из дерева, главным образом, из березы и березового корня; для варки же пищи употребляли посуду, сделанную из глины — «туой».

В «олонхо» встречаются также указания, что до глиняной посуды употреблялись сосуды из каменных плит, вделанные в камелек и обмазанные глиной.

Берестяная посуда была двух родов: 1) для молока и молочных продуктов рогатого скота—«чабычах», «ыаҕас» и 2) конного скота — «сылгы иһитэ», причем посуды для доения «ыаҕас» рознились только по величине.

Посуда для приготовления кумыса («симиир») украшалась кисточками из серебряных коронок и бус, а деревянная посуда имела медные опояски-обручи («ии»), с медными кисточками — «салбырҕас».

Резьба и узоры на деревянной посуде делались ножом, а на глиняных горшках деревянным или костяным резцом; причем большие точки на горшках производились давлением пальца, а маленькие — тупым концом деревянной палочки. Глина обрабатывалась на доске деревянной колотушкой, а оформлялась руками и маленькой деревянной лопаточкой.

В эпоху «олонхо» труд горшечника — создателя водонепроницаемой и огнеупорной посуды, считался священным. Стук колотушки или лопаты горшечника гулко отдавался по своду нижнего мира, причиняя беспокойство жителям этого мира.

Отсюда следует, что производство горшков было делом новым, и что глиняный горшок имел своего предшественника в лице сосуда из каменных плит.

Кузнецы в эпоху «олонхо» являлись и строителями юрт; они же делали женские украшения («көмүс уустара»), оружие и орудия домашнего обихода — ножи, топоры, конские скребки, скребки для горшков («кэниир»), скребки для кож («кыһыах»), скребки для дерева («күөбүл»), долота («чүүчү»), шилы («бүргэс»), ножницы («кыптыый»), ледоколки («анныы») и т.п.

Кузнечными инструментами являлись: молот («балта»), молоток («өтүйэ»), наковальня («кыстык»), клещи («кытаҕас»), мех («күөт»), глиняная труба («сорҕо»), горнило («кыһа»), напильники («игии») и т.п.

Ложки бывают трех видов: 1) для снятия сливок с молока — «сүөгэй хамыйаҕа», с короткой ручкой, с широким и неглубоким черпаком; 2) для черпания кумыса или молока, вообще жидкости — «удьаа хамыйах» или «сиэллээх эбир хамыйах» с длинной рукояткой, с полушаровидным и глубоким черпаком и 3) ложки для еды. Поварешка с пучками конских волос — «сиэллээх хамыйах» имеет резьбу и употребляется во время «ыһыах», ею освящают кумыс, т.е. зачерпнув ею кумыс, окропляют землю, растения и предметы «ыһыах». «Ыһыах» — означает окропление, освящение, брызгание. Ложка, между прочим, употребляется для гадания («түөрэх»), когда, бросив ее вверх, наблюдают как она упадет: если ложка, упав на пол, не опрокинется, то это хорошее предзнаменование.

Чтобы достать мясо из горшка, пользуются деревянной палочкой с острым концом («үтэһэ»). В олонхо встречаются также указания на медные крючки — «алтан үтэһэ», «тордуохтаах алтан үтэһэ».

Для варки молока, для приготовления «суорат»-простокваши или для выделения масла из сметаны употребляют «ытык» — верчун из рога с проделанными в нем отверстиями. Сохранилась легенда о споре ураанхай-якута с «абааһы кыыһа» о том, можно ли сосчитать отверстия верчуна во время вращения, когда все отверстия сливаются в одну ленту. «Абааһы кыыһа» не могла сосчитать, а ураанхай-якут, заранее зная количество отверстий, просто сказал столько-то, тем самым спас свою жизнь.

МЕРЫ ДЛИНЫ

Длина измеряется на «былас», т.е. длиною растянутых рук до конца пальцев (маховая сажень). Толщина измеряется обхватом рук, называемого тоже «былас». «Былас» дробится на половину — «былас аҥаара», от середины груди до конца пальцев. «Былас аҥаара» дробится на длину локтя — «тоҥолох устата», а длина локтя дробится на ширину ладони — «тутум», дробящегося на толщину пальца — «илии» или «тарбах».

Расстояния измеряются дневным переходом лошади или пешего человека, идущих шагом — «күннүк сир». Однодневный переход — «күннүк сир» дробится на три части — «көс устата», причем «көс» почти равняется десяти русским верстам, «көс» означает переход кочевого племени от утренней еды до первой дневки.

Таким же способом измеряется рабочий день, длина рабочего времени. День делится на три части: от утренней еды до первой дневки —

«маннайгы омурбан», или до первого дневного доения коров; от первой дневки до второй дневки — «иккис омурбан», или до второго дневного доения коров; от второй дневки до вечерней еды на ночь.

Очевидно, в основу берется летний рабочий день. Поэтому можно приблизительно установить чистое время перехода или работы: «көс» равен четырем часам ходьбы и рабочее время от приема пищи до приема пищи равно этому же времени.

Дробными частями измерения расстояния или поверхности земли является: шаг — «хаамы». Причем шаг — «хаамы» бывает трех видов: шаг до отказа — «ыллар хаамы», средний шаг — «орто хаамы», малый шаг — «кыра хаамы». Шаг — «хаамы» дробится на длину колена — «сото устата», дробящейся в свою очередь на длину ступни — «улунах устата».

МЕРЫ ВЕСА

Весовой единицей является груз («таһаҕас»), с которым лошадь или вол могут идти в течение дня при двух отдыхах-кормежках. Количество добытой рыбы измеряется вместимостью «хоппо» — дощатого, длинного ящика, четвертой частью которого является «ынах ханна», коровий желудок.

Более древней весовой единицей нужно считать «ындыы» — вьючный груз на коне, равный восьми пудам без седока, с седоком — четыре пуда. Дробной частью «ындыы» является «ындыы ангаара», которая дробится на «сүгэһэр», с которым пешеход с двумя отдыхами может идти в течение дня. «Сүгэһэр» приблизительно равен 30-ти фунтам. Очень долгое время среди якутов при введении весов и безменов употреблялось выражение «отут харах», т.е. тридцать очков безмена, таким являлся груз — «сүгэһэр». С введением безмена (весов) пошли «мэһэмээн», берестяная посуда вместимостью в 21/2 ф. т.е. «биир арыы» (один безмен масла) с дробной частью «мээрэй», т.е. фунт с четвертью или фунт. Для сыпучих веществ самой низшей мерой является посуда «оһоойу» или «ытыс», т.е. горсточка.

ИЗМЕРЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Измерение рабочего, летнего дня было указано в мерах длины. Длина ночи измеряется нормальным сном человека, равным четырем последовательным горениям камелька. Причем горение камелька равно варке мяса в горшке. Мясо может вариться приблизительно в течение двух часов. Время горения камелька измеряется топками для поддержания огня, могущего вскипятить глиняный горшок. Горение огня и варка мяса равны трем или четырем последовательным топкам.

Нормальный сон приблизительно равен восьми часам или четырем варкам мяса. Год состоит из четырех времен: весна — «саас», лето — «сайын», осень — «күһүн» и зима — «кыһын». Год равен двенадцати месяцам — «уон икки ый». Причем каждый месяц равен тридцати суткам, т.е. год равен — 360 дням.

Весенние месяца: март — «кулун тутар», время появления жеребят — апрель — «муус устар», время таяния льда — май — «балык ыыр», время метания икры.

Летние месяца: июнь — «бэс ыйа», время цветения сосен; июль — «от ыйа», время сенокоса или цветения трав.

Осенние месяца: август — «атырдыах ыйа», время уборки сена или «месяц вил», сентябрь — «балаҕан ыйа», время кочевки для зимования в зимние юрты.

Зимние месяцы: октябрь — «алтынны», ноябрь — «сэтинны», декабрь — «ахсынны», январь — «тохсунну», февраль — «олунну».

Понятие о веке, равном ста годам, должно быть отнесено к последнему периоду «олонхо». Век измеряется предельной нормой жизни отдельного человека. Про человека, прожившего долго, говорят: «уһун үйэлээх киһи», т.е. «человек с длинным веком», а про умершего в молодом возрасте говорят: «кылгас үйэлээх киһи», т.е. «человек с коротким веком». Предельная норма жизни сто лет. Про стариков говорят: «тонхойор тобус уон тобус сааһын туппут», т.е. «девяносто девять лет своей жизни достиг, предел слома своей жизни».

Для женщин предельной нормой жизни, очевидно, является девяносто лет, так как говорят: «ахчайар абыс уон абыс сааһын туолбут», т.е. «достигла 88 лет своей жизни, которыми кончается ее век».

ОРУДИЯ ОХОТЫ

Орудия борьбы и орудия охоты имеют одни и те же элементы в своем дальнейшем развитии. Лук — «ох саа» был одним из первых сложных орудий, как борьбы, так и охоты. Лук состоит из трех элементов: а) дерева — «лук»; б) тетива — «кирис»; в) стрела — «ох». Дальнейшим усовершенствованием лука — «ох саа» — является изобретение самострела — лука — «муос саа» (копье), состоящего из лука — «чаачар», из деревянного ствола, окаймленного костяной оправой, куда вложилась стрела — «онобос»; из тетивы — «кирис» и из спускового крючка — «элбэрээх».

Лук — «ох саа» и самострел-лук («муос саа») дали образец новому орудью охоты-«айа», приспособленного для зимней охоты, с применением которого стало не нужной тратой времени в поджидании зверя. «Айа» состоит из следующих элементов: лук — «чаачар», тетива — «кирис», стрела — «ырба» или «бадаар ох» (все элементы лука), из дерева — «холо», приспособление для держания до отказа натянутой тетивы, из крючка «элбэрээх» и из «кылыы», т.е. длинного конского волоса, держащего концы «холо» и «элбэрээх». При чем «кылыы» также заменяет собой прицел в зверя, определяет правильность установки «айа» и верность боя стрелы. Заряженный «айа» засыпается снегом, при чем «кылыы» для незаметности делается из белых, как снег, волос. Зверь, наткнувшийся на «кылыы», освобождает крючек для удара тетивы. Капкан — «чаархаан», «тиргэ» — аркан являются приспособлениями «айа».

«Сохсо» — ловушка для мелких и крупных зверей, должна быть отнесена как «чаархаан» и «айа» к позднему периоду жизни якутов.

Эти орудия охоты появились на территории Якутии, частично позаимствованные от тунгусов, их охотничьего племени.

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ЛЕЧЕНИЯ

Первым средством помощи от недугов и от смерти является заклинания удаганок («алгыс»). Кроме этого упоминаются и другие средства лечения, известные обитателям трех миров. Общим средством для исцеления или заживления ран, известным трем «биис ууһа», является «вода бессмертия» («өлбөт мэнэ уута»). По сообщениям «олонхо», она изготовлялась из соков разных растений и из костных мозгов разных птиц и зверей.

По другим данным, «вода бессмертия» добывалась в верхнем мире, из озера, принадлежащего не то «Белому Престарелому Господину», не то «Уот Дьөһөгөй».

Более употребляемым лечебным средством является для «айыы аймаҕа» и ураанхай-якутов препарат, изготовляемый из молочных продуктов — «үрүн илгэ» или «араҕас илгэ». Этот препарат освежал и восстанавливал силы уставшего и изнуренного борьбой человека.

Верхние и нижние «абааһы аймаҕа» обладали волшебной силой заживлять свои раны слюной. Эти же «абааһы аймаҕа» имели «воду смерти» — «өлөр өлүү уута», разрушающую живой организм.

До сих пор сохранилось предание о существовании «травы-силы» («күүстээх от»). Если вытянуть зубами эту траву, не ломая ее и не разрывая ее корней, то она придает необычайную силу человеческому телу.

По преданию, эту траву знает сокол. Если крепко и наглухо забить «кумалаан» на дереве (дупло), где лежат в гнезде яйца сокола, то последний приносит «траву-силу» и одним ударом клюва выбивает пробку отверстия.

Если тут же найти траву-силу, то можно получить большую силу.

Как в «олонхо» до сих пор при болезни уха применяют как лекарство желчь куропатки или ворона. Очевидно, трава-сила, куропатка и ворон относятся к тем элементам, из соков разных растений, костных мозгов и желчи которых составлялась «вода бессмертия» — «өлбөт мэнэ уута».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «БИИС УУҔА»

Понятие «биис ууһа» появляется с момента создания трех стран или трех миров, как понятие объединения родственных по происхождению и языку племен.

Понятие «биис ууһа» не только дает определение о происхождении племен, но оно совпадает с появлением патриархата. Из этого следует, что «биис ууһа» есть понятие нации, как высшей общественной формации.

«Биис ууһа» состоит из нескольких племен, родственных по языку и происхождению. Причем понятие племени связано с понятием о

роде, общине, выражением которых является власть главы рода, тойона.

От матриархата осталось одно понятие о «ийэ ууһа», т.е. о материнском роде. Причем при патриархате «ийэ ууһа» — материнский род объединял несколько «аҕа ууһа», т.е. отцовских родов. Из этого следует, что при матриархате «ийэ ууһа» была формацией выше рода, формацией племени по матери-предку, объединяющей постепенно из года в год родовые общины, причем каждая мать семьи-общины причислялась к составу первой общины-предка.

В матриархате мы имеем понятие «ийэ ууһа», понятие же «биис ууһа» не имеет места. Понятие «биис» — понятие племени, состоящей из нескольких общин по происхождению («уус»).

В основе понятия, как «ийэ ууһа», так и «аҕа ууһа» (материнский род, отцовский род) лежит однокровность происхождения, то есть, «хаан» — кровь, «хаан уруу» — родственность по крови.

Причем с появлением патриархата, с установлением понятия племени уже появляется более широкое понятие «удьуор» и «аймах», т.е. соородство по племени.

ОБЫЧАИ И НРАВЫ В ГЕРОИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Месть в героическую эпоху является установленным обычаем уранхай-якутов и родственных им народностей в лице «айыы аймаҕа». Месть за убийство, похищение женщин, а также за оскорбление является священным делом, одобряемым и поддерживаемым племенем.

Мститель предпочитает смерть позору отступления или принудительному миру с богатырем «абааһы аймаҕа».

Гостеприимство и радушие являются общим явлением; высокомерие, кичливость осуждаются.

Всякий свободный человек может свататься к дочери именитых людей, так как женитьба происходит в результате победы на состязаниях и в боях. В древнем браке имущественное положение жениха не имеет значения. Новая семья, новое хозяйство в большинстве случаев основывается на доле женщины, выделенной ей ее родными. В юрте родных остаются младшие сыновья, старшие всегда выделяются от родных. Причем, интересным является тот факт, что исключительной любовью родных пользуются сыновья-первенцы и дочери, а младшие сыновья остаются в пренебрежении («көйгө уол»). Это явление может быть объяснено тем, что сын-первенец первым начинает свою жизнь, свои подвиги, возвещая о своем происхождении, о родных, а также первым заводит свою юрту с хозяйством, первым дает потомство: дочери, выходя замуж, на другой территории становятся матерями нового поколения, обязанного своим появлением продолжать жизнь и род отца и матери.

Обычно из пренебрегаемых сыновей выходят самые сильные, ни перед чем не останавливающиеся богатыри. Они воспитываются в самых худших условиях: спят на мусоре за камельком, питаются объедками, плохо одеты, а иногда десятки лет не могут подняться на ноги. Только достигнув положенного срока, выходят для подвигов и борьбы.

Во всех периодах «олонхо» муж с женой живут в полном согласии и мире, причем женщина всегда первенствует в доме, мужчина всегда подчиняется авторитету женщины. Когда приходится дать имена детям, едущим на состязания, отец эту обязанность добровольно уступает жене, говоря: «Ты их носила в своей утробе и родила их в муках и крови, дай сама им имя!» Имя дается всегда перед подвигами или перед заселением из верхнего мира в средний. Причем имена титанов уже бывают известны до их рождения или назначают судьбу и имя верховные властители.

Муж с женой расходятся только в одном случае. При оценке жениха своей дочери, старик говорит: «Для нынешнего молодого поколения жених нашей дочери вполне представителен, но немного ниже ростом и немного тоньше, чем был я в его возрасте». Старуха говорит: «Жених нашей дочери гораздо представительнее тебя, когда ты был моим женихом и гораздо выше ростом. Жених — хорош!» Старик, выйдя из себя, хватается за тросточку, но дело всегда кончается миром. Старик и здесь подчиняется укору старухи, что не хорошо показывать себя с дурной стороны перед героем другой страны.

Осуждаемость высокомерия и чванства особенно ярко выделяется в «олонхо», когда невесте приходится выбирать себе жениха из равных по силе и могуществу героев; в этом случае она всегда выбирает не высокомерного и при том из ураанхай-якутов. «Где мне равняться, — говорит она, — с детьми верхнего мира, с высокими людьми, коим нет равных на трех мирах; они — высокомерны, пренебрежительны, и я не соответствую им».

Негостеприимного человека всегда упрекают: «Не ради угощения мы пожаловали сюда; мы зашли познакомиться с тобой, как с человеком, как с героем; оказывается, что твоя скупость, скардность тебя лишили человеческого достоинства».

Гостей всегда встречают с приветственным кумысом и только после этого начинается беседа.

Отец и мать отворачиваются от детей, подвергшихся проклятию и «кыраман», и если кто им и помогает, так это женщины — мать или сестра. Снятие проклятия и избавления от «кыраман» может быть искуплено страданием и подвигами.

P.A. OIUNSKY ABOUT YAKUT HEROIC EPIC

In 1927 Platon Alexeevich Oiunsky (Sleptsov) – the outstanding politician and social leader, writer, one of the great folklorists, olonkho performer – wrote an article “Yakut tales (olonkho), plot and content” in collected papers of “The future of Sakha People” research society. The article aroused great public interest. For the first time after I.A. Khudyakov, V. L. Seroshevsky and some others he took an attempt to study olonkho, its content and plot. The special thing about it is that it was written by a natural expert of olonkho, who had a perfect knowledge of everything concerning the epic heritage of the Yakut people. That is why the article is of great interest for the study of one of the unique genres of oral folk arts – olonkho. This genre reflects world view of ancient Yakut people, who had seen a good deal in their historical development, before they came to Yakutia, their present territory.

It is clear that in this respect P.A. Oiunsky turns his attention to the issue of olonkho origin and common issue of ethnogeny of the Yakut people. His opinion on this issue is about the statement that olonkho appeared when the Yakut ancestors met with forces during Tatar and Mongol invasion of China, i.e. during the wars of Genghis Khan in the territories of Mongol and Buryat. Nowadays science gives another explanation of the Yakut heroic epic origin time. The merit of P.A. Oiunsky is that he is the first who brought up this issue from scientific point of view. It is interesting that he considers olonkho as the most important historic source for the study of the Yakut people origin.

The article proves that P.A. Oiunsky knew a lot of olonkho. His description of plot and content is generalized view of the Yakut epic. His conclusions and observations are noted for high professionalism and are still of great scientific importance. He studied “from the inside” a wide range of issues, characterizing olonkho as the unique genre of oral folk arts: cosmogonic perceptions, ethnic and genealogical perceptions, family and marriage issues, feasts, hospitality, customs, morals and ethics, folk medicine, mortuary ceremonies, religious beliefs, material culture, traditional buildings, household stuff, work and hunt equipment, religious occupation, metrological and chronological concepts, etc. P.A. Oiunsky finds in olonkho the information that reflects the character of social structure of the ancient Yakuts, generic and personal relations, slavery, etc. The descriptions of

terms and concepts of olonkho are of imperishable significance.

The deep knowledge and understanding of the Yakut epic, its great historic and cultural value – that is what we find in the article of P.A. Oiunsky. His observations that olonkho reflects “world view of the ancient Yakuts” and sheds light on ancient life of the Yakuts, are forever inscribed in the history of the Yakut epic studies.

The editorial board of collected papers of “The future of Sakha People” research society noted that P.A. Oiunsky «did not fully comply with the requirements for scientific paper”. The board also pointed out that the article contained new and valuable information from scientific point of view, which certainly made substantial contribution to the study of the Yakut people. At the same time some of his private observations were formed at the level of the science of the early 20th century. That is why they are out of date and do not fit in modern scientific studies, although it does not make the article less valuable.

Of course, P.A. Oiunsky had other ideas and thoughts about the Yakut epic – olonkho, which we would discuss some other time. Here we turn our attention to the article that lays the foundation for scientific studies of the Yakut epic and proves his spacious mind. He had a strong belief in limitless spiritual potential of olonkho. We can see it in his genius work – olonkho “Nyrgun Botur the Swift”. He also defended olonkho from primitive critics of “would-be literary” speculators. Reflecting on immortality of the Yakut epic, P.A. Oiunsky said optimistically: “We will be able to give birth to genius in future, if we know literary masterpieces of such famous people as Homer, Firdausi, Rustaveli, who had wrote poems similar to our heroic epic”. Platon Alexeevich Oiunsky understood the universal nature and enduring artistic value of olonkho like nobody else.

*The Director of Olokhno Research Institute, Doctor of Historical Sciences,
Professor V.N. Ivanov*

I devote my modest work to the
young research society “Sakha keskile”
 (“Future of the Sakha”).
Moscow, March, 1927.

P. Oiunsky

ANCIENT YAKUT — “URAANKHAI SAKHA”

“Sakha” is a name of tribe; “Uraankhai” is used in all legends of heroic epos only as an appellative given to a warlike and brave tribe. It can be acknowledged by the fact that Yakut people do not consider themselves as descendants of the tribe “Uraankhai”, i.e. “Uraankhai biis uuha” or “Uraankhai uuha”. Only taken by someone else’s daring courage and bravery the Sakha would exclaim: “Oh, the children of the Uraankhai!”, “Oh, those crazy bravehearts!”

Yakuts left the territory occupied by them in the Olonkho times and having arrived in current Yakutia there were no ethnicities related to them by blood and language in a new territory they have started to call themselves “Sakha omuk”, i.e. “Yakut people”.

The territory occupied by Yakuts now should be considered not as the second Motherland but the third. The basis for such is statement is as follows: 1) Yakutsk consider themselves to be the descendants of the White Old Lord’s tribe that they descend from “Yuryun Aar toyon biihin uuhuttan”, i.e. “the tribe of White Old Lord”. In all “Olonkho” stories we see a newly established androcracy when there are matriarchy’s marks which get along with the androcracy. In all “Olonkho we come across the patriarchy that has just been established, when there are still traces of matriarchy and they coexist. It points to the conclusion that “Uraankhai Sakha” – ancient Yakuts were to have to go through the matriarchy with all blood related tribes; 2) ancient Yakuts consider that they have been settled on the territory of the middle country i.e. middle world at the creation of three counties, i.e. of three worlds. Herein we find the evidence of the patriarchy with remnants of the matriarchy. Heroic epos, the Olonkho epoch, begins with the patriarchy in the middle world and comes to an end by leaving of Yakuts from there.

ANCIENT YAKUTS’ IDEA OF THE WORLD

Ancient Yakut thinks of the universe consisting of the land – “sir”, the sun – “kyun”, the moon – “yi” and stars – “sulustar”. That is why he divides the world into two parts: the Earth – “sir” and the Sky – “khallaan”. Such kind of division of the world embraces a new form when oral folk arts occur: the Earth becomes the middle world, the Sky – the upper world and the third one is the lower world. Basement of the new view of the world is a legend about a war ended by creation of three worlds, i.e. division of the universe between three allied unions of tribes. That is why view of the world of Yakut

of the patriarchy epoch became the idea of three worlds by analogy with the view of Yakut of the matriarchy period.

Ancient Yakut – “Uraankhai Sakha” considers that the upper world consists of nine celestial spaces or nine heavenly countries. Lower worlds out of them lying on the south-east from the middle world are characterised by warm climate, bright and never-declining sun, and rich evergreen flora. Five heavenly countries located on the south-west and north-west from the middle world are distinguished by cold and muggy climate, cloudy sky and poor flora. The upper, ninth celestial country, as an end and pole of the world is notable for extremely rigorous climate without any flora, icy breath and misty sky. The sun and moon shine dimly and therefore they do not give a sharp photic contrast, they look like poor flecks. It is a country of darkness and shadow.

The lower world differs from the middle world by cold and wet climate. The sun and the moon here also do not give a full light and therefore the sky is like a half-cooked fish soup. Everlasting darkness and fog dominate here. Only on the border with the middle world the lower country looks like the middle world. The lower world is situated beneath. The south region contiguous with the middle world is described as a country of frogs, lizards and bugs.

The middle world is located between the upper and lower worlds. Its climate is moderate. There are enough lush floras. The sun is clear, it rises and declines. Winter is recognized by snow (more truly – by white frost). East country of the middle world lying near east countries of the upper world is distinguished by the warm climate, evergreen flora, bright and non-declining sun. Flora has not experienced frosts here. It was a place where the first Yakut – “Uraankhai Sakha” – has been settled.

LEGEND ABOUT CREATION OF THREE WORLDS OR FORMATION OF THREE COUNTRIES

According to Yakut fairy tales at the very beginning of the Olonkho epoch there were three great unions of tribes, i.e. “Yus uluu biis uuha”. The first union was called “The union of the Old White Lord wearing a cap with upper part made of three sables’ skins” (“Yus kiis tiriite ollyurgeleeh bergeheleeh Yuryung Aar toyon biihin uuha”). The second union was named “The union of the Praised Great Lord choking with passion” (“Uordayan uhuutuur Uluutuyar Uluu toyon buhin uuha”). The third union of tribes was called “The union of tribes conceived en ventre de sa mere sheeted in the fur coat of Arsan the Daredevil” (“Arbangnahyn byuryummyutyunen yeskebit Aljarkhaydaah Arsan Duolai biihin uuha”). Sometimes Arsan is named as Arsan the Strong or Lord Luo the Bloody.

The three great unions of tribes came into conflict under desire to possess the best countries. Up to here the unions have lived mixed not occupying definite territories. According to “Olonkho” the war was terrible and staunch. For the first time the war began in the upper world. All three worlds were war-torn as a result of the war in the upper world. The war led to changes in the ninth celestial country: burning with a blue fire, groaning with icy snowstorms the country tipped over and combined into the South Pole country, the country

of fears and disasters, darkness and evil. In such a way a world of lasting conflicts, “fidgety as a wihl and giving a sidelong glance at the middle world as a one eyed robber” was born.

The lower world shaking as birchbark dishes with the water and burning with the fire like flaming sulphur overturned with moan and formed the North Pole country, the country of inescapable passions and charms, the country of disasters and evil. In such a way the hell – the country of gaping chasmes, i.e. “jyelyeryu yutugen” – came into existence.

All three worlds enveloped by the darkness, lighted by glows of a fire groaned bleeding as breathers. The end of the world was very close.

All three parties being unstoppable in their struggle threatened the universe life. That is why when scorching enemies dived in the sea and then came up from the bottom of the sea they had decided to put an end to the war. They negotiated a peace treaty related to the justice of Heaven and divided the Universe into three worlds.

All countless tribes of the “Old White Lord” settled in three lower countries of the upper world. All 39 tribes of the “Praised Great Lord” populated 6 south-west, and north-west countries of the upper world. All 36 tribes of the “Lord the Daredevil settled in the lower world where the hell became their impregnable stronghold. From the division of the world into three countries the heroic epoch “Olonkho” – epoch of the ancient Yakut “Uraankai Salha” – begins. Only from begins.

OCCUPATION OF THE MIDDLE WORLD

When the parties concluded a peace treaty, they had chosen observers from all three worlds in order to meet the conditions. The first observers mentioned were Chingiz-khan (Chyngys khan), Odunkhan (Odun khan) and Lord Jylga (Jylga toyon). Actually, their functions merged, all three persons are almost the only character. It can be explained by the fact that all of them were khans followed one by one and Jylga was the last one. In Olonkho Jylga is met more often, he is a symbol of executive power. Ancient Yakut considered the observers as descents of the tribes of White Old Lord. “Uot Jurantaaiy” or “Fire of Jurantaaiy” was elected as a scribe. Most probably he was from the tribes of “Praised Great Lord” because the names began from the word “uot” – “fire” were the names of evil’s representatives. It should be marked as the first literate person was a son of the evil from the upper world (probably, from the lower world). It indicates higher culture of ancient Uraankhai Sakha among the other tribes.

All three nations came to consensus to populate the middle world by thirty five tribes “otut bias biis uuha”. Among them there was ancient Yakut (probably, one tribe) presented as a younger son of “White Old Lord”. His name was “Tyuene Monol toyon”, his wife’s name – “Kus Khanyl khotun”.

The rest tribes were to have been related to the other nations of the upper and lower worlds. The tribes more cultured and sedentary than ancient Yakuts were exactly those who occurred in the middle world in the forms of “Ichchi”, i.e. spirits-patrons of different economy sectors and crafts. Patron of

the fire – “Uot ichchite” – is an elder son of “Praised Great Lord” from the upper world. The first smith evolved from the tribes of Arsan the Daredevil, Lord the Strong, Luo the Bloody from the lower world.

The upper world’s economy is based only on horse cattle, the lower world’s – only on horned cattle and the middle world’s – both on horse and horned cattle. That is why inhabitants of the middle world sacrifice only horse cattle to evil spirits of the upper world. In the first place, they sacrifice a stud of the color – with white hair above hoofs “as a birch stake”, with red lip “as holding raw lungs between its teeth”, with white stripe on its muzzle and back, white stripes on each side.

To evil spirits of the lower world the middle world sacrifices only horned cattle. First of all people immolate bulls with jet-multicolored (“kyueh kyurjyuges”) or yellow-multicolored (“kugas taraakh”) coat color.

Horse cattle of the middle world is under aegis of “Uot Jyohogyoi” from the upper world and horned cattle is under the auspices of “Aiyhyt khan khotun” from the lower world.

Opinion of contemporary story tellers (“olonkhohuttar”) is mistakable when they refer both of patrons to the tribes of “White Old Lord”. In this way Androsova-Ionova is wrong when she refers all spirits to “White Old Lord”. This point of view does not coincide with information of shamanism. Surely the patron of horned cattle should be referred to the tribes of “White Old Lord” because horned cattle descends from the lower world, i.e. it is a household of the tribes settled in the lower world. “Olonkho” glorifies husbandry of the middle world as more vigorous and blooming than households of the upper and lower worlds, husbandries of which are represented only by one kind of cattle each.

PERIOD OF THE BIRTH OF “OLONKHO”

“Olonkho” in the forms of stories about wars should be referred to the times of Tatar and Mongol incursion into China. Among the wars was the war lead to creation of three national entities (in the fairy tale – three countries). Election of Chingiz-khan as a Lord of the three worlds coincides with his triumphal invasions of China, Central Asia and Russia.

Ancient Yakuts moved from Central Asia witnessed the wars on the territory of ancient Chinese empire. The reason why Yakuts left their territory is unknown. According to “Olonkho” the middle world was populated as result of the war, i.e. it was forced colonization. Probably the tribes of Central Asia lived on the border with Chinese empire took part in war campaigns of Tatars and Mongols. By the way, “Olonkho” does not underline neither Tatars nor the other tribes and refers all of them to the tribes of “White Old Lord”.

When Tatars went away, ancient Yakuts were not able to hold their territory (according to fairy tales – in the middle world). They had to leave out of there with huge losses. It will be told later on.

“Olonkho” describes the Iron Age on a new territory of ancient Yakuts where people use iron weapons of warfare as well as silver. Weapons of warfare made of bones rarely presented in “Olonkho” should be referred to the Ancient period.

Young warriors, epical heros of the tribe “Uraankahi Sakha” travel to smiths in the north border of the middle world in order to take armour and armaments. Smiths splitted from the tribe of “Lord the Daredevil, Strong” moved there in the period of peace treaty conclusion.

FAMILY AND MARRIAGE

The “Olonkho” epoch is the age of the patriarchy with traces of the matriarchy. A family is based on monogamy, however with marks of polygamy and bigamy. A woman of the “Olonkho” epoch enjoys authority in the family and is held in high respect. In family and household business, opinion of the woman (master’s wife) is determinant. Farm in “Olonkho” period is individual and based on the woman’s share dedicated by her relatives. A man is a head of the family, he has weapons of warfare, a horse and a yurt with all needed additional buildings. Only younger sons (or the only sons) build their husbandry based on two sources: wife’s share and relatives’ property.

Marriage is contracted out of the family and blood. A male of the age of consent travels distant places to look for a wife and the marriage is contracted when eligible bachelor is a winner of battles and fights with his rivals. The marriage with a chosen girl is a crown of his heroic deeds. Derived by these means and moreover bringing horse and horned cattle with her the wife becomes an authoritative housewife. The husband submits to her. All family members reckon her. There is no any mention of bride price (“khalyym”) in the fairy tales. Therefore, it can be resumed that “khalyym” is a phenomenon of later ages. The rare traces of bigamy denote the starting stage of the patriarchy and individual family: for example, the epical hero named “Myuljyu Byegye” and the father of two outstanding heros “Bahymnyy Baatyr” and “Aelick Bootur” had two wifes “Ulakhan Aiyy kyyha” and “Kyra Aiyy kyyha”.

At the times of the starting tage of the patriarchy also there are fresh marks of a group marriage. For example, two blood brothers “Ieyehsit siene Ile Khara” and “Aiyyhyt siene Ala Khara” marry two blood sisters of the epic hero “Altan Chahchakhai” rescued by them. In the sequel the individual marriage reforms specifically the traces of the group marriage. Thus, the greatest epic hero “Nyurgun Bootur” marries the strong woman “Kyys Nyurgun”, sister of the other epic hero “Aiyy Juragastai” rescued by him. In his turn “Aiyy Juragastai” marries the sister of “Nyurgun Bootur”. These marriages are individual but they has clear traces of the group marriage. On a par with women’s kidnapping of men is very rare but still there are similar occasions. For instance, two sisters “udaganki” (fetisheeresses) – “Uolumar” and “Aigyr” – kidnap two married men using their magic and then marry them. In this case the matriarchy’s traces are evident.

CHASTITY AND VIRGINITY IN THE “OLONKHO” EPOCH

In all three worlds a pregnant woman is considered as dirty. In case if the woman kidnapped from a marital bed of her spouse is pregnant she is untouchable. It takes the woman only to say the words “Do not touch my body because I am pregnant” for her kidnapper to be stopped. He has to wait for her accouchement. Heretofore he is not able to bed the woman otherwise he disgrace himself. The idea of dirtiness of pregnant woman’s body probably comes from the ancient times when the woman in pregnancy is considered as sacred and untouchable.

According to “Olonkho” a woman is not allowed to have sexual intercourse with a man even if he is her groom. Parents can execrate daughter violated the custom and expel her from the house which she has indelibly disgraced. Men do not respect the defiled woman. She can marry only the man bedded her. Clames of the man bedded her are more legitimate and well-founded than clames of the man lived with the woman by the means of kidnapping (even if they have lived together for several years). Murder of the kidnapper as a blood feud for the wife’s kidnapping is quite legal and that is why it is a non-punishable action.

REFLECTION OF THE MATRIARCHY’S TRACES

In heroic epoch “Olonkho” except mentioned earlier traces of the matriarchy, the traces occur as a cult that was in hands of a woman in all three worlds. In the epoch there is no one man – outstanding magician. In all three great unions divided the universe we meet female magicians – “udaganki”.

In the tribes of “White Old Lord” “udaganki” make up a special caste “aiyy namyhyn udagattar”. Well-known sorceress “Aiyy Umsuur udagan” is at the head of the caste. Among the tribes of “Praised Great Lord” we meet female magician “Uot-Kutaalai”, before her there was “Ytyk Ieregei udagan” which later on became the goddess. And finally the tribes of “Old Lord the Daredevil” has “udaganka” “Ytyk Khakhaidaan” came after “Dalan saigyyr, Uot Kyukyryuideen” which later on became the goddess too.

The gods – spirits of four great roads binding all three worlds are women as well: 1) “Ieyehsit”, 2) “Tutum tellekh Tyupte Buurai”, “Atara kuturuk Alyp Segeyeen” and 4) “Khara kyulyuk, khan yehyekh Uot Kholuonnai”. The same with the gods of war – they are represented by female: “Ilbis kyyha (Kyrgys kyyha) Ebir kuturuk Kuo-Kholbonnyoi, Ytyk Kyimylyyn, Tiil Tilinnyeh, Labaa Tohtulgan, Torgo Tyuurei”.

Traces of the matriarchy are detected when “Olonkho” tells about the lower worlds’ tribes it first of all marks that tribes had a Mother – “Adagalaah Ala Buurai emeehsin”, then tells about the lord of the lower world – her husband. The same with the upper world (abaahy aimaga). Firstly “Olonkho” tells about the Mother named “Uoraan-Aaraan Khotun Kuoihtaia”, then the story shows the lord of six celestial countries of the upper world – her spouse.

In the middle world patroness of ancient Yakuts, the god of maternity is a mistress “Ieyehsit”. It undoubtedly indicates marks of the matriarchy, all the more in fact “Ieyehsit” is not a protectress of maternity, the patroness of the

motherhood is “Aiyhyt Khaan Khotun”. The notion “Ieyhsit” is probably related to the idea of mother-ancestor.

In the “Olonkho” epoch the well-established patriarchy appears only in two spheres – horse breeding and blacksmithing. It is quite explainable by life needs of that times: only a man was able to keep a firm hand on horse cattle as the only means of travelling necessary for war campaigns, for attacks and retreats as well as blacksmithing needed for making weapons of war and armours. That is why gods of horse breeding and blacksmithing are men “Kytai Bakhsylaany” and “Uot Jyehygyei”. But it necessary to keep in mind that there were two “Jyehygyei”s: male and female. It is enough to acknowledge that the patriarchy seized all power in this sphere and female “Jyehygyei” was replaced by her husband “Jyehygyei”. Hunting is a foundation where the man for the first time ever consolidated his power. The woman bound by hearth, children and household did not take part in hunting. That is why patron of hunting and animals is a man “Baai Baianai”. By the way, there are no indications that before him the woman dominated in this sphere.

REFLECTION OF SLAVERY IN «OLONKHO»

When eminent rich men, the former athletes, the names of which rang out in the three worlds, marry their daughters, with horse and horned cattle they allocate a share of bondmen and bondwomen (“aennye kulut uol, kulut kyys”). Humiliating position of the slave distinctly appears from the description of departure of the woman with her husband to his homeland. Before sitting on the horseback, the woman climbs on a back of the slave to saddle level then she is sited on the saddle. In this case the slave is called “yuktel kulut”; the slave is given to the woman as a stage under her feet for eternal use. “Aennye kulut” means the eternal slavery, a share of the woman from her relatives’ slaves.

The parents being in standoff – for example when their daughter it is doomed to a marriage with the son of the malicious beginnings, i.e. with the athlete from tribes “Praised Great Lord” or “Lord the Daredevil, Strong”, and also in a case when their sons are in captivity or when they are threatened by danger of death, – address to all well-known athletes of all tribes related to them. In case of an irresponsiveness of the athlete upon which their hopes were rested, the parents resort to the rough cunning. They send him a messenger with the insulting requirement immediately to come to them as there is no more suitable and worthy slave who is able to serve as the her stage under feet, and also for an unbinding of her bottom clothes when she will divide a marriage bed with her husband. The athlete should respond on a similar insult and goes to revenge in order to redeem the shame with blood of insulters and to disperse their ashes downwind.

There are cases when the defeated heroes become the slaves. But, in general, the well-known athletes of three worlds prefer death to slavery. Enslaved athletes never reconcile with the new situation and try to help the winner to die or render him paying-back services. The first is done by athletes from “aiyy aimaga”, i.e. from the tribes of “White Old Lord” or from “Uraankhai Sakha”,

the second is done by athletes from “abaahy aimaga”, i.e. from the tribes of “Praised Great Lord” or “Lord the Daredevil, Strong”. The athlete who has got to slavery from “abaahy aimaga», always strives to redeem the freedom by merits, helps out the winner from difficult and dangerous situation, or first accepts fight to weaken the enemy of his winner. Having rendered such services, he considers himself as a free and equal in rights member of society. Thus, if there is a lot of rendered services, the athlete who has returned to freedom, in many cases takes away a sister from his master or receives from him the wife from women of “aiyy aimaga”. Participating in life of “aiyy aimaga”, they thereby are kind of adopted. In case they take to or take away the wife of sisters of the former masters, the public opinion is easy with it and in this case there is no place for revenge. Their marriage is compensation for their merits. Athletes from “abaahy aimaga”, participating in life of “aiyy aimaga”, become stronger, more dangerous and even invincible. This circumstance, obviously, is of great importance too.

REVENGE

The main reasons of revenge are: 1) kidnapping of the sister or wife; 2) a shame as result of brothers' defeat and capture of their wives; 3) death and capture of athletes, their sisters and wives from the tribe “Uraankhai Sakha”. The revenging party can count on the help not only of the brothers or in general of the native tribe, but also of all related tribes, i.e. all “aiyy khan aimaga”, “kyun yerkyen uluustara». Thus, the personal revenge is closely related through the individual to his family, tribe, and people, and can easily pass to patrimonial revenge.

According to “Olonkho” the revenge act is cruel and ruthless sometimes. The revenging person knows the first precept of the revenge “site battaan sihin yehyun byha battyam”, i.e. “I will catch up and break off your artery at a spinal column”. Nobody and nothing can prevent the revenge, no argument can keep the avenger from implementation of the act of the revenge, even an obvious superiority of the enemy. The revenging party remembers also the second precept of revenge: «Biiir symyyt khanna tyuhen sytyibatai? Biiir uol ogo khanna tyeryen yolbyotoi? Kennibinen kekhtiem kerietin yolyolem!”, i.e. “one egg having fallen, where didn't decay? One child having been born where didn't die? I will better die, I will not retreat!”

Therefore, a person who is a target of revenge knows in advance his fate, and that is why he does not have any pity to the avenger even he intended to marry the woman kidnapped by him and to terminate the conflict peacefully.

At first, the revenging party usually suggests to the enemy to return the kidnapped sister or wife or release the captured of his own free will. Moreover, if the avenger acts in protection of someone from a related tribe, he declares that he has arrived to protect weak and right, that the kidnapper or the insulter broke articles of the peace treaty provisions concluded between three worlds after the great heavenly war. The enemy having no wish to prove his coward, lists all his feats and suggests the avenger to return to his homeland if he values his relatives, as well as the light of the sun and the moon of the middle world. Then fight starts.

Before the fight the hero from the family “aiyy aimaga” swears that in case of a victory he doesn’t leave any living being in the country of the enemy, and he will dispel downwind ashes of the home burned by him (“syuedenniirderi syuteriegim, kyulleri kyuetyutyuegyum”). However, the other party swears too and vows to enjoy his enemy’s hot blood in case of a victory and that no drop of the blood won’t fall to the earth for nothing (“tyynnaakhtyy itii khaannyn ihe oonnyugum, tammakh da khaany tammalatyam suoga”).

The hero from “aiyy aimaga” having made the revenge act, sacrifices to spirits of great ways and war deities the tongue, throat, heart, lungs, liver, kidneys and genitals of the killed enemy, without breaking off communications between them and holding them on a spear edge. The triumphing winner asks spirits to weaken difficulties on his way, give him a power and present to his weapon good luck future fight.

The hero from “abaahy aimaga”, having won the enemy, gnaws him, revels in his blood, and brings only his skull and the lower part of a body as a gift to the mother or the sister. Women from “abaahy aimaga” prefer the lower part of a body: it excites them and makes them feel delight; women make ornaments from the enemy’ bones. The winner impales a skull of the enemy on the brink of the road in memory of his feats to future generations. The hero from “aiyy aimaga” burns a body of the enemy and his destroyed house, and blows the ashes downwind; sometimes he throws the remains of bones into water and washes away them into a powder.

Sacrifice of the enemy’s heart means that the enemy is won for the last time, wiped out from the face of the earth. Sacrifice of the enemy’s tongue means that the lying tongue won’t resist against the truth, the guilty won’t justify by his garrulity and slander coming from the lying tongue. Sacrifice of the genitals means a penalty for fornication; also, it means destruction in a root of any possibility of extension of a kin and family of the enemy. Body burning eradicates distribution of any diseases and passions with which the killed was ridden by. The killed person died with black plans, damnation, evil wishes that as passions remained in his blood and body. All these bad thoughts and intentions are in need of destruction.

KINDS OF COMPETITIONS

Competitions of warriors, heroes take place during big “ysyakh”s of eminent rich men (“toyonor”), the former warriors the names of which resound throughout the three worlds.

Competitions on such “ysyakh”s do not have only pleasure character, but also they are preparation for fight. A subject of competition is the woman. The winner marries the daughter of the organizer of the “ysyakh”; his feats are celebrated in songs; his name “resound throughout the three worlds as a thunder, on all ways of the world”, his glory “neighs, as a stallion calling the rivals for struggle”.

The winner is met in front of a yurta of the organizer of “ysyakh” by twelve white, slender and beautiful girls as female cranes, and also twelve strong and healthy, young well-built men, as cranes with salutatory koumiss in choron. The girls and young men cover a way of the winner “debdirge”, lead

him by hands, open the doors for him and take him to honorable “olbokh”.

Kinds of competitions are not numerous.

1) “Kylyisy” — jumps on one leg not less than through 12 labels. Labels are called “tuos”, i.e. as a birch bark. Probably, the labels were put from birch barks as more visible and soft.

In exceptional cases these jumps are made by the columns placed in the lake.

2) “Tustuu” is a wrestling. The warriors entering the field remove all their armor, chain armors, weapon and clothes. Their bodies are rubbed with oil. Then they put on special “syaljyia” — kind of trunks made of shammy leather and tightened with belts. And, these belts are made from a horsehair by the means of plaiting. The thickness of such belts equals to thickness of three or six and nine usual. Defeated party is the one who will touch the ground by a finger even having stumbled.

3) “Syal ytyy” — archery. Usually “ogus berbeekeie” serves as a target. In “Olonkho” in all cases this “berbeekeie” hangs in east sky, on a magic rope — «ap charai byaga», and moves from the south to the north and back. The height equals maximum reach of human sight. It is necessary to hit and break the “berbeekeie” into four parts. The winner hits to the destiny: he marries.

4) The last kind of competitions is horse races on the roads of the three worlds. Horses of warriors understand all value of these competitions and that the destiny, happiness and glory of their owners are depend on their run. They use different stratagems: the front does not give a way to the last, hitting it with hoofs. If the front does not sidestep, the last gnaws sides of the front or lets out a flame from nostrils on his tail and sides. Sometimes warriors address to spirits with a request for a reinforcement of their power.

PLACE AND WAYS OF STRUGGLE OF WARRIORS FROM THE MIDDLE AND LOWER WORLDS

If the warrior loses the competitions and nevertheless feels equal with the opponent, he usually enters with the rival in a new, but already deadly struggle. If he feels weak but hopes for the help of relatives, he uses a kidnapping. In the first case of competitions turn into the highest phase of its development and the dispute is resolved with rise in arms. In the second case, war escalates as revenge for kidnapping of the bride or the wife.

In the first case fight can come to an end by escape of the weak if there is a possibility to that, in the second case the conflict is resolved by death of one of competitors.

One of the fighting warriors is a representative of the middle world; another is a representative of the lower world. Fight occurs either in the middle world, or in the lower world. In the first case the warriors are specified by a fight place, usually on stone plateaus or at top of the stone mountain: the earth doesn't maintain them; her fine, blossoming face collapses.

At equality of strengths of both opponents when they don't disperse by their free will and as a result make incalculable disasters to all three worlds, they violently are send to back top of the Respectable Mountain where “the

madam — the moon having been born, lying basked” or to the Silver Mountain, “where mister — the sun, having been born somersaulted”. These mountains are outside of the borders of three worlds, in the east, in front of the middle, between the lower and upper worlds. Fight of titans makes itself felt and from there. The sun and the moon of three worlds turn back, turn pale, there comes a darkness which is lit up only by a glow from sparks coming from blows of heroes. Horse and horned cattle have premature births; the same happens with women from “aiyy aimaga”.

However, the fight on this place isn't resolving as well. Struggling parties are separated by a magic lasso and thrown to the lower world, on its north-west region into the country of death and disasters. In this country there is the bloody, fiery and rough sea (“Khaannaakh Uot Kudulu bakh”) in the middle of which there is the magic, peaked and turning barrow of death “yuelyuu myenyuuk bulgunnyaga” created by the “udaganka”-magician “Uot kyukyuryuideen emeekhsin”.

Under a magic barrow, a deity of the bloody, fiery and rough sea, the “udaganka”-magician, (“Dalan saigyyr uluu munkuruidaan, Uot Kyukyuryuideen emeekhsin”) waits for them with the opened mouth. Her greedy and being out for blood pharynx pulls them to clicking copper and rusty teeth; her double-pointed tongue as a snake's, flaring fire, comes out from the sea and reaches the warriors. This terrible place where their destiny is decided because one of them will be absorbed forever by this opened mouth of the sea. The son of the lower world addresses for the help to an udaganka «Uot Hakhaydaan», and the son of the middle world calls for an udaganka «Aiyu Umsuur».

The son of the lower world begins the struggle, and the son of the middle world finishes. When the warrior from the middle world falls down «Aiyu Umsuur» puts under him her magic tambourine and rescues the hero. Rescued warrior continues fight and throws the enemy into the sea. Udaganka «Uot Hakhaydaan» wishing to show that she also can rescue her warrior, puts under him her magic tambourine too. Alas! She didn't expect insidiousness of the competitor, her tambourine breaks and the son of the lower world is swallowed by the deity of his world. Just a moment and everything is over.

PLACE AND WAYS OF STRUGGLE OF WARRIORS OF THE MIDDLE AND UPPER WORLDS

Warriors from the upper and lower worlds (the last one is always from “Abaahy biihin uuhuttan”), usually enter a fight on the territory of the middle world, and a fight place for them is the stone plateau located under the southern sky. This is the most famous field of carnage washed by blood, covered with bones where all around there are stakes with the impaled skulls on them.

Over the field nine terrible vortexes whirl in blizzards and storms. The spirits and passions of war run around the field moving up their “khamyiakh” to catch at least a blood drop. The field is called “Ohollookh Onolutta хотун” or «Ohol-tyueryue olokhsuibut Oloduya khotun”, i.e. “Madam Onolutta with accidental misfortunes” or “Madam Oloduya where casual misfortunes from

an edge and dispute get used”. And “Onolutta” can mean “pining”, or “aching”.

In case of equality of the fighting parties when their fight causes to the middle world the incalculable disasters, all spirits and deities of the middle world address a request to “White Old Lord” about removal of the fighting parties to another place. The battling parties are caught by a magic lasso and, in case if they deny to resolve the dispute by peaceful means, they are sent on the same mountains of the sun and the moon. And warriors from the upper and lower worlds from “abaahy aimaga” always resort to deception, depicting the situation so that they defend themselves from offenses and injustice of swanks-sons of the middle world. On a new place of fight when the warrior from “abaahy aimaga” feels a superiority of the enemy he resorts to a peaceful means of settlement of the dispute. He offers to halve a subject of the dispute, i.e. the woman, and he offers the top part as the best one to his rival, and leaves to himself the lower part of her body — a subject of his lust. In view of that it is inconvenient for both warriors to have wives in halves, he suggests to halve also one woman of his world and to put her body’s parts to parts of the doubled woman of the middle world. In his opinion this way reaches, firstly, the world between the fighting parties, secondly, indirect and incomplete, but after all consanguinity of children of two worlds.

The warrior from the middle world feeling the superiority disagrees with the proposal of the opponent and demands immediately to return a part of the bull’s pastern granting to the thief an occasion and the right to apply for the woman. The warrior from “abaahy aimaga” having cursed and offended his enemy even more strongly, escapes trying to disappear in the upper world. He hopes that difficulties of a way, leading here, and being insuperable, will detain the rival. However, the warrior from the middle world doubly excited pursues him.

Fight of both rivals in the upper world brings to all three worlds intolerable sufferings. All flora withers and perishes, and all live beings cannot term their fetuses. The worlds shiver lighting up in a gloom by a glow of the sparks which are strewn from blows of the battling parties. The master of six heavenly countries himself the “Praised Great Lord” abhors this fight. His stone cane, «spinning under a throat», jumps out from the orbit, as well as the other cane, “spinning on a throat”, jumps out from its place. The master is close to death; he chokes with asthma and stop of blood circulation. Therefore, he makes the order to remove the fighting parties from his country or resolve their dispute by competition. For this purpose, warriors should remain sitting on the magic rope stretched over the sea. News about it is reported to Chingiz-Khan or Lord Jylga.

Then the Lord Jylga’s order calls three titans of the world from the western sky, “warriors for big disasters and death” (“yus nyuher yuelyuu bukhatyyrdara”) put on the guard round the titan of three worlds chained forever. The titans suggest the battling parties to resolve the dispute by peaceful means and swear that they will not fight any more. In case of disagreement of the battling rivals to put an end to the dispute peacefully, “khallaan khalbas kharata” appears in the sky. It appears in the form of a flaring rope, or a stick, or in the form of a saddle on a back of a black horse, or, at last, in the form of a back of a horse. In most cases “khalbas khara” shows up in the form of a

flaring magic rope and stands over “Ensieli kulakhai baihal”, i.e. over the sea of “leapt passion”.

The long tongue of the madam “Ytyk ytyueregei” leans out from the sea, her jaws break off the sea as an abyss, her mouth flaring from the thirst mews and growls.

The magic rope burns, strikes pernicious blows, moves down and up, here and there, so promptly that around there is a noisy groan, everything whistles, everything blurs in a stripe. The magic rope throws down into the sea the one who does not stand a test and breaks him by the blow into two or even four parts. Then the unsuccessful warrior is absorbed irrevocably by a flaring mouth of a deity of the sea.

The warrior who has come out the winner from this fight in the lower and upper worlds is acknowledged the great in all three worlds. And if he reaches his last limit, he is *сцтышвукув* the equal titan of the world, the greatest warrior in all three worlds.

TITAN AND HIS DESTINY

The first titan is the son of the master of three heavenly countries “White Old Lord”. The destiny of this titan is very sad. During conclusion of the peace between three great associations of tribes in the time of the division of the world into three countries, it was decided to chain for ever the younger son of “White Old Lord” Master-slave (“Toyon kulut”) to a magic column in the western sky and to put the guards of three titans from three worlds in order to prevent attempts of his release, possible from any madman. All fault of the baby titan was that he was born before his term (on the eighth month) and that “Tankha bihik tyuerdyue” foretold that the newborn would possess extreme force and that he was to destroy bases of all three worlds, and also it was specified that when the time of his power came, despite of everything the magic fetters would come fall down themselves.

The second titan mentioned in ancient “Olonkho” is “Myuljyu Byuegyue” who had two wives. Having been born in the upper world and possessing great power he couldn’t be withheld there and, having got to the middle world, destroyed all horse and horned cattle of one eminent rich man. Caught then by a magic lasso, he stood before the court of “White Old Lord”, “which forced udaganki” to take away from him both legs in punishment. Then he was damned by his relatives and exiled for a residence to the middle world.

The great warriors causing disasters to all three worlds by means of the magic lasso plunge into the underworld – the fiery sea – for eternal torments. It also happens they are put into chains for ever in a place of their origin.

PRINCIPLES AND MORALS OF FIGHT

The destiny of titans could not but leave the trace in life of the succeeding generations and become morals for them. The arrogance reaching neglect of the highest powers, and too negligence to individuals were considered during the “Olonkho” era as reprehensible, a subject of condemnation and punishment. The well-known warriors having been taken prisoner considered their defeat as

the punishment sent by the highest powers for their too haughty behavior to their people in order to teach them. The persons that have come to the rescue them, they ask first “Have you come to rescue us because of glory and vanity? If you do it because of vanity and pride, watch out! You will undergo our fate: we are punished for our vanity and arrogance”.

Later on, it became morals: “Beast is strong but the thin string holds it. Do not be proud your power!”

The principle of fight is very simple and obligatory for all. To kill the enemy — it is good, it is a feat and glory but you should kill him with honor during a fight, in a state of cheerfulness. To kill the sleeping enemy it is considered as a shame and cowardice. During a struggle or fight all cunning and even dishonest receptions are admissible. Thus, a notice of the enemy before attack became an obligatory rule for all: “Watch out! I bore the arms against you. You will not tell that I killed you without the warning” (“Seren! Sep barda, sereppekke yuelyerde dieyegiy”).

ROLE OF WOMEN IN THE FIGHT OUTCOME

Women from “aiyy aimaga” or from “uraankhai Sakha” with the exception of udaganki at the beginning of a fight are its reason. They are passive and follow a winner as a wife or kidnapped woman. Women from “aiyy aimaga” at the end of the fight become active and turn the scale. In this case participation of women is expressed in their advice about sending a messenger with the invitation of the well-known warriors to help and in giving guidance to their saviors how more effectively to strike the enemy. Also they specify raw spots on the thieves’ bodies. Weak spots of warriors from “abaahy aimaga” mainly occur under a bosom on the left side, not healing wounds, i.e. “siikei et berge baas”. Women in most cases resort to a cunning — they pretend to be very loving, waiting and grieving for the warriors from “abaahy biihin uuhuttan”. They say to warriors from “abaahy aimaga”: “When will you win the enemy, that without fears to be given to a sweet family life? When will a day of our happiness come? When will our life receive the blessing of posterity?” Having pretended to be mad grieving from loneliness, they call the kidnapers to divide with them a bed and for this purpose disarm them, forcing to remove a fighting armor. Having given in to these cunning, unarmed warriors-kidnapers have to accept battle with suddenly appeared rival and perish under his blows.

Women from “abaahy biihin uuhuttan” have completely different temperament and activity. They are always active and participate in fight from the very beginning to the end. They are absolutely independent and resolute. They are people of action with strong, expressive temperament and free relations with men. However, though these women too easily enter the sexual intercourses with men, sometimes on the verge of dissoluteness, they are differentiated by positive character: nobleness and full trustfulness. If they fell in love with the man from “aiyy aimaga” they resolutely come down on his side and assume the first blow. For the sake of their love they assist even to death of their brothers and relatives. They become the last victims of crafty “aiyy aimaga”. “Olonkho” draws these women in the most disgusting appearances and ornaments

but brightly marks out their activity and character. “Olonkho” condemns them not so much for their behavior in general as for their treason to their tribe and relatives.

There are also other examples more brightly drawing their positive feelings — motherhood. One old woman, “Segeerime”, brought up the kidnapped boy from “aiyy aimaga”. When she won warriors of “aiyy aimaga” trying to take away the boy and wanted to kill them, she having seen their faces and having heard their breath, exclaimed: “They are similar to my boy; they breathe as he does... no... I will not kill them” and released them.

INFLUENCE OF THE MARRIAGE ON WARRIORS

A marriage of the warrior puts an end to his feats. According to “Olonkho” a married warrior becomes sluggish and soft. The married warrior has not a power in his body and unbridled passions pushing him to struggles and feats. He has already spent all his sap of virgin youth for love and posterity. A man divided a bed with a woman is not the warrior. His happiness is in a home and a family, in his wife and children. He lives in the past.

This kind of attitude to marriage and family life could not but emerge a principle for warriors. “While you want the glory and feats, while you are out for blood and fight, do not marry and do not sleep with a woman”. Therefore all great warriors marry only when they visit all three worlds and experience glory in fight against all outstanding warriors of three worlds. If at least one from their most prominent contemporaries remained out of their feats, they should wait for a meeting with him. By-turn that warrior is pulled by glory and thirst of a victory over them. Therefore, even having married, they do not enter the intercourse with the woman until they struggle with this last warrior. That is why they sleep, having turned a back to the wife in order not to give in to temptations of love. It helps them to keep the youth and its virgin sap full of passions for the last fight, for the last feat. Such is influence of the marriage on warriors and such is the attitude of warriors to the marriage.

WAYS OF THREE WORLDS AND PURIFICATION PROCESS

In all “Olonkho” stories we meet only four great roads with the same names. All of them go from the middle world, and two from them lead to the upper world and the other two — to the lower world.

The travelers going by these roads from the middle world to the upper or lower one know that different charms and cunningings of their enemies wait for them on the way. Daughters of “abaahy aimaga” having taken on a beautiful appearance of daughters of the middle world or even “aiyy aimaga” meet them here with the welcoming kumys, lulling and weakening, and attract by love.

As a result, the defrauded traveler who has got under the power of love charms is overthrown into an abyss.

A road under the western sky from the south side of the “Ice sea” with a

cuckoo on a landmark — “Madam road, bloody Kyakhtiya” (“argaa khallaan annynan, muus kudulu baigal soguru yuetyuttnen, kege kyyll debdirgeleekh Keekhtiye khan khotun aartyk”) goes to the upper world, to the country of “Praised Great Lord” (“Uluutuyar Uлуу Toyon doidutugar”).

A road going under the eastern sky “over the warm seas, the white and dairy road of madam “Ieyekhsit” decorated with a horsehair” (“Ilin khallaan annynan, itiya baigallar anaara yuetyulerinen Ieyekhsit iye khotun ile beietinen kiirer sielleekh siegi magan aartyk”) leads to the upper world, to the country of “White OLD Lord”, i.e. ‘Yuryun Aar Toyon kyrjagas doidutugar”.

A road with a seagull on a landmark, “withering madam Kuktuy” (“Aljyarkhaidaakh Arsan Duolay doidutugar kiillerer khopto kyyll debdirgeleekh Kuraanakh Kuktuy khotun aartyk”) runs to the lower world, to the country of “Arsan Duolay the Daredevil, the strong aged man”.

Under the southern sky, beyond the great ridges “old, covered with hoarfrost madam road with the ice breath” (“yuelyuer yuelyuu abyn yueryue kyuebyute turar Yuelyuu Chyuerkyuechyuekh tyuerdyuger killerer soguruu khallaan annynan, uluu khaialar ulaga yettyuleriien, kyrjagas, kyryalaakh Muus Kyunnyuie aartyk khotun”) leads to the lower world, to the country of inescapable charms and disasters.

The warriors who have been to the lower world, who have absorbed its stinking spirit into their bodies, who have been burdened with a heavy burden of their glory and finally who have been empurpled by blood of defeated enemies, cannot go to the upper world, to the country “Praised Great Lord”. They are too heavy, and pressure of their feet is unbearable for “Madam Kyakhtiya”.

They cannot pass more than a half of the way. Nine terrible icy whirlwinds drive them back; the road groans under their feet and, weakened warriors are carried away by whirlwinds and plunged with mortal wounds into the middle world. If the road’s spirit remembers their gifts and sacrifices brought by them after victories, it addresses to the tribes of “White Old Lord” with a request for their purification and rescue. Usually in these cases five “udaganki” - daughters of the Sun, the Moon, the Pleiad, the Venus and the Great called “aiyy namyhyn udagattar” are sent to help the warriors. Only they are able to revive the dead, knit chopped-off parts of a body, and also to remove and delete dirty spirit — to clear the person by means of magic spells.

Great warriors in such cases also are exposed to bathing in water of disasters (“yuelyuu uutugar”) located under the western sky in the upper world. Sometimes smiths at their own homes do it subjecting the dead to bathing in such water.

Thrown out on a top of the iron and skewbald mountains, red-hot warrior is sprinkled by the magic saliva of the eagle of the sky (“khallaan kei kyla”, “bar kyylla”, after that the hero becomes strong and impregnable as steel, (“ukulaat timir kurduk”). Now the revived warrior can hope that he will stand elements of the upper world.

LAST FIGHT AND LIMIT OF THE WARRIORSHIP

Limit of powerful feats is: 1) a triple fight in the lower world, including fight against spirit “Muus Kudulu baigal”, 2) a triple fight in the middle world, including fight against the Tungus warrior and 3) a fight in the upper world.

And the warrior is considered great if he fought on a “magic barrow” in the country “Yuelyuu Chryuerkyuechyuokh” and on «Halbas Khara» in the country “Praised Great Lord”.

But it is not yet a limit of powerful feats. The last limit is a travel to the country “Jyuelueryu yutyugen”, i.e. a “gaping underworld”. To reach it, it is necessary to pass through the country “Ap salbanyky”, i.e. “Spell licking from the greed”.

Between the countries “Ap salbanyky» and “Jyuelueryu yutyugen” there is a well-known and terrible the “Fiery slough sea” and even a spider (“oogui ogus badaraannyr uot jebere baigal” or “uot luoga baigal”) sticks in. It is impossible to fly over the sea because there are ardent whirlwinds twisting everyone as a mote. A monster-warrior catches by a magic lasso a hero grasped by whirlwinds and plunges him into eternal torments in the fiery slough sea.

A flaring and moving axis of the lower world in the form of extremely thin string (“allaraa doidu uot oguruk syndyyha”) lies on the fiery slough sea from the coast to the coast. Great warriors of three worlds passed only by this “uot oguruk syndyyha”. Warriors from “abaahy aimaga” pass it previously having turned into an iron cat with eight feet. However, even in this case the majority of them, having lost all the claws, fingers and paws, cannot bear the burning atmosphere of heated and moving “syndyys” and is plunged into the fiery slough sea. Only the greatest of them stand this test. Warriors from “aiyy aimaga” turn into infinitely long iron pole and stretch by a magic chain to the other coast. “Udaganki” turn into a fiery chain and run by magic “syndyys”.

A monster-warrior with three heads, six hands and six legs, the black wizard, famous Mogoidon (“Yus khos bastaakh, Ita iliileekh, alta atakhtaakh, alyp khara, aat Mogoidoon bukhatyyr”, and “Mogoidoon” can mean “snake” or “dragon”) lives in an iron barrow at the bottom of the underworld on that coast of the fiery slough sea.

Victory over it is the last victory. Fight in the country “Ap salbanyky” at the bottom of a gaping underworld “Jyuelueryu yutyugen tyugeger” is limit of the warriorship. The greatest warriors, who have reached this point, are equal to titans, inhabitants of the heavens. Reperformance of all feats is considered as a boasting and impudence. It is condemned by public opinion in all three worlds. Such warrior is punished by “seme-sukha” or “saet-seleen”. There is a well-known moral about it: “yutyue bukhatyyr biir syrylaakh” or “yutyue bukhatyyr biir okhsuulaakh”, i.e. “the goodwarrior goes one and only time”, or “the good warrior wins at one blow”.

FORTUNE-TELLING (“TANKHA”) AND ITS MEANING

The purpose “tankha” is by its means to know about the birth of a warrior. “Tankha” is used to know whether the time of birth of the warrior who will win other warriors come.

Also “tankha” can take place by personal poll, whether the new hero in any tribe was born.

According to “Olonkho” the homeland of “tankha” is the lower world, where there are iron swells by number of three worlds and three great “biis uuha”. The destiny of three great “biis uuha” can be predicted or defined by three swells. If casted lot shows the middle swell, the middle world wins or “Yuryung Aar toyon biihin uuha”, i.e. tribes of the White Aged man (“aiyy aimaga”), the Magician witch, the old woman “Byuegyuelyukeen” will swing the average swell and sing about a victory “aiyy aimaga”. The beginning “tankha” is learned by knock of swell, and the result by a lullaby’s meaning.

The destiny of fighting parties also can be predicted in “tankha” — the warrior wins if his “kut” remains whole and grows in swell. “Tankha” can be conducted for each warrior. The athlete going to fight usually drives in into a hitching post, his first and favourite arrow. If blood begins to flow from the arrow, relatives will know about his defeats or about danger menacing to him. If the arrow decays and breaks off from the hitching post relatives will know that the athlete is dead or captivated. If the arrow grows with a horsehair — it means he won.

A contemporary interception under a window, at an ice-hole and so on come from ancient “tankha”.

In “Olonkho” there are cases of kidnapping with a purpose to acquaint a child with other culture and to send his destiny by other way — against his world and related to him tribes, and also with the aim to learn his destiny at “tankha”.

In general the worlds resort to “tankha” in a wartime and for the military purposes, and also use it as peaceful means for dispute settlement.

CHARACTER AND TYPES OF ATHLETES OF THREE WORLDS

Warriors of all three “biis uuha” differ by power and dexterity. The ancient Yakut “uraankhai Sakha” characterizing in “olonkho” warriors of all worlds finds in them the following common features and qualities:

- 1) Great power and large stature.
- 2) Eats a lot and eats quickly.
- 3) Extreme persistence and grit.
- 4) Preference of death before a shame or cowardice.

Individual and distinctive features:

1) Warriors from the middle world or from “aiyy aimaga” are characterized by differ special vigilance of sight and accuracy in archery. Warriors from “abaahy aimaga” suffer from a blindness, their eyes are covered with pus and spots, and they shoot very badly.

2) Warriors from the middle world or from “aiyy aimaga” are cunning, artful and characterized by special distrustfulness to enemies. Warriors from

“abaahy aimaga”, being extremely artful, have a big trustfulness to a word of the enemy.

3) Warriors from the middle world or from “aiyy aimaga” are of reserved disposition, they avoid boasting of their power and dexterity. Warriors from “abaahy aimaga” are extremely arrogant and boastful, and that is why they abhor even a small accidental shame. They are too proud and ambitious, and that is why at the slightest failures and misses they are incurred ridicule by everyone.

4) Warriors from the middle world are pure, clean and their faces are either white, or swarthy; they are very fastidious. Warriors from “abaahy aimaga” differ special untidiness, their persons are dirty and black. From them bears indelible then and a stench. They differ pantophagy, disdain nothing.

5) Warriors from the middle world or from “aiyy aimaga” never marry daughters of “abaahy aimaga”, warriors from “abaahy aimaga” always aspire to marry daughters “aiyy aimaga” .

6) Warriors from the middle world or from “aiyy aimaga” do not have an ability or a magic power to heal wounds or to knit chopped-off parts of a body: for this purpose they need help of sorceresses “udaganki” or use of “immortality water”. All warriors from “abaahy aimaga” has this magic power. Heros just need to spread with their saliva wounds to heal them. They can stand three deaths by their own powers and they are extremely evasive from the death.

7) A Tungus warrior is characterized as very dexterous, cunning, mistrustful, but he is weaker than the first ones. He does not belong to one of three main tribes. He appears from the northeast and goes to the southwest.

If the Tungus hero wishes to kidnap the woman from “aiyy aimaga” at a meeting with the warriors of the middle world he pretends to be hungry or dying of hunger and cold. He alleges that during nine days he scours the mountains and woods to find a bag but the spirit of hunting “Baay Bayanai” is not on his side. He drops the stick for whipping of deer and can’t get it because he is too weak to hoist from a sledge. Warriors from “aiyy aimaga” pick the stick with laughter. In the twinkling of an eye Tungus is already disappeared, and together with him there is no wife or sister of the one who came to the rescue him.

Tungus warrior is extremely sensitive. During a dream he sleeps sitting and one eye is closed, another is awake, it guards. At the slightest rustle of a grass, he wakens with a shout.

Warriors of the middle world ride a horse, warriors from the lower world “abaahy aimaga” ride a harnessed bull. Warriors from the upper world “abaahy aimaga” ride a fiery dragon. Usually Tungus warriors ride a deer but main of them – go on the skis scattering extensive sparks during a walk or races.

TOOLS OF FIGHT AND ARMOUR

Descriptions of the tools of fight and armour are very rich. Weapons are described in comparison with a woman, different animals and plants.

“Olonkho” draws a different appearance of representatives of different worlds.

Warriors from the upper and lower worlds of “abaahy aimaga” have smooth three-layer iron chain armour. Warriors from the middle world and from the upper “aiyy aimaga” wear silver chain armour (top) or iron chain armour similar to a silver dust, elastic, as if it was wattled of thin wires. Their armour is also three-lined.

Warriors from the upper and lower worlds of “abaahy aimaga” wear the head three-layer iron (wide and low as the decayed nest of an eagle) peaked helmets. Helmets from a skin of an animal are mentioned as well.

Warriors from the middle world have three-layer iron helmets with the sharp end on beaver or sable fur. And in the helmets decorated on the top with horns are mentioned also.

Warriors from the upper “aiyy aimaga” have three-layer silver helmets. The majority of athletes from “aiyy aimaga” have a usual cap made of beaver fur with a top from a sable or from pads of silver foxes, with horns on top.

Among innovations in the armour of the recent period mentioned in “Olonkho” are gold armour: chain armors, helmets. Also frock coats pulled together to sideways and turned up iron ties are undoubtedly taken from modern Russian culture.

DESCRIPTION OF THE WARRIOR'S HORSE

According to “Olonkho” the horse cattle occurs from “Uot Jyuehyuegyuei”. At the same time there are the other “Jyuehyuegyuei” — Madam Jyuehyuegyuei with a fence and also Lord the sun Jyuehyuegyuei. Obviously, we here deal with more ancient concept already forgotten during “Olonkho”.

Horses are sent from the tupper world, from the heavenly country, the Sun country, by Lord Jyuehyuegyuei to athletes of the middle world or from “aiyy aimaga”.

Powerful horses are gifted by keenness to feelings of their owners. Horses have magic features:

1) In the critical moments they are endowed with ability to speak in language “uraankhai Sakha” and give to owners advice and instructions. In this regard they are sometimes better than their owners.

2) Warriors resort to concealment of the wives or sisters by a magic way — in an ear of their horses, and sometimes horses suggest the owners to rummage in their ear and to pull out from there an eaglet. If the warrior slaps the eaglet properly, it grows as the mountain. If you enter into its mouth you will enter into the country covered with greens, where there are two columns. On the first column there is a flower, and on the other — dairy products. The warrior eats this food, and feels cheerfulness, growth of a power and inflow of fighting passion. A horse eats the flower becomes vigorous and fast as well.

Horse to the warrior is the companion, comrade and adviser. The good horse does not wait for the second blow of a switch as the good person is quick to perform the promised word.

“Olonkho” describes the warrior's horse as a big strong horse with a long tail, blue halter, leash of the color of a solar shadow, stone hoofs, rainbow-bright belts. The horse is covered by red horse cloth and black saddlecloth.

The saddle has a hook from copper or from iron on its front part, the hook has an image of the horse head. A lash – a scraper with three brushes-scourges – hangs on a hook.

Ancient Yakuts in summertime usually took with themselves a fan made of a foal tail or horse tail for protection against flies and mosquitoes. “Delbiir” (fan) hungs on the hook at the saddle as well. A sweat cloth under the saddle was made of turned yellow, dry, but a soft grass. Sitting of the saddle was made of the wool filled in a shammy pillowcase. The saddle was covered by expensive skin, and female saddle was covered by shammy leather embroidered by silver plates. The front part of the saddle was coated by the silver plate decorated with an ornament.

IDEA ABOUT THE MIDDLE WORLD

Purpose of scientists is to determine the origin of Yakuts exactly, to specify their ancestral home and to find out those reasons which forced them to move to the far North – the territory of modern Yakutia.

My business is limited only by representation of materials regarding the issue and consisting of a folklore.

In the majority of cases “Olonkho” mentions that on the western part of the middle world there is “Araat baigal” or “Aryla baigal”. “Araat” and “Aryla” mean the same sea; one should mean, undoubtedly, the Aral Sea. Therefore, the middle world should lie in the east or in the northeast direction from the Aral Sea. This is the first. Often “Olonkho” describes the other sea – “Muus kudulu baigal” on the western border of the middle world, i.e. the “ice deep sea”. This is the second. Mentions of two seas seem inconsistent only at first sight. The ancient Yakut, “uraankhai Sakha”, appears for the first time in the middle world at the very beginning of patriarchy.

He was to have evidenced the dawn of matriarchy on his first homeland. Probably ancient Yakuts had lived in the northeast of the Aral Sea at the initial stage of patriarchy and during the whole era of matriarchy. Therefore in the first years of a heroic era the folklore could include in “Olonkho” the name of the Aral Sea and transfer it to the epos of heroic time in the middle world.

As for the “ice sea” its emergence in “Olonkho” also needs to be explained.

In the middle world there are three roads mentioned in all “Olonkho”. Part of these roads should be referred to three periods and to three different places, i.e. to the first homeland, resettlement ways from the first homeland towards the middle world (the second homeland), and only the part of the roads can be sounded to roads of the middle world. In all “Olonkho” it is said that on the southwest of the “ice sea” there is a road going to the country of “Praised Great Lord” – “bloody road Kyakhtiya with a cuckoo on a landmark ». Then undoubtedly, the “ice sea” is neither more nor less than the Lake Baikal freezing in the winter.

Before getting to present Yakutia from Central Asia ancient Yakuts were to have passed a way from the east side of the Aral Sea through the ancient Chinese empire (Tibet - Mongolia) and have stopped in the east from Baikal.

Of it convince also other data. It is said that in ancient chronicles of Chinese there are messages about uraankhay-Yakuts. It is ad notam.

In the middle world “uraankhai Sakha” for the first time faced Tungus warriors. They appear from the northeast and leave to the south of the middle world. The Amur and Priamursky areas should have Tungus, as well as now.

In all “Olonkho” the well-known smith “Kytay Bakhshylaany” is mentioned. His name means literally “Chinese Bach-Sung-Iyen”. The homeland of this smith is mentioned being in the northwest from the middle world, and sometimes directly on the west of the middle world. It quite coincides with the assumption that the middle world lies on the east side of the Lake Baikal.

On east side of the middle world the warm seas are mentioned that quite corresponds to geography of the East.

According to “Olonkho” the lower world has three countries, and two countries are located in the northwest, to get the third country you need to go by the road under the southern sky. This idea could appear when later on ancient Yakuts have lived in the average territory of these countries.

Among small nationalities, the Chinese culture was to have dominated. Ancient Yakuts can refer Mongols in the south and Buryats in the north to one tribe, and Chinese — to another tribe and themselves — to the third “biis uuha” having roots in Central Asia in nationalities of the Turkic and Tatar people’s origin. Such definition quite coincides with the legend about formation of three countries or three worlds.

The well-known smith of «Kytay Bakhshylaany» occurs in “Olonkho” from “Arsan Duolay”s” tribes. These tribes in more ancient “Olonkho” are called as “Aan Darahy biihin uuha”. And sometimes “Arsan Duolay” is called as “Arsyyin Duola” (“aar-suun dao-liin” or “ar chun dao yen”). Obviously, here we have the first idea about Chinese people when uraankhay-Yakuts went from Central Asia to the east to the average world.

“Sotuun tiriite sonnookh” and “sarahын tiriite sabyylaakh” were to have been Chinese soft goods unfamiliar to ancient Yakuts. Sometimes the warriors from “abaahy aimaga” are represented wearing clothes with the image “kyulgeri”— “lizard”; it should be the image of a dragon.

The concept of the middle world is connected with heavenly war after which names of Chingiz khan, Odun khan and Jylga are mentioned.

Ancient Yakuts after this war settled in the middle world and began to face with “abaahy aimaga”.

SACRIFICE

Heroes of the “Olonkho” era make a sacrifice only in two cases: 1) on the occasion of a victory when the triumphing winner sacrifices to spirits of four roads and wars a part of a body of the killed, burning all other parts; and 2) when the warriors sacrifice a cattle to the great smiths as compensation for their work and for the taken tools of fight. There is no other types of sacrifice.

For the first time the sacrifice is mentioned as the promise, but not as the fact at the end of a heroic era of “Olonkho”. Emergence of the sacrifice “Olonkho” explains as a result of a victory of uraankhai-Yakuts over “abaahy aimaga”. Great warriors from the tribe of uraankhai-Yakut exterminated all

warriors from “abaahy aimaga” of the upper and lower worlds and by that caused their revenge and the damnations in the form of different diseases. “Abaahy aimaga” of the upper world sent the diseases destroying the top part of a body of the uraankhai-Yakut, and “abaahy aimaga” of the lower world — diseases destroying the lower part of the body.

That is why according to the advice of the great sorcerers Yakuts began to pay off from these diseases by the means of the sacrifice. As it was necessary to pay off from diseases from the upper and lower worlds, Yakuts began to note these payoffs substantially. As result, the sacred tree “kerekh” and its “kuochai” came into existence. If “kuochai” is turned by its sharp end to the south and directed up, the offering is brought to the upper “abaahy aimaga”. If “kuochai” is turned by its sharp end to the north with an inclination down, the sacrifice is made for “abaahy aimaga” of the lower world. “Kerekh” and “kuochai”, playing the role of documents testifying the payment, should be especially protected and preserved. Gradually these trees became sacred and began to be used as objects, attributes of a ceremony. Further the sacrifice and its attributes — “kerekh” and its “kouchai” — underlay of a basis of a religious cult in the form of a shamanism.

CULT AND ITS EVOLUTION

Shamanism is based on sacrifices to the upper and lower “abaahy aimaga” as a payoff from diseases. It as was already told earlier.

A cult of “uraankai Sakha” of the heroic era was the cult of a celebration and joy of life. A basic element of the cult was “yhyakh” as a horse breeding and fertility holiday, i.e. the summer and beginning of family life (marriage) holiday. In all main ceremonies of the cult “yhyakh” occurs in this or that form.

Big and small “yhyakh” and other its forms are accompanied by a special ceremony and organization. A place of meeting of people at “yhyakh” is called “tyuhyulge”. It is enclosed by the young blossoming birches connected by hair string (motley of white and black color) decorated with bunches of a horsehair.

Then the hitching posts decorated with bunches of a horsehair are constructed. Hitching posts have tethered foals — “kulun”. All subjects and ware are decorated with brushes from bunches of a horsehair too. A place of competitions, beginning from “tyuhyulge” is enclosed by a young birches with the same ornament.

“Yhyakh” starts with a consecration — “algys”. The young horses and kymys are consecrated, the summer and nature gifts receives the blessing. “Algys” comes to an end with a gratitude of uraankhay-Yakuts to a nature and horse breeding deity with wishes of a everlasting happiness to the organizer of the “yhyakh” and to all uraankhay-Yakuts.

“Yhyakh” is accompanied by songs in a circle and circle procession towards to the sun. This procession under songs towards to the sun is called as the dance of “yhyahk”.

Other elements of the cult of joy are: address to the patroness of a cattle about a sending of non-decreasing happiness and fertile young cattle, departure of the madam of “Aiyhyt” on the third day after childbirth. In this ceremony of the cult of motherhood only women and teenage girls — future mothers participate.

“Udaganstvo” (sorcery) and a shamanism sharply differ from each other: the first is understood by Yakuts as the cult of joy, and the last one as the cult of black forces. Therefore, shamans, representatives of the black cult, can’t enact ceremonies of the cult of joy: “aiyyhyt tardar” or consecration of “yhyakh”. “Aiyhyt tardar” can be enacted by the “aiyy oyuuna” or white shaman.

CONCEPT OF EXISTENCE AND NON-EXISTENCE

The concept of life is defined by the word “kut”. And “kut” comprises three elements: 1) “iye kut”; 2) “buor kut” and 3) “salgyn”. Set of these elements gives completeness of concept of existence — “kut”.

Loss of one of these elements leads to the illness of an organism and its destruction. An idea of a healthy body is defined by the word “syur”. People say about the person whose health is lost irrevocably: “syure tostubut”, i.e. “his health is broken”, “his viability is broken”.

The uraankhai-Yakut’s concept of a non-existence starts with an idea of existence of the country of the non-existence (“jabyn” or “jabyl”). After death of the person, his soul goes to this country where there is no life. The concept of the existence is closely connected with life of a live organism, out of an organism there is no life for “kut”. The ancient Yakut has no idea of afterlife or existence in the beyond.

The concept of the non-existence can be clearly presented and explained by the word “kyraman”. Soul of the person, after his death, having disappeared from his body, continues to live on the earth between the existence and non-existence. It can’t come back to life and at the same time it can’t go to the non-existence country (“jabyn” or “jabyl”). On the earth it should suffer for crimes of its owner. Therefore, in the afterlife there is no suffering for the crimes as there is no the afterlife too. The criminal should expiate all the sins at the life and his soul as the integral element of life, participates with it in its sins and punishment. “Kyraman” is accompanied by punishment and doom to a damnation of the criminal. That is why the concept “kyraman” suits to concept of the doom to fate. Later on the concept “kyraman” extends. The criminal against existence or life answers not only by himself, but his children, grandsons and so on, in whose veins his blood flows answer for his sins. Probably the expansion is connected with evolution of the cult with shamanism. The diseases of the father acquired by him because of his dissolute life, are hereditarily transmitted to his posterity. This usual for us phenomenon was explained by the shamanism as the punishment sent to the criminal against the life by the highest forces: his descendants are responsible for him and his sins because his part in the form of related blood lives in them.

SPIRITS (“ICHCHI”)

All spirits — “ichchi” of the three great tribes appeared in the middle world together with uraankhai-Yakuts and in order of settling of the middle world. Therefore, all spirits should be referred to 35 tribes of the middle world. When the great tribes concluded the peace treaty the role of each spirit in the middle world was defined. All of them were appointed for patronage for all types and branches of an household and crafts.

In many “Olonkho” there are mentions about representatives of “Ieyekhsit hotun” and “Aiyhyt hotun” — wives of the warriors from uraankhai-Yakuts. More striking example of their close and already established ties is that the warriors of the middle world going to the fight always address to a deity of the native corner madam “Aan Alakhchyn” for blessing. In this case she does not only bless him for a way and fight, but also let him suckle for granting him a power.

In general, when uraankhai-Yakuts have lived in the middle world all spirits were visible and entered with them to relations the intercourses though uraankhai-Yakuts separated them wherever possible from themselves. However, uraankhai-Yakuts resorted to their protection in cases of need.

Since the end of the heroic era of “Olonkho”, i.e. with withdrawal of uraankhai-Yakuts from the middle world, all spirits began to communicate with people only through shamans and sorcerers-“udaganki”.

Some of the spirits have changed over time. For example, the patroness and deity of a cattle shed “Nyaajyy Nyankha” has turned into “Simekhsin emeekhsin”. Firstly, this transformation points that any value and idea of this deity is now forgotten. Secondly absolutely new idea of “Nyaajyy” as a spirit-cuckoo came into existence. The spirit-cuckoo nest in the yurt or cattle shed, cellar or barn, in any dark corner, and destruction of its nest attracts its anger to young cattle. “Nyaajyy Nyankha” and “Simekhsin emeekhsin” have almost the same functions of protecting from any disasters and the diseases of the cattle but “Simekhsin emeekhsin” a slave working in the cattle shed. It as the spirit it has a power of prophecy, but in the view of its slavish position it lost the value. Its prophecies and predictions are interpreted as the revelations of more honorable and higher spirits such as “Ieyekhsit”.

Here only one objection is possible, namely that in the era of “Olonkho” work is considered as sacred. However, not all kinds of work are sacred, as well not any worker is sacred. Work of the smith as the work making tools of death is sacred. Work of a potter as the work making fire-resistant ware is sacred. And it is unknown, whether representatives of the specified professions are inviolable. There is, for example, an information that the spirit of the smith is heavier and stronger than spirit of the shaman and the soul of the shaman can't eat soul of the smith.

“Simekhsin emeekhsin” as the spirit is an eternal being, but as the human is the slave despised even by slaves. Its functions are sacred for spirits but lost value for people, and under the influence of slavery former “Nyaajyy Nyankha” turned into the old woman slave.

“YHYAKH” AND ITS MEANING

Big or great “uluu yhyakh” in “Olonkho” begins with the wide notification of the people, with the invitation of all daring heroes and warriors. The beauty of a daughter of the organizer of “yhyakh” and celebrated in three worlds names of well-known heroes and warriors which want to win her hand in marriage are reported to attract more people.

Warriors and heroes should go by this invitation otherwise they can be defamed as cowards. In the case of success and victory they are waited by happiness of marriage with the beauty in honor of whom laudatory anthems are sung in all worlds.

“Yhyakh”, being a horse breeding and fertility holiday, at the same time is also a family holiday as organizers of “yhyakh” celebrate growth of the family in the person of their daughter obliged to give a life to new generations, i.e. to make root in the far future. “Yhyakh” is of great importance for education of young generation and for a hardening of its competitive spirit. The youth is tested at “yhyakh” and tempered in the competitions. Idea of achievement of a maturity is connected with participation of young people in “yhyakh”. After “yhyakh” they are already considered as adult people.

Big “yhyakh” can go on for years when parties taking part in the competitions are of equal power. As a result never-ending wars in all three worlds can flash. In such cases “yhyakh” totally brings to ruin its organizers. Big “yhyakh” comes to an end by small one. Participants of small “yhyakh” are representatives of family and patrimonial circles.

Small “yhyakh” is a holiday of victories and feats of the groom, and also the beginning of marriage life of a new family. This “yhyakh” lasts until a trip of married to the husband’s home. Before dividing a marriage bed newly married halve a food. Usually it is a heart of young cattle. Food is put in ware “ymya” filled with oil. All this means that marrying should love each other and live in a mutual consent and happiness. Moreover, there is white oil in a separate small ware for a rubbing of a body before marriage night.

Before departure of newly married all go out of the yurt. Slaves and male members of household stand on the side of the old man, and 6 best of them (or 12) support him. Slaves and all female members of household stand on the the of the old woman, and 6 slaves (or 12) support the old woman. All people are dressed in the best and valuable clothes. The old woman with kumys in choron says “algys” — wishes of happy journey and happy family life. She blesses the daughter with wishes of kind posterity to spread the blood of her relatives, her father and mother in her posterity and bred from century to century, wishes of having a lot of horse and horned cattle, wishes also to have a rich “yhyakh” from generation to generation.

After parent’s “algys” newly married wife is sit down on the ridden-out horse decorated with the best ornament, and, she climbs up to a saddle by the back of the slave going with her as “aemnik kulut”.

MEETING OF NEWLY MARRIED AT THE HUSBAND'S HOME

The winner of the competitions and struggle against warriors of the three worlds topped with the glory, the name of which rattles as the spring thunder, going with the young wife and her dowry is met by relatives with a big celebration.

In honor of this event the “yhyakh” within a family and clan is organized. Newly married are met before entering into home fields on an edge of young forest — “aryy challakh teya” where a hitching post “serge” is put for them. The daughter-in-law (“keyeet”) stops near “serge” where she is lowered on the land, on a flower “acha”. Here she should decorate a hitching post with bunches of the horsehair strung on a woolen, motley string. After that she is led by hand (if it is possible iith a use of skin of a silver fox) around the forest three times going towards the sun. Only now she will be met by the madam “Aan Alakhchyn” with gladness and all spirits of this area are personally convinced that newly arrived woman bears with herself happiness and life of this area, that she will fill the district with the decorated hitching posts, will enrich it by horse and horned cattle and in general will make it happy.

Outside and inside of a yurt of husband's relatives the other ceremony is conducted. Here male slaves and female slaves with a greeting guide horses of newly married to new decorated “serge” «сәпрә», then help to married to lower from horses and cover with grass a way “debdirge” to a threshold. The woman leads young wife by hand into the yurt on the threshold of which she puts a flower or a grass “acha” or “yuker”. Having entered in the yurt, young wife shouldn't be shown to fire in a small fire-place therefore she is lead in “kappakhchy” behind a small fire-place, and she should throw into a small fire-place three sheaves of splinters. All this mean that daughter-in-law arrived to the house of the husband to blossom as a flower, to live and give posterity, to keep and continue fire lit and burning from generation to generation in the family of husband's relatives.

ROLE OF “SIMEKHSIN EMEEKHSIN” IN ALLOCATION OF THE DOWRY

Allocation of a share of horse and horned cattle is made in two ways: 1) parents by themselves and in their own way of a discretion allocate for newly married a part horse and horned cattle, and a part of slaves, but no more than one third of all; 2) parents suggest the daughter to choose by herself the share because if she leaves them dissatisfied with the dowry it is a bad omen for her just-beginning life.

Usually “Olonkho” describes the daughter choosing foals and calves and forcing to take their “tomturuk”(collars). When the driving off get under way, calves and foals follow their collars, behind them their mothers — mares and cows — follow them; even two-year old and three-year old mares and cows with their cubs also follow their leaving mothers; behind them the oldest mares and cows, stallions and bulls follow them with tears. Thus, all cattle leaves following each other.

It is the time when “Simekhsin” jumps out from the cattle shed with shout, scattering extensively hot coal and ashes. Dust is kicked up as a smoke,

sparks twinkle and complete illusion of a fire is created. “Simekhsin” in fury cries and shouts: “Oh, trouble! Trouble! Dear child, look back — turn back! Your relatives from a grief that you stole all their cattle, went mad, burned the yurt and hung themselves the hitching posts! Dear child! Look back! Turn back! Think of your relatives!” Newly married turns round back — cunning was successful: two thirds of all leaving herd come back home.

All this should mean that the share of the newly married should not exceed one third of all cattle and slaves. If the woman takes more, there is no a blessing of her relatives for it.

It also means that the married woman all her attention turns to interest of the new family, her own household and she even sacrifice the wellbeing of her abandoned parents.

CHILDBIRTH

At first delivery women always address for the help to the patroness of the cattle “Aiyhyt khotun” instead of to the patroness of motherhood “Ieyekhsit khotun”. This contradiction should be explained: at matriarchy “Ieyekhsit khotun” was a “mother — ancestor” of the clan; when the patriarchy period came “Ieyekhsit khotun” turned into the deity, patron of a clan, family and motherhood. Probably “Aiyhyt khotun” was the patroness of the motherhood and cattle at matriarchy, with transition to patriarchy it became the deity of the cattle only, and mother ancestor “Ieyekhsit” took places of “Aiyhyt” — the deity of midwife art —which couldn’t completely lose its value. Therefore, women address to “Aiyhyt” for the help and blessing at childbirth.

“Aiyhyt” appears in the form of a mare and its neighing fills all surrounding nature with white and dairy divine grace. Then it comes to an honorable window, pushes its head into yurt and its neighing fills all yurt with the same good fortune as well. It is necessary to pay attention that the goddess of a cattle appears in the form of a mare.

Before childbirth, women in yurt prepare 4, sometimes 8 wares with the kindled oil; the part them is put in four corners of the yurt, and a part at the corner of east bed where owner of the house sleeps.

Before the moment when the pregnant woman should pass from plank beds to a place for childbirth, she asks to bring and put her precious clothes and ornaments to sides of the yurt and only after that she or her husband addresses to “Aiyhyt” and “Ieyekhsit” to come and help the delivery and bless her with the child.

“Aiyhyt” having filled the yurt with white-dairy good fortune appears in the form of the woman at the age of no more than 50 years and says “algys” about a birth of the boy or twins — the boy and the girl. Then it starts to help the pregnant woman, as the midwife by rub and massage.

In all “Olonkho” the woman gives a birth not in lying but in semisititting position. That is why an earth floor of a yurt is covered with hay, and into the earth drive in the stake branching on top on two parts for which the lying-in woman and keeps both hands.

As soon as the child is born, “Aiyhyt” declares in delight that it has presented the woman with the happy child and her posterity will grow from generation to generation. After that, “Aiyhyt” leaves.

A child-warrior, having fallen to the ground from a parent womb, with shout runs on all fours from a yurt. If the father couldn't keep the child or the child is so strong that overturns the father he disappears or is abducted.

The withheld child wind with habenula, having turned in a skin, and allow him to suckle: having accepted a parent breast, he cannot already escape.

Therefore, when people know about the birth of the child-athlete of unknown power in advance they do special preparations. Usually they dig a wide and deep hole, a bottom and walls of which is covered with stone tiles. The woman three days prior to the delivery goes down there with a food stock for six days; then a hole is closed and covered with stones and earth. It prevents escape of the child-athlete or his abduction.

The birth of the warrior is felt by all three worlds, and the destiny of the newborn is already predicted and measured in the country "yus tankha bihik tyuerdyuger".

It is the description of usual childbirth of uraanhai-Yakuts and a birth of the warrior in "Olonkho".

THE "AIYYHYT" SEND-OFF

After the delivery the woman gets up on the third day and moves to her bed. It puts a placenta in a clay pot or in a birch ware and buries it because a damage of a placenta or eating up by animals can cause anger of spirits, and in particular patronesses of motherhood "Aiiyyhyt". The woman, who has drawn upon similar anger, can be deprived of fertility. The woman hides hay and a stake usually in the forest as the burn of postnatal remains, especially in a house small fire-place is strictly forbidden. Burning in fire of the postnatal remains can cause anger of spirit of fire which will strike a guilty with itch.

The pregnant woman is considered unclean "byrtakh jakhtar" and after the delivery within forty (40) days she is impure.

On the third day in the afternoon teenage girls in the quantity not less than 12 people gather at the recently confined woman's home. They, sitting a semicircle, rub the cheeks with oil from those wares which were put before childbirth for a meeting of "Aiiyyhyt". All of them looking at each other should laugh. It must be connected with female blessing which can't be heard by any man and should be accompanied by the movements expressing that the body of the woman is glad and ready to new conception. In the ancient times these movements should be done by "Aiiyyhyt", and further it was replaced by midwives. This ceremony of "Aiiyyhyt" send-off is a motherhood cult (joy of motherhood and gratitude expression to a motherhood deity). Cult of the motherhood is an expression of the matriarchy, the most ancient cult among uraankhai-Yakuts.

INFLUENCE OF HORSE BREEDING ON GAMES AND DANCES

Certainly the horse breeding influence exists both in a cult, and in games and dances. "Yhyakh" itself brightly reflects i this influence. But in "yhyakh" and its dance we also meet other influences which will be spoken speak further.

Still there is one game "annya-byuerde" representing fight of mares against

a wolf because of the foal. The wolf aspires to knock down a foal, and the mare aspires to rescue it blocking a way to the wolf. This game is very similar to Russian game “gorelki”.

Dance of girls named “chokhchookhoi” represents movements of a dairymaid of the mares passing from one mare to another. The dance consists of a jump in semi-sedentary position, in the everlasting circle-drawing towards to the sun.

Game “sokhchor taba” (“slanting jump”) consists of two elements: connection of a course of an ambler with a jump of a deer. And the “slanting jump” is the end of the game “ystanga” (“jump”) when the jumps on both feet alternately are made on the marks on the land.

“Jierenkei” is a dance representing game of foals in the field. It consists of run with semi-jumps on one foot and throwing forward the other foot lifted and bent almost at right angle.

The dance “ohuokhay” in “Olonkho” and legends of the heroic epos isn’t mentioned. Therefore, it is possible to consider that it was adopted later on from the other ethnicities, possibly from the Buryats or Tungus. Certainly, it is not necessary to explain emergence of dances only by horse breeding influence. It is necessary to consider the first basis of dances is imitation of dance of cranes. In all songs accompanying dances, it is said that people should sing and dance having joined hands as cranes dance having outspread the wings.

ANCIENT BURIAL AND VOLUNTARY DEATH

The warrior named “Myuljyu Byuegyue” from the upper world started to exterminate the horse and horned cattle in uncountable quantity when he came to middle world and saw the cattle for the first time. The offended and insulted owners of the cattle sent the complaint to “White Old Lord”. The criminal was caught by a magic lasso. “White Old Lord” resolved that sorcerers – “udaganki” should take away legs of the warrior till knee-low and lower his power by half. Udaganki made their deal. After the criminal was banished to the middle world for an eternal residence. Parents refused the criminal son and doomed him for “kyraman” telling he would die at 54 years old. By the way “Myuljyu Byuegyue” had two wives (the first and the last in “Olonkho”). As soon as he was 54 years old, he dug out to himself a hole, his wives dressed on him his best clothes, tools of fight and an armor, supplied him with meat and oil in wares. Then he alive rushed into the hole where he died. The wives made a mound from of the ground and stones over his grave. Such voluntary cases of death in “Olonkho” are not mentioned any more; thus it is necessary to remember that in this case we deal not with the ordinary person but with the doomed – “kyraman”.

Cases of voluntary death are already met in legends when uraankhai-Yakuts settled in the territory of Yakutia. These cases take place as well after mass acceptance of Christianity.

To such phenomenon as voluntary death, it is necessary to approach from two sides. The old men who have already lived the labor century and left after themselves the posterity considered their further existence as freeloaders,

excessive and unprofitable for a family. Therefore they had died but without laying the hands on themselves. Their children were obliged to bury them and to make over them a sepulchral mound. Voluntary dying persons usually were given a cattle heart to swallow it. While the heart got stuck in a throat old men were thrown into the hole and buried. People who because of pity or fear couldn't make it over their fathers were considered as cowards.

The other example of voluntary death is the following case. Two known heroes “Ingiechchime” and “Ilgieleme” tried to win over a beautiful wife of the well-known warrior. Their attempts were unsuccessful. The warrior having reached old age forced the son and the wife to bury him alive. Motive of his death was a desire to die won by nobody because at his old age he could be won and defamed.

“Olonkho” mentions a grave called “arangas”, and it has three purposes. Firstly, “arangas” was put for great warriors arrived to “yhyakh” from “abaahy aimaga”. In this case “arangas” — a place of honor for sitting. Secondly, “arangas” was put for the killed in order to invite from the upper world sorcerers “aiyy namyhyn udagattary”. The sorcerers were forbidden to touch the dirty, siful earth. And, at last, in the third case “arangas” was put for storage of a body of the warrior who had died in the war from animals with a purpose to invite the same sorcerers when the term of his spell passed. In this case “arangas” was a temporary grave. With acceptance of the Christianity, “arangas” has been put for burial of shamans and sorcerers. “Arangas” was not a mass way of burial of the died.

YURTA DESCRIPTION

In all “Olonkho” stories of the early and last periods the main construction of “aiyy aimaga” or uraankhai-Yakuts is the yurt-booth, and the minor construction is “uraha”. “Abaahy aimaga” of the upper and lower worlds have a dwelling in a form which reminds itself a barrow. The dwelling has a hole on its top instead of a door. Uraankhai yakut calls these constructions the yurt-booth as well. In all yurts of the first and second types, small fire-places are represented with six or eight sides and cut of an integral, massive boulder.

In all periods of “Olonkho” a fire is extracted only with the help of a cap lid, flint and dry, crushed grass which is storing in a leather handbag.

The legend says that fire getting by the specified way was accepted for the first time from the tribes of the upper world, from the tribes of “Praised Great Lord”. The eldest son of “Praised Great Lord” after formation of the three worlds became spirit of the fire in the middle world.

In the early period of “Olonkho” windows of the booth are described as protected by wattled splinters, windows of the yurt — as tightened by a bladder of animals or a membrane of the animal's afterbirth placenta. Sometimes “Olonkho” mentions the windows tightened by a thin fatty film, covering intestines and a stomach of animals.

The last achievement of culture in the heroic epos is mica application for windows and for other subjects. Mica was used for decorations made of a birch covering “uraha”, for decoration of doors of a store-room in the yurt or

“uraha”, and also for decoration of small wooden and birch warres where needles, scissors, threads from sinews and other materials of female work were stored.

In yurt or “uraha” there is a table called “sandala”. This table is made of a birch with several linings and has a round form — form of the sun. The table has six or eight feet, necessary for maintenance of the birch in order to prevent its bending under weight of wares. The table is called “tuos sandala”, i.e. a birch table. And, “sandala” can mean light of the sun (a table shining as the sun or the sun image).

Four walls of a yurt have plank beds attached to the main columns. These plank beds are covered with animal skins or skins of pets (horses). To guests of honor skins of a wolf or a bear are put. They are called “olbokh”, i.e. “sitting of honor”.

After the heroic epos among uraankhai-Yakuts of present Yakutia and rich people plank beds were covered with carpets from wool with the different chess and other patterns received by a combination of different colors of wool (white, black and yellow). The poor had grassy network. On all columns of a yurt or “uraha” there were hangers named “kyuekhyue”. And there were the columns having natural hangers (boughs), they were called “satanakh”. “Satanakh” had also a special purpose — a hang of birch wares with a sour cream and oil or fight and hunting tools.

Hangers usually represented animals, birds and first of all represented the horse head. The last achievement is application of a copper hanger with the same images.

OTHER CONSTRUCTIONS

Except a yurt and “uraha” all other constructions were made for the cattle. Main from them is “khoton” — a shed for the cattle, and the others constructions are represented by fences and so on. “Khoton” is mentioned not in all “Olonkho” stories. Therefore, it can be referred to the phenomena of the latest time. It is quite possible that both in the first homeland and the second one where the climate was warmer, “khoton” could not be of great importance.

The most important attention in “Olonkho” is given to construction of hitching posts — “serge”. Yurts without hitching posts make a bad recommendation for the owner because people with a dignity, known heroes and warriors can pass up. On the one hand, lack of hitching posts is a sign of the poor and namelessness, on the other hand — a sign of not hospitality and unfriendliness.

The main hitching posts are in the yard or in a fence surrounding the yurt. Their quantity is three. The hitching posts have a carving according to images on them. Usually there are images of a heavenly eagle, bear and cuckoo.

Each guest stops at a hitching post corresponding to his position in the society, and reckons with the position and nobility the owner. It also explains why not all well-known warriors stop at the first hitching post. During time of “yhyakh” hitching posts are constructed in the form of ranks on left and right sides of the yurt.

CLOTHES AND WAYS OF SKIN AND LEATHER WORKING

The main material for clothes are skins of pets and the animals which meat goes for food — a horse, an elk and a deer. Skins of these animals are worked in by the special way on a skin grinder — “talky”. Moreover, a basis of the skin grinder is the top and bottom jaws of a horse. For skins of small animals, foals and calves the skull of a horse is equipped by the wooden jaw with two ranks of teeth. The horse skin worked by such way is called “saary”, the elk skin — “tyune”, the deer skin “saryy”. Skin working is facilitated by application of sour cream, a buttermilk or the fat which has been boiled down from the bones.

Processing of leather ropes is a later phenomenon as in the heroic era ropes from hair of a livestock, in particular wattled of a horsehair took place only.

The winter footwear is made of the skins which have been removed from feet of horses, elks and deer. And elk’ paws go for footwear of more prosperous segments of the population. Women’s shoes of the rich is made from buck, soft and easy, as cloth. The house footwear of the poor and slaves is made of horse pads or cow skin. The thin and painted by coal or soot on the fat horse skin which has been worked properly is called “saary”. It is used for summer or house footwear of rich people.

The main clothes are fur-coats and coats. The fur-coats are sewed from a skin of a lynx or a wolf, and coats are sewed from skins of a lynx, a beaver with fur lining made of fox pads. The fur coat is decorated with “fish fur” absolutely similar to silvery fur of a beaver. Such fur coats are called “buuttaakh son” or valuable fur coats. The word “buuttaakh” — should be referred to the latest period.

Man’s caps are sewed from skins of a sable or from pads of silver foxes on a beaver. And sometimes the cap is described with horns and with a top lying sideways.

Female caps “Jabaka” are sewed from a beaver skin from pads of silver foxes. On the front side of the cap the round silver plate with an ornament is sewn. It is the sun image called “tuhakhta”. The top of the female cap has “chopchuur” sewed from the red cloth decorated with beads and small silver plates in the form of circles, quadrangles, three-squares or in the form of an ant.

Female mittens and footwear have ornaments from red cloth, with the beads and the small silver plates bordered with dark blue or green cloth. These ornaments are called “eterbes simege” and “yutyulyuk simege”].

FEMALE ORNAMENTS

Men of the ancient uraankhai-Yakuts do not have ornaments. The main female ornaments are “kyljy” — a silver necklace. The necklace consists of a neck ring and the long brushes going down to a breast and a back (“kyljy”, “ilin kebiher”, “kelin kebiher”). And on the middle of “ilin kebiher” there is a round silver plate with an ornament (the sun image). Brushes consist of several

ranks connected among themselves by thin rings. Ranks consist of the plates connected in the same way, and have patterns and cut edges.

Ornaments for hair (instead of a tape) consist of large brushes with beads of different color and of silver crowns.

For internal clothes there are following ornaments:

1. “Tyues simege”, breast ornaments.
2. “Saryn simege”, ornaments of shoulders.
3. “Yuettyuk simege”, ornaments of hips.
4. “Kiabaka simege”, an ornament covering a uterine part of a body, from a navel to feet.
5. “Sialjyia simege”, ornament of female drawers.
6. “Byuegyuekh”, wide silver bracelets with an ornament.

There is no rings and earrings.

The ancient uraankhai-Yakut judged about ornaments of the daughter-in-law by a ring of “kiabaka simege” when she crossed for the first time a threshold of the husband’s yurt. The ring of this ornament also helped to judge about wealth of relatives of the daughters-in-law.

WARE AND WAYS OF ITS PRODUCTION

The majority of wares were made of birch. For durability hoops from osier-beds were sewn to wares.

There were also wares made of skin, and for this purpose skin was worked in the special way with the help of dry blood. The skin processed in this way became water-proof, strong and firm. The ware from skin was used for production “kymys”.

The ware for food and drink was made of wood, mainly a birch and a birch root. For cooking of food people used the ware made of clay — “tuoi”.

The birch ware was of two types: 1) for milk and dairy products of the horned cattle and 2) horse cattle.

The ware for kymys making was decorated with brushes from silver crowns and beads, and the wooden ware had copper hoops with copper brushes.

The carving and patterns on wooden ware were made by a knife, and on clay pots — by a wooden or bone cutter. Clay was processed on a board by a wooden beater, and made out by hands and a small wooden rake.

In the “Olonkho” era work of a potter — a creator of water-proof and fire-resistant ware — was considered as sacred. Knock of a beater or a shovel of the potter was booming given on the arch of the lower world, giving trouble to inhabitants of this world.

In the “Olonkho” era smiths were also builders of yurts. Also they had made female ornaments, weapons and tools of house use — knives, axes, horse scrapers, scrapers for pots, scrapers for skin, scrapers for a tree, chisels, awls, scissors, icebreakers, etc.

Blacksmith tools were: a sledge hammer, a hand hammer, an anvil, pincers, bellows, a clay pipe, a forge, files, etc.

Spoons have three types: 1) for removal of cream from milk with a short handle, and a wide shallow scoop; 2) for scooping of kymys or milk and any liquids with a long handle and a semi-spherical deep scoop and 3) spoons for food.

The serving spoon with bunches of a horsehair has a carving and is used during the time of “yhyakh”. It is used for consecration of kymys. “Yhyakh” means an spreading, consecration, splashing.

Also the spoon is used for guessing when it is thrown up, people observe how it will fall: if a spoon, having fallen on a floor, won't overturn, this is good omen.

For getting the meat from a pot a wooden stick with the sharp end is used. In “Olonkho” also there are mentions of copper hooks.

“Ytyk” is used for milk cooking, for making curdled milk or for oil allocation from sour cream. It is rotator from a horn with the holes in it. There is a legend about dispute of uraankhai-Yakut and “abaahy kyyha”: whether it is possible to count holes of the rotator during its spinning. It was kind of difficult to count the holes because all openings merged in one tape. “Abaahy kyyha” couldn't count the holes, and uraankhai-Yakut knowing in advance the quantity of the holes won and thereby saved his life.

MEASURES OF LENGHTS

The length is measured by “bylas”, i.e. length of the stretched hands till the end of fingers. The thickness is measured by a grasp of the hands which is called “bylas” as well. “Bylas” is split up for a half — from the breast middle till the end of fingers. Half of “bylas” is split up for length of an elbow, and the length of an elbow is split up for width of a palm, it is split up for for thickness of a finger.

Distances are measured by day transition of a walking horse or the pedestrian person — “kyunnyuk sir”. One-day transition is split up for three parts — “kyues ustata”, “kyues” means transition of a nomadic tribe from morning food to the first day's rest.

In the same way the working day, length of working hours are measured. Day is divided into three parts: from morning food to the first day's rest or to the first day milking of cows; from the first day's rest to the second day's rest or to the second day milking of cows; from the second day's rest to evening food for the night.

Obviously, in a basis the summer working day is undertaken. Therefore, it is possible to detect approximately pure time of transition or work: “kyues” is equal to four hours of walking and working hours from food to food are to equal to fours as well.

Fractional parts of measurement of distance or surface of the earth are steps. And the step — “khaamy” have three types: a full step — “yllar khaamy”, an average step — “orto khaamy”, a small step — “kyra khaamy”. The step is split up for length of a knee — “soto ustata”, which is split up for the length of foot — “ulungakh ustata”.

MEASURES OF WEIGHT

Weight unit is cargo (“tahagas”) with which a horse or an ox can go during the day with two stops for rest and feedings. The quantity of the extracted fish is measured by capacity of “khoppo” — the board, long box which fourth part is equal to a cow stomach — “ynakh khaana”.

It is necessary to consider as more ancient weight unit “yndyy” — pack cargo on a horse which is equal to eight poods without a horseman, with the horseman — to four poods. A fractional part of “yndyy” is a half of “yndyy” which is split up for “syugeher”. “Syuheger” is approximately equal to 30 pounds. With implementation of a steelyard (scales) came into existence “mehemeen” — a birch ware with capacity of 21/2 pounds, i.e. one steelyard of oil. Its smallest part is equal to one and a quarter pounds or one pound. For loose substances the smallest measure is the ware equal to a handful.

TIME MEASUREMENT

Measurement of working summer day was specified in measures of length. The length of night is measured by the normal dream of the person equal to four consecutive combustion of a small fire-place. And burning of a small fire-place is equal to meat cooking in a pot. Meat can be cooked within about two hours. Time of burning of a small fire-place is measured by fire chambers for maintenance of fire which is able to boil a clay pot. Burning of fire and cooking of meat are equal to three or four consecutive fire chambers.

The normal dream is approximately equal to eight hours or four cookings of meat.

Year consists of four times: spring — “saas”, summer — “saiyn”, autumn — “kyuhyun” and winter — “kyhyn”. Year is equal to twelve months, and every month it is equal to thirty days, i.e. year is equal to 360 days.

Spring months are March — “kulun tutar”, time of appearance of foals; April — “muus ustar”, time of ice thawing; May — “balyk yyr”, time of a caviar throwing.

Summer months are June — “bes yia”, time of flowering of pines; July — “ot yia”, time of a haymaking or flowering of herbs.

Autumn months are August — “atyrjakh yia”, or “month for of harvesting of hay”, September — “balagan yia”, time for movement to winter yurts.

Winter months are: October — “altyunny”, November — “setinni”, December — “akhsynny”, January — “toksunnu”, February — “olunnyu”.

The concept about a century equal to hundred years should be referred to the last period of “Olonkho”. The century is measured by limit rate of life of the certain person. A person who has lived long life is called “the person with a long century”, and a person died at young age is called “the person with a short century”. Limit rate of life is one hundred years. People say about old men: “He reached ninety nine years of the life, a limit of demolition of the life”.

For women in limit rate of life is probable ninety years as people say: “She reached 88 years of the life with which comes to an end her century”.

HUNTING TOOLS

Tools of fight and tools of hunting have the same elements in their further development. A bow was one of the first difficult tools, both for fight and hunting. The bow consists of three elements: a) a tree — bow; b) a bowstring; c) an arrow . Further improvement of bows is the invention a crossbow, consisting of the bow — “chaachar” from the wooden trunk bordered with a bone frame where the arrow — “onogos” was enclosed; from a bowstring and from a trigger.

Bow and crossbow gave a sample to the new tool of hunting — “aia” adapted for winter hunting with which application it became unnecessary to lie in wait for animals. “Aia” consists of the following elements: a bow, a bowstring, an arrow and tool made of wood for holding bowstring in the full tense, a hook and long horsehair holding the ends.

“Sokhso” — the trap pressing small and large animals, should be referred to the the latest period of life of Yakuts. These tools of hunting were to have appeared in the territory of Yakutia and they can be partially accepted from a hunting tribe of Tungus.

WAYS OF TREATMENT AND REMEDIES

The first way of treatment for illnesses and death is spells of sorcerers-“udaganki” — “algys”. Among the other remedies, known to inhabitants of three countries is “immortality water”. According to “Olonkho” it was produced from saps of different plants and from marrows of different birds and animals.

According to other data “immortality water” from the lake of the upper world belonging to “White Old Lord” or to “Uot Jyuehyuegyuei”.

More used remedy for “aiyy aimaga” and uraankhai-Yakuts is a medicine produced from dairy products — “yuryung ilge” or “aragas ilge”. This remedy refreshed and restored strengths of the person who was tired and exhausted because of fight.

“Abaahy aimaga” from the upper and lower worlds possessed a magic power to heal the wounds by saliva. “Abaahy aimaga” also had “death water” destroying a live organism.

Still there is the legend about existence of “grass of power”. If to draw out the grass by teeth without breaking it and without breaking off its roots, it gives extraordinary force to a human body.

According to the legend this grass is known by a falcon. If strong and tightly to hammer a hollow on a tree where there is egg of the falcon in a nest, the bird brings “grass of power” and with one blow breaks out a stopper.

If right there to find this grass it is possible to receive a big power.

In “Olonkho” and so far at ear illness people apply bile of a partridge or a raven as medicine. Probably, the grass of power, a partridge and a raven belong to those elements, from saps, marrows and bile of which “immortality water” was made.

DEFINITION OF “BIIS UUHA”

The concept “biis uuha” appears from the moment of creation of three countries or three worlds, as an idea of unification of tribes related by origin and languages.

The concept “biis uuha” not only makes definition about an origin of tribes, but it coincides with emergence of patriarchy. Therefore, “biis uuha” is a concept of the nation as highest public formation.

“Biis uuha” consists of several tribes related by language and an origin. And the idea of a tribe is connected with concept about a family and a community expression of which is a power of a head of the family.

One concept about “iye uuha”, i.e. about a parent clan remained from matriarchy. At patriarchy “iye uuha” – maternal clan – united several “aga uuha”, i.e. fatherly clans. It testifies that at matriarchy “iye uuha” was a higher formation than a clan, a tribe formation with mother ancestor uniting gradually from year to year by tribal communities at what each mother of a family community was ranked to structure of the first community ancestor.

In matriarchy we have the concept “iye uuha”, there is no the concept “biis uuha”. The concept “biis” is an idea of the tribe consisting of several communities by origin (“uus”).

At the heart of concept, both “iye uuha” and “aga uuha” (maternal clan and paternal clan) lies one blood of origin.

With the advent of patriarchy, with establishment of concept of a tribe already there is wider concept “ujuor” and “iymakh”, i.e. tribe co-relationship.

CUSTOMS AND MORALS IN THE HEROIC ERA

In the heroic era the revenge is established custom of uraankhai-Yakuts and related nationalities “aiyy aimaga”. The revenge for murder, kidnapping of women, and also for an insult is the sacred business approved and supported by a tribe.

The avenger prefers death to a shame of retreat or the compulsory peace with the athlete of “abaahy aimaga”.

Hospitality and kindness are the general phenomenon, and arrogance, haughtiness are condemned.

Any free person can ask in marriage to the daughter of eminent people as the marriage results from feats in competitions and fights. In ancient marriage the property status of the groom has no value. The new family, a new household in the majority of cases are based on a share of the woman allocated to her by the relatives. Younger sons stay in a yurt of relatives while elder sons always set up on their own. An interesting fact is that first-born sons and daughters are loved use exclusively by their relatives love, while younger sons remain in neglect. This phenomenon can be explained that the first-born son first begins the life, the feats, announcing his origin, relatives, and also the first gets the yurt with a household, the first gives posterity. Married daughters become mothers of the new generation obliged by the birth to continue life and blood of the father and mother of their mothers.

Usually neglected sons become the strongest. They are brought up in the

worst conditions: they sleep on garbage behind a small fire-place, eat scraps, they are badly dressed, and sometimes tens years can't rise. Only having reached the due term, they leave for feasts and fight.

In all periods of "Olonkho" a husband and a wife live in a full consent and peace, and the woman always takes priority in the house, the man always submits to authority of the woman. When it is necessary to give names to children going to competitions, the father voluntary concedes this duty to the wife saying: "You carried them in the womb and gave birth to them in torments and blood, give them names!"

The husband and the wife divide only in one case. At an assessment of the groom of the daughter, the old man speaks: "For present young generation the groom of our daughter is quite representative, but he is a little lower and little thinner than I was at his age". The old woman says: "The groom of our daughter is much more representative than you when you were my groom and is much taller. The groom is good!" The old man, having flown into a rage, catches a cane, but the dispute is always resolved peacefully.

The condemnation of arrogance and conceit is especially brightly described in "Olonkho" when the bride should choose to a groom from equal by power heroes; in this case she always chooses not haughty and from uraankhai-Yakut.

The inhospitable person always reproached: "Not for the sake of an entertainment we came here; we came here to get acquainted with you, as with the person, as with the hero. It is find out that your avarice, miserliness deprived your human dignity".

Guests always meet with salutatory kymys and only after that conversation begins.

The father and mother turn away from children who have undergone to a damnation and "kyraman" and if who helps them is women — mother or sister. Damnation and disposal removal from «кыраман» is, maybe, expiated by suffering and feasts.

Научное издание
ОЙУНСКИЙ ПЛАТОН АЛЕКСЕЕВИЧ
ЯКУТСКАЯ СКАЗКА (ОЛОНХО), ЕЕ СЮЖЕТ И СОДЕРЖАНИЕ

Формат 70x100/16. Усл. п.л. 7,74. Тираж 300 экз. Заказ № 154
Верстка, техн. редактирование *М.П.Лыткина*
Редактирование *М.Л.Сивцева*
Художник *И.Н.Жергин*

ИП Лыткина М.П. Издательство “Сайдам”,
Республика Саха (Якутия) 677000, г. Якутск, ул. Ойунского, 3,
каб. 707, тел. 35-61-95

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО “Медиа-холдинг Якутия”,
677000, г. Якутск, пер. Виллойский, 20